

Греческие ораторы

Дж. Ф. Добсон

THE GREEK ORATORS

BY

J. F. DOBSON, M.A.

TRINITY COLLEGE, CAMBRIDGE,
PROFESSOR OF GREEK IN THE UNIVERSITY
OF BRISTOL

METHUEN & CO. LTD.
36 ESSEX STREET W.C.
LONDON

The Project Gutenberg eBook of The Greek orators

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить ее или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Греческие ораторы

Автор: Дж. Ф. Добсон

Дата выхода: 17 декабря 2024 [eBook #74925]

Язык: Английский

Оригинальное издание: London: Methuen & co. ltd, 1919

Кредиты: Тим Линделл, Тургут Динсер и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE GREEK ORATORS ***

Примечание переводчика: В этой электронной книге используются греческие метрические символы, например, U+23D1 METRICAL BREVE. Если она не отображается, вам нужно установить шрифт, который может работать с этими символами. Одним из таких шрифтов является Everson Mono.

ГРЕЧЕСКИЕ ОРАТОРЫ

ГРЕЧЕСКИЕ ОРАТОРЫ

BY J. F. DOBSON, M. A.
ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖ, КЕМБРИДЖ,
ПРОФЕССОР ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА В УНИВЕРСИТЕТЕ
БРИСТОЛЯ

METHUEN & CO. LTD.
36 ESSEX STREET W.C.
LONDON

Впервые опубликовано в 1919 году

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой книги - дать достаточно краткий отчет о работах ораторов и составить общее представление о стиле каждого из них. С самого начала мне показалось, что эта цель может быть лучше всего достигнута не путем применения методов научного анализа, а путем приведения многочисленных цитат из речей, чтобы подчеркнуть те моменты, которые я хотел бы донести. Поэтому я по возможности избегал технических приемов критики и иллюстрировал свои замечания переводами характерных отрывков, надеясь таким образом сделать мою работу легкодоступной не только для студентов-классиков, но и для тех, кто, хотя и интересуется классикой, не имеет времени или возможности изучать ее в оригинале.

Я не собираюсь заменять стандартные работы по этому предмету, такие как *"Аттические ораторы"* Джебба и *"Аттический бередсамкейт"* Бласса, которые рассматривают предмет более полно и с несколько иной точки зрения. Ни один студент, изучающий ораторов, не может позволить себе пренебречь работами этих ученых, но, хотя я часто обращался к ним, я ни в коем случае не считал себя связанным их мнениями; на самом деле, моя главная претензия на рассмотрение заключается в том, что мои собственные суждения полностью независимы от авторитетов и основаны непосредственно изучении сохранившихся трудов ораторов из первых рук.

Главной работой, помимо двух вышеупомянутых, которой я обязан, является *"История греческой литературы"* Крузе (Croiset's *Histoire de la Littérature Grecque*).

Я должен поблагодарить Баллиол-колледж и Кларендонское издательство за разрешение напечатать выдержки из *"Платона"* Джоуэтта.

J. Ф. ДОБСОН

Бристоль, июль 1919 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА.	СТРАНИЦА
I. ЗАРОЖДЕНИЕ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА	1
II. АНТИФОН	19
III. ФРАСИМАХ-АНДОКИД	50
IV. ЛИСИЯ	74
V. ИСАЙ	103
VI. ИСОКРАТЫ	126
VII. МАЛЫЕ РИТОРЫ	160
VIII. ЭСХИНЫ	163
IX. ДЕМОСФЕНЫ	199
X. ФОКИОН, ДЕМАДЕС, ПИФЕЙ	268
XI. ЛИКУРГ, ГИПЕРИД, ДИНАРХ	271
XII. УПАДОК ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА	308

ГРЕЧЕСКИЕ ОРАТОРЫ

ГЛАВА I

ЗАРОЖДЕНИЕ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА

§ 1

Ораторское искусство - одна из самых первых потребностей общества; как только люди были организованы на условиях равенства для совместных действий, должны были возникнуть случаи, когда мнения о наилучшем курсе, которого следует придерживаться, расходились, и, если не было вдохновенного царя, чей непререкаемый авторитет мог бы навязать свою волю, большинство должно было решить, бежать или сражаться, убивать или сохранять жизнь. Таким образом, различные планы должны обсуждаться, и в случаях, когда мнения уравнивались, побеждала та сторона, которая могла изложить свои взгляды наиболее убедительно; так возникла необходимость в совещательном ораторском искусстве.

У греков ораторское искусство было инстинктивным; в самых ранних полуисторических записях, которыми мы располагаем, красноречие считается даром, который ценится не менее высоко, чем доблесть в бою; короли и принцы не только "славились своей силой", но и были "вождями народа своими советами, ... мудрыми и красноречивыми"....мудры и красноречивы в своих наставлениях"; сила и мужество принадлежат всем, но настоящими лидерами должны быть советники, βουλήφοροι ἄνδρες. Нестор, который уже почти вышел из возраста, когда можно сражаться, почитается одним из первых за свое красноречие, и в то время как Ахилл разделяет со многими другими воинами славу "*Илиады*", Одиссей, плодовитый в советах, является главной темой целой поэмы. Речь Феникса в девятой книге "*Илиады*" показывает нам идеалы, к которым стремились при воспитании принца. Он рассказывает, как учил юного Ахилла быть "оратором слов и исполнителем дел";[1] и Ахилл, каким мы его знаем, вполне оправдал это обучение. Главные герои гомеровских поэм - уже беглые ораторы, способные и готовые вести разумные споры на любую конкретную тему и, более того, искать ориентиры в общих принципах. Нестор часто обращается к историческим прецедентам; Феникс вводит аллегорические иллюстрации;[2] многие ораторы ссылаются на святость закона и обычая; хотя конкретный случай стоит на первом месте в сознании, обобщения различного рода отнюдь не редки. Гомеровский советник может приводить свои аргументы и опровергать аргументы оппонента с естественной легкостью речи и готовностью к инвективе, которой мог бы позавидовать даже такой отточенный мастер владения личностью, как Демосфен.

От спонтанных излияний Ахилла и его сверстников до искусных приемов Лисия и Демосфена - долгий путь через неизвестную страну, и очевидно, что нельзя проследить определенный ход развития; но ссылка на Гомера имеет двоякое значение. Во-первых, оно может свидетельствовать о том, что греческое ораторское искусство, очевидно, рождалось в Греции, поскольку его зачатки можно найти в самых ранних анналах; во-вторых, Гомера с таким благоговением изучали не только сами афинские ораторы, но и их непосредственные

литературные предшественники, космополитические софисты и риторы Сицилии, что его влияние могло быть большим, чем кажется на первый взгляд.

§ 2

Записи о красноречии можно изучать с различных точек зрения, которые можно условно разделить на "литературные" и "практические", хотя не всегда легко разграничить эти элементы. Стилистическое исследование сочинений афинских ораторов должно найти место в любой систематической работе по развитию аттической прозы, но в такой работе, как данная, которая посвящена только ораторам, такое исследование не может быть проведено с попыткой полноты; Таким образом, хотя можно обсудить влияние Фукидида или Платона на Демосфена, не останется места для рассмотрения того, насколько сам историк мог быть подвержен непосредственному влиянию Антифона или философ - Горгия, хотя беглое указание на то, что такое влияние имело место, может быть дано. Однако если рассматривать риторику не с точки зрения ее литературной ценности, а как практическое искусство, наша задача становится более выполнимой; в литературе существует множество вихрей и перекрестных течений, но в ораторском искусстве, особенно в судебном, наблюдается более равномерное течение. Антифону и Демосфену в значительной степени приходилось преодолевать сходную почву, преодолевать или обходить сходные препятствия; и изучение их различных методов подхода к сходным проблемам может дать некоторые разумные и интересные результаты, которые станут вкладом в историю "искусства убеждения". Но даже здесь мы столкнемся с трудностями, ведь один из величайших ораторов, Исократ, которого считают одним из, как известно, вовсе не был практиком в том смысле, в каком им был Демосфен; его так называемые речи никогда не предназначались для произнесения, и их эффективность зависела в большей степени от их литературного стиля, чем от их практических характеристик. Есть, пожалуй, только один важный фактор, который в равной степени присущ всем ораторам: все они прямо и косвенно дают нам бесценные материалы для изучения афинской истории, информацию как об общественной и частной жизни, так и о национальном характере. В то время как речи перед собранием и по общественным делам расширяют наши исторические знания в широком смысле, частные речи, часто касающиеся самых незначительных вопросов, дают разностороннюю информацию по внутренним делам, сравнимую лишь с той, что недавно была извлечена из *папирусов* Египта.

§ 3

Казалось бы, конституционная свобода и сильное гражданское чувство являются необходимыми условиями для развития ораторского искусства. Такое утверждение следует делать с осторожностью, поскольку оно не учитывает тысячи влияний, которые могли действовать; но у нас нет записей об ораторском искусстве в Афинах до установления демократии, а после ограничения афинского влияния в результате распространения эллинизма при Александре ораторское искусство очень быстро пришло в упадок.

Воображение Геродота дает нам в дебатах персидского двора некоторое представление о том, каким он представлял себе ораторское искусство более ранней эпохи; но поскольку он перенес идеи своей страны в другую, без серьезной попытки реализма, такие речи не представляют для нас большой ценности. Фукидид снова свободно вставляет речи в свою историю, но это, как он откровенно признает, не подлинные записи, а воображаемые реконструкции. Тем не менее, именно от Фукидида мы должны черпать информацию о красноречии первых государственных деятелей демократии.

Фемистокл оставил после себя определенную репутацию оратора. Геродот рассказывает, как он томил греков перед битвой при Саламине;^[3] Фукидид хвалит его за умение объяснять свою политику;^[4] а автор псевдолисийской *Эпитафии* называет его "одинаково способным в речи, решениях и действиях".^[5] Кроме этих скупых замечаний и упоминания о его красноречии у Цицерона,^[6] мы не имеем ничего более раннего, чем Плутарх,^[7] который рассказывает нам, что с ранней юности он проявлял интерес к ораторскому искусству и учился у софиста Мнесифила, который, очевидно, научил его кое-чему из науки государственного управления. Плутарх записывает его ответ Эврибиаду, который насмехался над ним в совете союзников, что он человек без города, поскольку Афины были эвакуированы, и поэтому не имеет права на речь:

"Мы, злодеи, оставили свои дома и стены, не желая быть рабами ради этих безжизненных вещей; но у нас есть город - величайший из греческих городов - и наш флот из 200 трирем, которые сейчас готовы помочь тебе, если ты захочешь спастись с их помощью; но если ты уйдешь и предашь нас во второй раз, греческий мир немедленно узнает, что афиняне обладают свободным городом и страной не хуже той, которую они потеряли"^[8].

Другой фрагмент сохранился у Плутарха - обращение к Ксерксу в совершенно ином ключе, содержащее изощренную метафору, которая, возможно, была сочтена подходящей для восточного ума:

"Речь человека подобна искусной вышивке, ибо и та и другая, будучи развернутой, демонстрируют свои узоры, а свернутой - скрывают их"^[9].

Многие другие его изречения занесены в хронику; они более или менее апокрифичны, как, например, его ответ человеку из Серифоса, который намекнул, что Фемистокл обязан своим величием тому, что его город был великим. "Ты, Фемистокл, никогда бы не прославился, если бы был серифийцем" - "И не прославился бы, если бы был афинянином"^[10] Его толкование оракула, объясняющее "деревянные стены" как корабли, показывает человека, готового в случае необходимости, как Одиссей; и впечатление, которое мы формируем о нем из очень незначительных указаний, которыми мы располагаем, - это человек, всегда ясный и правдоподобный в своих заявлениях, никогда не теряющийся в объяснениях, и, возможно, скорее хороший спорщик, чем оратор.

О Перикле, который представляет следующее поколение, мы имеем более четкое представление. Мы больше знаем о его личной жизни и о тех, кто влиял на его взгляды. Его первыми наставниками были музыканты Дамон и Пифоклид, из которых первый остался его близким другом на всю жизнь^[11] и, если верить Плутарху, мог давать ему советы даже по вопросам государственного управления^[12]. Дружба с Анаксагором, несомненно, оказала сильное влияние, как утверждает Платон в известном отрывке из *"Федра"*:^[13]

"Все искусства требуют обсуждения и высоких рассуждений об истинах природы; отсюда вытекают возвышенность мысли и завершенность исполнения. И это, как я полагаю, было то качество, которое, в дополнение к своим природным дарованиям, Перикл приобрел от общения с Анаксагором..... Таким образом, он проникся высшей философией... и применил то, что соответствовало его цели, к ораторскому искусству".

Говорят, что он также был знаком с Зеноном из Элеи, искусным диалектиком, и с великим софистом Протагором.

Плутарх изображает его забавным, обсуждающим с Протагором вопрос, который является темой одной из тетралогий Антифона: человек в гимнасии случайно убивает другого копьем: кто виноват?[14] В *"Меморabiliи"* Ксенофонта[15] мы видим его вовлеченным в софистическую дискуссию со своим молодым племянником Алкивиадом, который, только что окончив риторические школы, был, по-видимому, его превосходством в аргументации, основанной на волоске.

Фукидид вкладывает в уста Перикла три речи; хотя язык - язык историка, некоторые мысли могут принадлежать государственному деятелю. Мы, кажется, узнаем его высокий интеллект, развитый философской подготовкой, и ту возвышенность и эффективность, о которой говорит Платон[16].

Комический поэт Эвполис дает нам картину с другой точки зрения:

А. "Всякий раз, когда в совете он вставал на свое место

Этот мощный оратор - так горяч был темп -

мог дать другим бегунам три ярда в забеге".

В. "Его скорость я признаю; в дополнение к этому

Таинственные чары на устах его всегда таились:

Он очаровывал; и один из ораторов

Оставлял после себя что-то, как жало пчелы"[17].

Из Фукидида мы знаем о степени его влияния на народ. Он не был демагогом в вульгарном смысле этого слова; они знали его искренним и неподкупным. Его никогда не останавливала непопулярность его политики; он скорее вел народ за собой, чем соглашался быть ведомым им; он мог умерить его пыл, когда он был излишне воодушевлен, или поднять его уверенность, когда он был несвоевременно удручен.[18] На пике его карьеры его красноречие было тем эффективнее, что его редко демонстрировали; незначительные дела в собрании решали его подчиненные; когда Перикл сам вставал, чтобы выступить, это был сигнал, что предстоит обсуждение вопроса государственной важности, и его появление вызывало уверенное ожидание, что обращение будет достойным темы.[19] Эпитет "олимпиец", примененный к нему первоначально с сарказмом, был признан более подходящим, чем, возможно, предполагал его автор. Его красноречие было благородной демонстрацией тонкого ума и высокого характера, которые в первую очередь требовали внимания.

Хотя мы не имеем устных записей его речей, несколько его фраз запечатлелись в памяти летописцев. Эгина была для него "бельмом на глазу Пирея" - она портила вид из афинской гавани.[20] Самиане, которые с большой неохотой подчинились благословениям афинской цивилизации, похожи на "младенцев, которые плачут, когда им дают папу, но все равно берут ее";[21] а Беотия, распавшаяся в результате гражданской войны, похожа на дуб, расколотый дубовыми клиньями.[22] Его лучшее уподобление - возможно, не оригинальное, поскольку Геродот приписывает подобную фразу Гелону, когда Греция отказалась от его неоценимой помощи - произошло, по словам Аристотеля, в похоронной речи:

"Город потерял свою молодость; это как если бы год потерял свою весну"[23].

Красноречие этих ранних государственных деятелей, хотя и свидетельствует о тенденциях аттического гения, представляет собой изолированное явление. Оно не имеет никакого отношения к развитию афинского ораторского искусства. Теперь нам предстоит рассмотреть два прямых влияния: софистов и ранних риторов Сицилии.

В середине V века до н. э., когда неограниченное воображение ионийских философов не смогло объяснить загадку бытия на физических основаниях, метафизик Парменид отрицал возможность точного знания, а диалектик Зенон из Элеи довел себя до немоты выводом, что не только знание невозможно, но даже грамматическая предикация неоправданна, поскольку нельзя сказать, что одно есть другое, или что подобное есть неподобное, - философия впала в некое уныние. Дух скептицизма распространился в греческом мире, и величайшие мыслители, потерпевшие неудачу в своих попытках открыть высшие истины, обратили свое внимание на практическую сторону образования. В различных городах Великой Греции появились люди с высокими интеллектуальными способностями, которых удобно объединить под названием *софистов* (просветителей), которые, пренебрегая абстрактными вопросами, взялись готовить людей к высшим ступеням гражданской жизни с помощью различных видов обучения. Величайший из них, Протагор из Абдеры, выразил свое презрение к философии в известном изречении: "Человек есть мера всех вещей - того, что есть, что оно есть, и того, чего нет, что оно не есть". Поэтому он посвятил себя изучению литературы и, в частности, Гомера. Он добился большой популярности; во время долгих путешествий по греческому миру он несколько раз приезжал в Афины, где был знаком с Периклом. Платон в диалоге, названном в его честь, дает нам некоторое представление о том, какое очарование его личность вызывала у афинской молодежи, и, действительно, "Софистика" в целом имела огромную популярность. Все молодые люди из хорошей семьи и с хорошим положением, стремившиеся к политической жизни, стекались послушать лекции софистов. Алкивиад, Критий и другие, несомненно, во многом обязаны этому движению своими политическими способностями.

Мораль софистики много обсуждалась. Поэты-комики представляют ее как главный инструмент разрушения античных идеалов поведения. Платон, хотя и признавал ее гуманистическую ценность и с благодарностью отзывался о некоторых отдельных учителях, порицал их учение в целом. Конечно, утверждение Протагора о том, что он может заставить худшее дело казаться лучшим, сделало его особенно открытым для нападок. Протагор сделал несколько элементарных исследований в области грамматики, предположительно в качестве основы для логики. Его метод обучения, очевидно, был основан на примере. В диалоге "Платон" он демонстрирует, как следует обсуждать тот или иной предмет: его рассуждения состоят сначала из "мифа", затем из непрерывной речи и, наконец, из критики поэтической цитаты. Можно предположить, что это разумное подражание его методам. Его ученики запоминали подобные речи или их краткое изложение на различные темы и, таким образом, были достаточно хорошо подготовлены к общим дебатам.

Продик из Сеоса, который, по-видимому, был на много лет моложе Протагора,^[24] больше занимался нравственной философией, чем диалектическими упражнениями. Во всем своем учении он уделял наибольшее внимание ὀρθότητι, правильному употреблению слов, то есть различению значения между словами, которые в народном языке стали считаться синонимами.^[25] Эта точность могла доходить до педантизма, но поскольку правильное употребление терминов является важным элементом стиля прозы, его исследования заслуживают внимания.

Гиппий из Элиды имеет меньшее значение. Он был готов рассуждать на любую тему под солнцем и мог научить своих учеников подобной болтливости; обилие слов скрывало недостаток идей.

§ 5

Цицерон сохранил от Аристотеля утверждение, что судебная риторика зародилась в Сиракузах, когда после изгнания тиранов в 465 году до н. э. многие семьи, чье имущество было ими конфисковано, пытались восстановить свои права.[26] Конечно, Коракс, основатель риторики, преподавал около 466 года до н. э., за ним последовал его ученик Тисий, также написавший трактат, который Аристотель назвал лучшим, чем у его учителя, и который, в свою очередь, вскоре был заменен лучшим.[28] И Коракс, и Тисий придавали большое значение *εἰκός* (вероятности) как средству убеждения присяжных. Пример использования этого аргумента из работы Коракса - случай с человеком, обвиненным в нападении, который отрицает обвинение и говорит: "Для вас очевидно, что я слаб телом, а он силен; поэтому маловероятно, чтобы я осмелился напасть на него". Аргумент, конечно, может быть повернут обвинителем в другую сторону - "обвиняемый слаб телом и думал, что по этой причине никто не заподозрит его в насилии". Мы увидим, что этот аргумент из *εἰκότα* очень характерен для оратора Антифона; он встречается как в его судебных речах, так и в тетралогиях, которые являются образцовыми упражнениями. Кажется, что он почти предпочитал этот вид аргументов реальным доказательствам, даже когда доказательства были доступны.[29] Тисий усовершенствовал тему Коракса; предположив, что слабый, но храбрый человек напал на сильного, который трус, он предлагает, чтобы оба говорили ложь в суде. Трус не захочет признаваться в своей трусости и скажет, что на него напали несколько человек. Преступник докажет, что это ложь, и прибегнет к аргументу Коракса: "Я слаб, а он силен; я не мог напасть на него или ограбить его", и так далее[30].

Анекдот об этих двух риториках еще больше указывает на скользкость почвы, по которой они ходили[31]. Тисий брал уроки у Коракса с условием, что тот заплатит только в том случае, если выиграет свое первое дело в суде. По прошествии некоторого времени Коракс стал с нетерпением ждать денег и, наконец, подал иск - первое дело, в котором участвовал Тисиас. Коракс заявил: "Если я выиграю дело, то получу свои деньги по приговору; если проиграю, то потребую выплаты по нашему договору". "Нет, - сказал Тисиас, - если я выиграю, я не плачу, а если проиграю - не плачу". Суд прекратил дело с замечанием: "Плохая *ворона* несет плохие яйца";[32] и это было явно в пользу молодого человека, на стороне которого было девять пунктов закона.

Хотя не сохранилось никаких трудов ни одного из них, мы можем составить представление об их методах. Они были полностью аморальными или безнравственными и извращенными софистами. Правдоподобное предпочиталось истинному, а цель была одна - выиграть дело. Их метод обучения был, по словам Аристотеля, "быстрым, но ненаучным"[33] и заключался в том, чтобы заставить ученика выучить наизусть большое количество "общеизвестных" тем и стандартных аргументов, подходящих для всех видов судебных процессов. Судя по всему, они не уделяли внимания литературному стилю.

§ 6

Горгий из Леонтины, современник Протагора, как и софист, исходил из того, что ничего не может быть познано, а занятия философией - это пахота песка. Считается, что он был учеником Тисия и занимает место между ранними риториками и софистами, которых обычно называют софистами. Как и первые, он изучал и преподавал ораторское искусство, но в то

время как они были озабочены только борьбой за мастерство в споре, он, подобно Протагору, придерживался широких взглядов на образование и, продолжая рассматривать риторику как искусство убеждения,^[34] уделял больше внимания художественной стороне, чем это делал любой другой педагог. Он стал первым сознательным художником в прозаическом стиле.

Как и другие софисты, он путешествовал из города в город, демонстрируя свое искусство, и приобрел богатство, которое свободно тратил.^[35] В 427 году до н. э. он приехал в Афины в качестве посла из своего родного города^[36] и произвел замечательное впечатление на своих слушателей, не только на толпу, перед которой он выступал, но и на высокообразованный класс, который мог оценить его технику. Фукидид был чем-то обязан ему, а поэт Антифон обнаружил следы его влияния^[37]. Мы слышим о его пребывании в Лариссе, где фессалийцы, восхищаясь им, придумали от его имени слово, которое Филострат использует для выражения его буйного стиля^[38].

Его первой работой, как говорят, был скептический трактат "Природа, или Несуществующее"^[39]. За ним последовало некоторое количество речей, самой известной из которых была "*Олимпиада*", в которой он, как и Исократ в более позднее время, убеждал греков в необходимости объединения. Предполагается, что "*Погребальная речь*", к которой мы еще вернемся, была произнесена в Афинах, но вряд ли это было так, поскольку подобные речи регулярно произносились видными афинскими государственными деятелями, и не было бы повода приглашать иностранца. Записаны *пифийская* речь и различные *Энкомии*; некоторые о мифических персонажах, которые можно рассматривать как простые упражнения, некоторые о реальных людях, например, об элеатах.^[40] Похоже, он не писал речей для судов; его склонность, как в личных привычках, так и в речи, была направлена на показ, и так он заложил стиль ораторского искусства, известный как эпидейктический, который Исократ в последующую эпоху был призван довести до совершенства. Будучи ионийцем по происхождению, он инстинктивно осознал огромные возможности аттического диалекта и выбрал его в качестве средства выражения; однако это был не аттический язык повседневной жизни, а язык, обогащенный буйством поэтического воображения. Мы располагаем только одним примечательным отрывком из "*Погребальной речи*", но из него, а также из нескольких отдельных критических замечаний и фраз, сохраненных комментаторами, а также из языка, приписываемого Платоном его подражателю Агатону^[41], мы можем составить некоторое представление о его напыщенных преувеличениях.

Он был очень склонен к замене редких выражений -ϰλῶτται, как их называли греческие критики, - обычными формами речи. Его язык изобилует архаичными и поэтическими словами, поразительными метафорами и необычными соединениями. Он часто использовал прилагательные и причастия среднего рода, предпочитая их соответствующим абстрактным существительным; ему нравилось использовать отглагольное существительное в сопровождении вспомогательного глагола там, где естественно было бы использовать простой глагол. Наконец, хотя он и не мог стремиться к сочинению сложных периодов, как Исократ или Демосфен, он развил использование антитезы, когда слово отвечает слову и пункт пункту, указывая на свой антитетический стиль не только частым использованием μὲν и δέ, но и использованием ассонанса в концах пунктов, соответствующих форм глаголов в аналогичных позициях, и некоторым вниманием к ритму и равенству слоговой ценности в контрастных пунктах.

Его главным недостатком была чрезмерность; он был новатором в области экспрессии и сделал очень ценную работу, но ему не хватало чувства меры. В результате та страница его подлинной работы, которой мы располагаем, читается как пародия на стиль, поскольку

каждая характеристика доведена до крайности. Но учитель должен быть снисходителен к преувеличениям, иначе ученик не поймет его сути, а работа Горгия имеет немалую ценность. Это была первая попытка сформировать стиль, и его последователи учились отчасти подражая, отчасти избегая слишком заметных недостатков. Сам факт, что сохранившийся фрагмент, возможно, не в лучшем стиле, облегчает наблюдение за его влиянием на преемников - Антифона, Фукидида и многих последующих авторов художественной прозы.

В дополнение к уже упомянутым речам мы располагаем двумя приписываемыми ему *энкомиями* о Елене и Паламеде. Их подлинность очень сомнительна, но Бласс, который очень подробно обсуждал этот вопрос в своих *"Аттических ораторах"*, не придя к убеждению, впоследствии решил в пользу их подлинности.^[42] Это полностью вопрос личного мнения; но, даже если они не подлинные, они, вероятно, являются искусным подражанием горгианскому стилю и методу.

Фрагмент из *"Эпитафии"* вряд ли можно перевести так, чтобы составить правильное представление о его аффектах, но поскольку некоторое представление о его наиболее ярких недостатках можно составить из английской версии, мы приводим некоторые выдержки. В греческом языке в некоторых местах, кажется, очень мало смысла, а тот, что есть, полностью подчинен звуку:

"Какое качество отсутствовало в этих людях, которое должно присутствовать в людях? И что присутствовало в них, чего не должно быть? Да будет у меня сила говорить так, как я хочу, и воля говорить так, как я должен, избегая ревности богов и спасаясь от зависти людей. Ибо они были божественны в своей доблести, хотя и человечны в своей смертности; они часто предпочитали мягкую справедливость суровому правосудию, а правильность рассуждений - строгости законов, считая, что самый божественный и универсальный закон таков: говорить, опускаться и делать то, что нужно, в нужное время. Две обязанности превыше всего они практиковали: силу духа и силу тела; одну - в размышлении, другую - в исполнении; они поддерживали тех, кто по несправедливости был несчастен, и наказывали тех, кто по несправедливости был удачлив. И, соответственно, хотя они умерли, наша тоска не умерла вместе с ними, но бессмертная над этими телами, не бессмертная, она живет, когда они уже не живут".

Контраст и параллелизм буйствуют в этом невероятном произведении, которое, помимо любопытных зазывал, порожденных такими словами, как *γνώμην καὶ ῥώμην; δυστυχοῦντων, εὐτυχοῦντων*, показывает поэтический словарный запас в таких фразах, как *ἔμφυτος Ἄρης*, 'Марс, который рождается в них', *ἐνὸπλιος ἔρις*, 'одолеваемый раздорами', и *φιλόκαλος εἰρήνη*, 'мир, который любит искусства'. Антифон и Фукидид сильно пострадали от заразы этого стиля, а сознательный подражатель, автор псевдолисийской *"Эпитафии"*, воспроизвел его пеструю монотонность.

ГЛАВА II АНТИФОН

§ 1

Считается, что Антифон был почти современником Горгия, но немного моложе.^[43] Он родился около 480 г. до н. э. Он не принимал участия в общественной жизни, возможно, не

желая служить демократии из-за своих сильных аристократических предрассудков. Он написал много речей для других, но сам никогда не выступал в собрании и очень редко в общественных судах. Большинство его речей были написаны для частных лиц, но у нас есть запись об одной "*о дани Самофракии*", очевидно, составленной от имени этой общины, когда он обжаловал ее оценку. Прожив всю жизнь в сравнительной безвестности, он внезапно вышел в свет в 411 году до н. э., в год революции Четырехсот. По словам Фукидида, именно его мозг спланировал все детали этого антидемократического заговора. Историк отдает поразительную дань его организаторским способностям:

"Именно Писандр предложил это предложение и вообще предпринял самые активные шаги для подрыва демократии; но тот, кто разработал весь заговор и детали его работы и кто уделял ему самое пристальное внимание, был Антифон, человек, которого следует поставить в первый ряд за его характер, изобретательность и способность к самовыражению. Он никогда не выдвигался в собрании и не являлся по собственному желанию на судебные заседания, но находился под подозрением народа благодаря репутации умника. Однако он, как никто другой, был способен оказать помощь любому, кто обращался к нему за советом по поводу того или иного дела в суде или собрании. В конце концов, когда Четыреста потерпели поражение и демократия стала жестоко с ними обращаться, он сам предстал перед судом за участие в революции и, как известно, выступил с самой лучшей защитой, когда-либо зафиксированной в истории, которую произнес человек, судимый за свою жизнь"[44].

Во время короткого правления Четырехсот он, похоже, был одним из лидеров крайней партии, в отличие от последователей Ферамена, которые выступали за примирительные меры. Вместе с Фринихом и восемью другими посланниками он отправился на переговоры о мире со Спартой, надеясь таким образом сохранить олигархическое правительство. Вскоре после провала этого посольства произошло убийство Фриниха и падение Четырехсот, и демократия была готова к мести. Большинство главарей бежали в Децелею; Антифон и Архептолем остались, были привлечены к суду за измену народу, осуждены и казнены. Их имущество было конфисковано, дома разрушены до основания, потомки навсегда лишены гражданских прав, а тела отказались хоронить на земле Афин или их союзников.

По случаю суда над ним оратор, который лучшие годы своей жизни провел, выступая устами других в делах, которые его не интересовали, оправдал свою славу и превзошел все ожидания, произнеся, по мнению Фукидида, самую прекрасную речь такого рода, которую когда-либо слышали до того времени. Аристотель сохранил анекдот о том, как поэт Агатон поздравил осужденного с блестящим выступлением, а Антифон ответил, что "он скорее удовлетворил бы одного человека со вкусом, чем любое количество простых людей" - οἱ τιυχάνοντες, прекрасный аристократический термин для обозначения великих афинян[45].

§ 2

В то время, когда Антифон сочинял свои речи, аттическая проза еще не оформилась в какие-либо устойчивые формы. Поэтому первый из ораторов был исследователем языка; его не сковывали традиции, и эта свобода была преимуществом; но, с другой стороны, недостаток образцов отбрасывал его назад, полностью полагаясь на собственные ресурсы.

Из его предшественников в прозе ранние историки не были достойны внимания как стилисты. Геродот писал на иностранном диалекте и в разговорной манере, которая не подходила для ораторского искусства; Горгий, правда, пользовался аттическим диалектом, но мешал развитию прозы слишком обильным использованием витиеватых поэтических выражений. Антифон, таким образом, мало чем руководствовался, и мы должны были

ожидать найти в его работах недостатки, которые естественны на экспериментальной стадии любого искусства.

Сохранилось так мало его работ, что мы не можем проследить развитие его стиля; можно только догадываться о некоторых влияниях, которые, возможно, помогли его сформировать.

Он должен был быть знаком с методами лучших ораторов в собраниях и судах Перикла; без большого опыта процедуры в обоих случаях он не мог надеяться на успех в качестве автора речи. Он должен был быть знаком с теориями великих софистов, таких как Протагор и, особенно, Горгий; и образцовые речи, которые они и другие составили для обучения своих учеников, несомненно, были ему доступны. Однако общее влияние софистики прослеживается скорее в характере его аргументов, чем в его стиле[46].

§ 3

Что касается лексики, то нас сразу же поражает тот факт, что Антифон использует много слов, которые, если бы они не встречались в этих речах, были бы классифицированы как редкие или поэтические; слова, которые зрелый прозаический стиль был склонен отвергать. Отчасти это результат обстоятельств; как уже отмечалось, не было канона стиля и лексики, и влияние Горгия скорее спутало, чем разграничило диктанты прозы и поэзии, а большое значение, придаваемое поэзии в софистическом образовании того времени, увеличило трудности для любого экспериментального писателя, который не желал прибегать к разговорному языку. Во многих случаях, однако, мы можем отдать Антифону должное за намеренное использование поэтических слов: "строгий" стиль "имеет обыкновение расширять себя", говорит Дионисий, "с помощью больших просторных слов";[47] и запас таких слов можно найти у поэтов, в частности у Эсхила.[48]

Антифон не единственный среди прозаиков, кто вводит поэтические слова; Платон, величайший мастер аттической прозы, в некоторых случаях более поэтичен, чем сами поэты, хотя его гений достаточен, чтобы исключить любое ощущение грубости или несоответствия. Но для оратора такая резкость в некоторых случаях может быть положительным преимуществом для достижения определенного эффекта; необычное слово должно, в худшем случае, привлекать внимание, в лучшем - придавать достоинство иному обыденному предложению. Дионисий относил Антифона и Эсхила к мастерам "строного" стиля, и некоторые слова и фразы оратора, помимо его обращения с предметами, имеют определенный оттенок эсхиливской величественности.

Помимо поэтических слов - слов, которые, как мы видим, могли быть использованы намеренно, в противовес их обычным эквивалентам в повседневной речи, - оратор использует, по тем же причинам, некоторое количество необычных слов и форм, не обязательно поэтических. Каждый сознательный стилист проводит эксперименты: некоторые из его новшеств могут стать монетой; другие могут никогда не войти в общее обращение, а остаться неиспользованными, пока, возможно, через много поколений археолог не обнаружит и не использует клад.[49] Несколько знакомых слов встречаются в необычных формах, которые обычно считаются неаттическими; если их нельзя удалить путем исправления, мы должны предположить, что они были использованы намеренно, чтобы придать архаический тон.[50]

Другой заметной особенностью языка Антифона является частое использование иносказаний как для глаголов, так и для существительных; причастие или прилагательное среднего рода в сочетании с определенным артиклем выполняет функции существительного, а отглагольное существительное, соединенное со вспомогательным,

занимает место глагола. Так, с помощью приема, который становится очень распространенным у поздних авторов, "прекрасное" используется как синоним абстрактного существительного "красота", а "быть судьями истины" заменяется на "судить об истине". Эти искусственные приемы часто встречаются у Фукидида, особенно в речах, и, вероятно, заимствованы у Горгия, который, по-видимому, и ввел эту моду[51].

§ 4

Аристотель и последующие критики различают в прозе бегущий стиль (εἰρομένη λέξις) и периодический (περιοδική). Для первого характерно то, что предложение состоит из последовательности клаузул, свободно нанизанных друг на друга (εἴρω), как ряд бусин; обычно с помощью τε, δέ и других копул; предложение начинается и заканчивается без определенного плана и может быть любой длины. В слове *period* (circuit) метафора скорее напоминает обруч; предложение не тянется бесконечно по прямой линии, но через некоторое время загибается обратно, так что конец соединяется с началом. По мнению Аристотеля,[52] оно должно быть ограниченным по длине, не длиннее, чем можно охватить взглядом или произнести на одном дыхании, и иметь четко обозначенные начало и конец[53].

Аристотель считает свободный, бегущий стиль утомительным, потому что у него нет художественного предела длины, и он никогда не доходит до конца, пока не закончит то, что хотел сказать. Нам же он кажется обладающим тем небольшим преимуществом, что он всегда может остановиться, когда сказал то, что имел в виду, и у него нет соблазна погрузиться в антитезу или сбиться с пути на перекрестках хиазма, прежде чем он достигнет цели; ибо, хотя в периодическом стиле конец смысла в идеале должен совпадать с концом периода, на практике есть много случаев, когда смысл полностью выражен и предложение может закончиться до того, как "цепь" будет художественно завершена.

Самые яркие примеры такого стиля следует искать во фрагментах ранних историков, но Геродот достаточно близок к ним, чтобы дать нам наглядный урок.

Возьмем, к примеру, следующее:

"Когда Ардис царствовал сорок девять лет, Садият, сын его, сменил его, и царствовал он двенадцать лет, и Алятт сменил Садиятта. Он воевал с Киаксаром, потомком Деиока, и с медянами, изгнал киммерийцев из Азии, взял Смирну, колонию Колофона, и напал на Клазомены. Здесь он не добился желаемого успеха, а встретился с тяжелым бедствием. Во время своего правления он совершил и другие достойные внимания деяния, а именно. Он сражался с милезийцами..." и т. д. и т. п.[54]

Однако даже Геродот, наиболее очевидный выразитель свободного стиля, проявляет тенденцию к большему сжатию периодического письма; иногда эта тенденция сильно выражена, например, в речах персидских вельмож на диспуте[55]. Здесь наблюдается постоянное движение к балансу клаузул; это очень далеко от гармоничной структуры Исократы, и, возможно, неосознанно, но элементы периодического стиля присутствуют.

Особенность этого последнего стиля в том, что он может быть более эмфатичным и точным, чем другой. Он должен быть сосредоточенным (καταστραμένη)[56], если предложение должно быть умеренной длины; он пытается, как говорит Дионисий, "собрать мысли вместе и компактно их изложить"[57].

Эти качества, концентрация мысли и точность выражения, необходимы для адвоката в суде, и поэтому не было ничего противоестественного в том, что развитие периодического стиля

совпало в Афинах с подъемом судебного ораторского искусства. Антифон, первый практический состязатель по научным вопросам, также является самым ранним из дошедших до нас писателей, о котором известно, что он тщательно изучал периодический стиль.

Не следует думать, что вся его работа состояла из тщательно выверенных периодов: с одной стороны, совершенство не могло быть достигнуто с первого раза; многие предложения грубы; в некоторых случаях наблюдается слабость акцента из-за несовершенного владения формой; с другой стороны, есть случаи, когда стиль более свободен и более сходен с простой беглостью *εἰρομένη λέξις*. Очевидно, что метод Геродота наиболее подходит для прямолинейного повествования только с одной точки зрения; в то время как периодический стиль возникает спонтанно для целей критики, или когда мы противопоставляем то, что есть, тому, что могло бы быть; или для дебатов, когда мы выставляем альтернативы бок о бок с целью выбора между ними.

Первый объект истории, по мнению Геродота, - это рассказ; и Геродот в основном придерживается этой цели. Фукидид в некоторых частях своего повествования делает то же самое, но в то время как он имеет большую тенденцию рассматривать каждое событие не само по себе, а в связи с другими обстоятельствами, такими как мотивы действия, его последствия и влияние, он часто периодичен даже в повествовании. Еще более он периодичен в речах. Цель обдуманной речи, как правило, заключается не в том, чтобы рассказать простую историю, а в том, чтобы создать ее яркие краски; в ней упоминаются факты главным образом для того, чтобы подвергнуть их критике и сделать вывод или вынести мораль.

Если это верно в отношении речей Фукидида, то это должно быть еще более применимо к речам судебного оратора. В "Антифоне" мы находим короткие отрывки в простом повествовательном стиле - например, в изложении фактов по делу *Геродоса*; но за короткой частью такого рода следует критика и аргументация, выраженная в более искусственном периоде. Это неизбежно; нет времени тратить его на длинные повествования.

Со стремлением к периодическому стилю тесно связана тенденция к частому использованию словесной антитезы, художественной фигуры, которая служит счастливым средством завершения периода и смысла. Она полезна тем, что вторая часть антитезы предоставляет читателю или слушателю то, чего он уже ожидает. Это применение на практике знакомого психологического закона ассоциации противоположных идей. Такой контраст подчеркивается в греческом языке общим использованием частиц *μὲν* и *δὲ* и неоправданно часто встречается у афинских писателей. Все читатели Фукидида помнят, что этот автор стремится к контрасту между "словом и делом". В судебной риторике подобное противопоставление неизбежно должно встречаться очень часто. По природе вещей каждый оратор должен настаивать на своей честности и нечестности своих оппонентов, на правде, которую он говорит, в противовес их лжи, и противопоставлять видимость, которая кажется такой черной против него, прозрачной белизне его характера, раскрывающейся при правдивом изложении дела. Но Антифон, как и ораторы Фукидида, заходит слишком далеко в использовании антитезы, поскольку предложение, содержащее слишком много контрастных идей, трудно понять, и оно теряет силу.

В качестве примера можно привести третью речь из второй тетралогии:

"Я, не сделавший ничего дурного, но уже страдавший тяжело и жестоко, а теперь страдающий еще более жестоко не от слов, а от действий моего противника, ввергаю себя в ваше милосердие, господа - вы, мстители за нечестие, но различающие благочестие, - и умоляю

вас, ввиду очевидных фактов, не быть слишком убежденными злобной точностью речи и тем самым считать истинное объяснение поступка ложным; Ибо его заявление было сделано скорее правдоподобно, чем правдиво; мое же будет сделано без лукавства, но в то же время и без силы.'

Это высказывание является частью фразы, в которой обвинитель выражает свое возмущение тем, что противник, которого он обвинил в убийстве, имеет смелость долго защищаться.

Еще один пример - из речи по обвинению в отравлении - почти смешон.

"Те, чей долг состоял в том, чтобы играть роль мстителей за мертвых и моих помощников, играют роль убийц мертвых и утвердились в качестве моих противников".

§ 5

Все ораторы должны заботиться о звучании своих предложений, а также об их грамматической структуре, и среди всех тщательных писателей мы видим, что внимание уделяется балансу клаузул. Некоторые ораторы идут дальше этого; они подчеркивают контрасты или параллели повторением схожих звуков и даже отдают предпочтение определенным ритмам, ведь риторики позднего периода считали, что проза, хотя и не является строго метрической, как стих, должна обладать собственным характерным ритмом.

Некоторые авторы доходят до того, что изменяют естественный порядок слов, чтобы избежать хиатусов открытых гласных, которые обязательно неудобно произносить в быстрой речи. Это знакомо нам со страниц Демосфена, и то, что более поздние писатели делали систематически, Антифон и даже Фукидид, похоже, иногда делали инстинктивно.

Что касается баланса положений, то хороший пример можно найти в начале речи *Геродоса*:

τοῦ μὲν πεπεῖραμαι πέρα τοῦ προσήκοντος,

του δ' ἐνδεής εἰμι μᾶλλον τοῦ συμφέροντος,

где заметно соответствие двух клаузул в равном количестве слогов. Следующее предложение демонстрирует такое же соответствие, хотя и не столь точное; но здесь структура более сложная, поскольку мы имеем два предложения, каждое из которых состоит из двух частей, противопоставленных как в целом, так и в частях:

Α. οὗ μὲν γάρ μ' ἔδει κακοπαθεῖν τῷ σώματι μετὰ τῆς αἰτίας τῆς οὐ προσηκούσης,

α. ἐνταυθοῖ οὐδέν μ' ὠφέλησεν ἡ ἐμπειρία,

Β. οὗ δέ με δεῖ σωθῆναι μετὰ τῆς ἀληθείας εἰπόντα τὰ γινόμενα,

β. ἐν τούτῳ με βλάπτει ἡ τοῦ λέγειν ἀδυναμία.

Хотя здесь нет ритмического соответствия, а длительности слогов совпадают лишь приблизительно, "антистрофическая" структура очевидна.

Горгий, если мы можем осудить его на основании единственного короткого фрагмента, кажется, затронул рифму - во всяком случае, его соединение γνώμην и ῥώμην не может быть случайным, а сходное звучание окончаний двух предложений в первом отрывке, процитированном выше, доказывает, что Антифон во всяком случае не старался избежать такого естественного созвучия. В инфлективном языке, где всегда существует большая

вероятность появления рифмы везде, где нужно использовать прилагательное, согласующееся с существительным, или два глагола в одном времени и лице, иногда приходится прибегать к некоторой изобретательности, чтобы избежать рифмы, и Антифон здесь, во всяком случае, не решил ее избежать. Использование рифмы в стихах, по-видимому, было оскорбительным для греческого уха;^[58] возможно, именно по этой причине она иногда была желательна в прозе, ее резкость производит тот же эффект, которого Антифон в других местах достигает использованием необычных слов.

Хиатус довольно часто встречается в "Антифоне", и я не могу указать ни одного случая, когда бы я попытался избежать его путем изменения естественного порядка слов.

Антифон мало заимствует из обычной речи; возможно, его достоинство не позволяет ему подкреплять свои мысли использованием тех γνῶμαι-пословиц, которые рекомендует Аристотель; к тому же он редко прибегает к коллоквиализмам. Мы, однако, склонны отнести к этому классу такую фразу, как περὶ ἐπεσεν οἷς οὐκ ἤθελεν - "он получил то, чего не хотел", - используемую в отношении несчастного, случайно погибшего по собственной неосторожности.

Метафоры редки, но показательны, когда встречаются, например δίκη κυβερνήσειε - "Пусть справедливость направит мой путь"; ζῶντες κаторωρύμεθα - "Я похоронен в живой могиле" - используется человеком, потерявшим своего единственного сына; или, опять же, призыв заключенного к присяжным не приговаривать его смерти - ἀνιάτος γὰρ ἡ μετάνοια τῶν τοιοῦτων ἔστιν - 'Раскаяние за такой поступок никогда не сможет его вылечить.'

Оратору позволительны некоторые преувеличения. Так, обвиняемый в первой тетралогии вызывает к жалости: "Старик, изгнанник и отверженный, я буду просить свой хлеб на чужбине".

Так называемые "фигуры мысли" (σχήματα διανοίας), такие как ирония и риторические вопросы, столь часто встречающиеся в Демосфена, почти не используются Антифоном. Нет и примеров лицемерной замкнутости (παράλειψις), также характерной для поздних ораторов, которые под видом молчаливого обсуждения некоторых вопросов намекают на большее, чем могут доказать.

Греческое ораторское искусство было во многом связано условностями, от которых не могли полностью освободиться даже самые великие ораторы. В какой-то степени это можно объяснить дурным влиянием учителей риторики, но, безусловно, большая часть вины должна лежать на афинских слушателях.

Дикасты, с любопытной непоследовательностью, требовали законченного стиля речи и в то же время с подозрением относились к любому оратору, демонстрировавшему излишнюю ловкость. Собственно, именно обладание этим качеством и сделало самого Антифона непопулярным.^[59] Поэтому оратор, почувствовавший опасность навлечь на себя такое подозрение, должен заранее извиниться перед аудиторией, заявив, что вся сила, которой, как может показаться, обладает его дело, объясняется присущей ему справедливостью, а не его умением ее излагать. Он должен похвалить присяжных за их известную беспристрастность и выразить глубокое уважение к святости законов. Первые риторы составляли коллекции таких "тем" или "общих мест" и обучали своих учеников, как их использовать. Процесс стал просто механическим; любой оратор мог почерпнуть из риторических справочников образцы предложений, отвечающих всем подобным требованиям, но только человек редкого гения мог, благодаря оригинальности обращения,

заставить их звучать убедительно. Аристотель в более позднее время составил практически исчерпывающую подборку таких тем[60].

Антифон в своих "Тетралогиях" на примере показал, как можно использовать некоторые из этих общих мест. В своих реальных речах он использует их свободно, причем настолько небрежно, что повторяет свои собственные слова даже в пределах немногих сохранившихся речей[61].

Однако при введении этих приемов он демонстрирует определенное мастерство. Речь об убийстве Геродоса местами довольно изощрена. Присяжным делаются комплименты, но лесть не слишком открыта. Иногда она достигается скорее внушением, чем утверждением. "Не то чтобы я хотел избежать суда с помощью вашей демократии", - говорит подсудимый; и снова: "Конечно, я мог бы вполне доверять вам, не считаясь с клятвой, которую вы дали"; и еще раз, в скобках: "Если бы я не возражал против того, чтобы навсегда покинуть эту землю, я мог бы уехать из страны". Здесь, как и в других случаях, есть не более чем намек, который может уловить разумный присяжный.

Наиболее заметной из всех тем, используемых Антифоном, является апелляция к божественному закону, по которому коварство влечет за собой наказание; убитый человек, если его не оправдает человеческое правосудие, найдет божественных защитников, которые не только привлекут убийцу к ответственности, но и накажут виновный город, который осквернился, приняв его. Этой концепции божественного правосудия уделяется так много внимания, что некоторые авторы считают, что Антифон твердо придерживался религиозных взглядов, которые он таким образом выразил. Это мнение может быть обоснованным, но на нем не стоит настаивать. Из внешних источников мы знаем, что Антифон не симпатизировал существующему правительству, однако ораторы его ораций выражают или подразумевают восхищение демократией; автор речей, по сути, писал то, что, по его мнению, было бы приемлемо для судей, а не то, во что верил он сам. Рассуждая по-антифонтовски, исходя из вероятности, можно сказать, что более вероятно, что высокообразованный современник Анаксагора и Перикла в частной жизни будет исповедовать умеренный скептицизм, чем беспрекословную веру в то проклятие, которое разрушило дом Атрея, даже если Антифон, возможно, эсхилловский по стилю.

Аргумент обвиняемого в "*Героде*": "Те, кто плавал со мной, совершили прекрасные путешествия, и жертвоприношения, в которых я помогал, были проведены самым благоприятным образом, и это сильный аргумент в пользу моей невиновности", не привлекает нас, не верящих в случайную кровную вину сообщества, которое неосознанно укрывает виновного человека. Может быть, это и имело какой-то вес для самого Антифона, а может быть, и нет, но это определенно оказало бы влияние на простых афинских людей, которые считали, что весь город был осквернен святотатством, связанным с увечьем Гермы. Тот факт, что эта фраза должна произвести впечатление на присяжных, был веской причиной для ее вставки, независимо от того, испытывал ли Антифон религиозные чувства или нет[62].

§ 6

Остается рассмотреть манеру Антифона обращаться со своими подданными.

Его личное достоинство столь же примечательно в его манере, как и формальности стиля. Возвращаясь к нему от Демосфена или Эсхина, которые понизили тон судебной речи в угоду

современному вкусу, мы с удивлением обнаруживаем, что он почти никогда не снисходит до насмешек, никогда до язвительной инвективы. Его судебные противники - это не обязательно люди с неблаговидным происхождением, аморальным характером и позорным занятием. Возможно, они лжецы, поскольку предполагается, что собственное изложение дела содержит всю правду, и, следовательно, другая сторона должна полагаться на ложь; но даже здесь оратор готов признать, почти с неаттическим великодушием, что его противники были введены в заблуждение и не соответствуют своему истинному характеру. Возьмем, к примеру, начало Тетралогии II. 3:

"Поведение моего противника лучше всякой теории показывает, что необходимость заставляет людей говорить и действовать вопреки их лучшей природе".

До сих пор он никогда не говорил бесстыдно и не поступал отчаянно; но теперь несчастья вынудили его использовать язык, которого, зная его, я никогда бы не ожидал от него".

Метод построения речей Антифона прост: за обычным предисловием, которое есть в запасе у каждого ритора[63], следует вступление, описывающее и критикующее обстоятельства, при которых происходит действие.[Затем излагаются факты или отдельные факты дела[65], за которыми следуют аргументы и доказательства[66]. Свидетельские показания могут перемежаться повествованием, излагаясь пункт за пунктом; или, если повествование короткое и простое, все показания могут быть припасены на конец. Обычно речь завершается перорацией[67], в которой дается обзор ситуации и содержится заключительное обращение к суду.

Речи в Тетралогиях, которые представляют собой лишь пустые формы, составленные для практики или в качестве образцов для изучения, содержат только предисловие, аргумент и перорацию; при отсутствии фактов, с которыми приходится иметь дело, в них нет ни вступления, ни повествования.

Своеобразной слабостью сохранившихся речей является то, что они в гораздо большей степени опираются на аргументы общей вероятности (εἰκότα), чем на реальную аргументацию, основанную на доказательствах[68].

Так, обвиняемый в "*Героде*" совершенно случайно упоминает, что не покидал корабль в ночь, когда на берегу было совершено убийство, но не приводит никаких доказательств *алиби* и рассматривает его как совершенно второстепенное[69]. Он больше настаивает на том, что раб, давший против него показания, вероятно, был побужден обвинителями к даче ложных показаний. Еще одним доказательством против него является утверждение, что он написал письмо Лицинию, в котором сообщил, что совершил убийство. Зачем, - спрашивает он, - мне было писать письмо, если мой посланник знал все факты?

Возможно, в данном случае дело обвиняемого было очень слабым, и он был вынужден опираться на общие положения: но Первая тетралогия дает интересную параллель. В ней подсудимый в своей *второй* речи, последней речи процесса, подтверждает то, о чем, видимо, забыл упомянуть ранее, - что в ночь убийства он не покидал своего дома.

Самым серьезным художественным недостатком сохранившихся речей является отсутствие того реализма, который греки называли ἥθος, характеристика. Язык обвиняемых в "*Геродосе*" и "*Хореутах*" очень похож, хотя в первом случае речь идет о молодом лесбиянине, а во втором - об афинянине средних лет. Более того, молодой лесбиец извиняется за свою неопытность и неумение говорить, причем делает это в отточенных

периодах, разработанных со всеми приемами риторического искусства - антитезой слов и идей, тщательным балансом длины клаузул и разумным использованием ассонансов.

Прочтение вступления Антифона к речи *de Caede Herodis* поможет лучше, чем любая подробная критика, понять его методы композиции. Мы должны отметить непропорционально большой объем этого вступления, которому соискатель явно придает большее значение, чем опровержению самого обвинения.^[70] Изучение его приводит нас к мысли, что вина или невиновность стороны не имела бы большого значения для вердикта, если бы ему однажды удалось произвести благоприятное впечатление на присяжных. В художественные периоды он извиняется за свою неспособность к публичным выступлениям и расширяет общепринятое мнение о том, что истина часто подавлялась из-за недостатка силы выражения.

Он не призывает к беспристрастности, поскольку может доверять присяжным - еще одна наглая банальность (§§ 1-7).

Процедура его противников столь же бесстыдна, сколь и несправедлива (§§ 8-9); она даже кощунственна (§§ 10-12), так что они заслуживают негодования, в то время как подсудимый, уважающий законы Божьи и человеческие, как и любящий свою страну, заслуживает всяческого снисхождения (§§ 13-15). Жестокость обвинителей объясняется их неверием в справедливость своего дела и честность присяжных (§§ 16-17). Наконец, у них было достаточно времени, чтобы разработать свое дело, в то время как жертва их интриг в мгновение ока оказывается призванной отвечать на самые серьезные обвинения (§§ 18-19).

'1. Я хотел бы, господа, чтобы у меня была способность говорить и опыт общения с миром в масштабах, соответствующих несчастьям и страданиям, которые выпали на мою долю; как есть, мой опыт в последнем настолько же превосходит мои достоинства, насколько мой недостаток в первом не соответствует моим требованиям.

'2. Когда мне пришлось страдать самому по незаслуженному обвинению, у меня не было опыта, чтобы помочь мне; теперь, когда мое спасение заключается в простом изложении фактов, как они имели место, мне мешает моя неспособность говорить.

3. Во многих случаях людям, не обладающим способностью говорить, не верили, потому что они говорили только правду, и они были обязаны своей гибелью тому, что не могли показать истину; многим, с другой стороны, обладающим способностью говорить, верили из-за их лжи, и они были обязаны своим спасением тому, что хорошо лгали. Так и тот, кто не имеет необходимого опыта ведения дел в суде, неизбежно оказывается во власти речей обвинителя; он не может быть уверен в правдивом изложении фактов дела.

'4. Большинство сторон в таких делах, как это, обращаются с просьбой о справедливом слушании, что означает недоверие к себе и убежденность в том, что вы не беспристрастны. Я не буду обращаться к вам с подобной просьбой, поскольку вполне разумно, что честные люди должны предоставить слушание подсудимому, даже если он не просил об этом, так же как и прокурору было предоставлено слушание без его просьбы.

'5. Но я молю вас, во-первых, о том, чтобы, если мой язык введет меня в заблуждение, вы были милосердны и сочли, что моя ошибка вызвана неопытностью, а не виной; и, во-вторых, чтобы, если я в чем-то выражусь хорошо, вы приписали это выражение не какому-либо моему умствованию, а присущей мне силе истины; Ибо справедливость требует, чтобы человек, виновный в своих поступках, не снискал спасения своей речью, и, равным образом,

чтобы человек, праведный в своих поступках, не был доведен до гибели своей речью; ибо ошибка в речи - это вина языка, а ошибка в поступках - вина сердца.

'6. Человек, осознающий, что его личная безопасность находится под угрозой, обязан иногда ошибаться; он должен думать не только о защите, которую он предпринимает, но и о ее возможных результатах, ибо решение всех вопросов, которые еще не решены, зависит от случая, а не от предвидения.

'7. Подобные соображения не могут не вызывать беспокойства у того, чья жизнь находится в опасности; более того, я замечая, что люди, имеющие большой опыт работы в судах, не справляются со своими полномочиями, когда им самим угрожает опасность, но гораздо успешнее ведут дела, не связанные с личной опасностью. Таким образом, господа, моя просьба законна и справедлива; вы должны удовлетворить ее так же справедливо, как и я - предпочесть ее; а теперь я приступаю к подробному ответу на выдвинутые против меня обвинения.

'8. Во-первых, я хотел бы обратить внимание на незаконность методов, с помощью которых меня принудили к этому суду, не потому, что я хочу избежать решения этого демократического суда - ведь даже если бы вы не давали клятвы и не были связаны законом, я был бы готов оставить в ваших руках решение о моей жизни, будучи уверен, что не сделал ничего плохого в этом деле и что ваш вердикт будет справедливым - но для того, чтобы жестокие и незаконные действия моих врагов против меня в этом деле помогли вам осознать их поведение по отношению ко мне в других случаях.

'9. Мое первое замечание заключается в следующем: Вопреки всем прецедентам в Афинах, хотя меня судят за убийство, я был обвинен в "преступном насилии". Теперь мои враги сами засвидетельствовали, что я не принадлежу к классу "насильственных преступников" и не подпадаю под действие закона, который распространяется такие случаи. Он применяется к таким преступлениям, как кража и грабеж, и они показали, что ко мне не может быть применено такое обвинение.

Таким образом, их поведение в вопросе моего суммарного ареста делает оправдание меня в высшей степени законным и справедливым.

'10. Они говорят, что лишение жизни само по себе является отягчающей формой "преступного насилия". Я признаю, что это самый серьезный вид, как и святотатство или измена; но у вас есть законы, которые рассматривают каждое из этих обвинений в отдельности.

И, во-первых, они привели меня на суд в Агору - место, которого обычно избегают обвиняемые в убийстве; во-вторых, они предложили наказание по своему усмотрению, тогда как закон предписывает, что человек, лишивший другого жизни, должен взамен лишиться своей собственной.

'Это они сделали не для моего блага, а для своего собственного удобства, и здесь они не проявили того уважения к мертвым, которое предписывает закон'.

'11. Опять же, как я полагаю, вы все знаете, все суды, рассматривающие дела об убийствах, заседают под открытым небом, с той лишь целью, чтобы присяжным не пришлось входить в одно здание с теми, у кого на руках кровь, и чтобы обвинитель в суде по делу об убийстве не оказался под одной крышей с тем, кто совершил это деяние.

Но вы, сэр, поступили вопреки всем прецедентам, нарушив этот закон; и не только это: Вы должны были дать самую торжественную и обязательную клятву, призвать гибель на себя, на свою семью и на свой дом, если не выполните ее условия, а именно: не выдвигать против меня никаких обвинений, кроме тех, что касаются убийства и моего соучастия в нем.

Если бы это обязательство соблюдалось, то какие бы великие преступления я ни совершил, я не мог бы быть признан виновным, кроме как в силу одного факта кровной вины, а с другой стороны, сколько бы добрых дел я ни совершил, эти добрые дела не могли бы меня спасти.

'12. Все эти обычные процедуры вы нарушили; вы изобрели законы для собственного пользования; вы, обвиняющие меня, не принесли никакой присяги; ваши свидетели, свидетельствующие против меня, не принесли никакой присяги, хотя они должны были бы сначала принести такую же присягу, как и вы; они должны возложить руки на жертву, когда свидетельствуют против меня.

Далее, вы просите суд обойтись без присяги, поверить вашим свидетелям и вынести вердикт "Виновен", хотя вы сами заставили их не верить вам, нарушив установленные законы и вообразив, что ваше собственное незаконное поведение должно в их рассмотрении иметь приоритет над самим законом.

'13. Вы, однако, утверждаете, что если бы я был отпущен на свободу, то не остался бы здесь, а уехал бы и исчез - как если бы вы против моей воли заставили меня въехать в страну. Я отвечаю, что, если исходить из вашего предположения, что я не хотел бы прощаться с Афинами, я мог либо не явиться по повестке и тем самым понести наказание за неисполнение приговора, либо уехать, ответив на вступительную речь обвинителя; ведь эта привилегия открыта для всех. Но вы, принимая законы в своих собственных интересах, пытаетесь лишить только меня этой привилегии, которая принадлежит всем представителям греческой расы".

'14. И все же я думаю, что мы все должны согласиться с тем, что законы, которые регулируют такую процедуру, являются лучшими законами в мире и в наибольшей степени соответствуют божественной санкции. Они имеют двойное право на уважение; это самые древние законы в этой стране, и они неизменны, как и правонарушения, с которыми они имеют дело; а это самый сильный признак того, что закон хорошо составлен; ибо время и опыт учат человечество распознавать то, что плохо сделано.

Таким образом, вам не нужно узнавать из речей обвинителя, хорошо ли составлены законы или нет, как он предполагает; но вам нужно узнать с помощью законов, призывают ли речи обвинителя к праведным и законным действиям или наоборот, как я утверждаю.

'15. Итак, законы, относящиеся к обвинению в убийстве, составлены превосходно, поскольку никто никогда не осмеливался их нарушать; только вы осмелились издать закон заново, причем в худшую сторону. Вы отбросили бы правосудие, поскольку преступили закон, пытаясь довести меня до гибели. Но ваша незаконная процедура сама по себе является сильнейшим доказательством в мою пользу; ведь вы прекрасно знали, что никто из тех, кто давал эту торжественную клятву, не стал бы свидетельствовать против меня.

'16. Опять же, вы не опирались на факты настолько, чтобы позволить бесспорно решить вопрос о фактах в ходе одного судебного разбирательства; вы оставили за собой право

оспорить решение и возобновить дело, подразумевая недоверие к приговору нынешнего суда. В результате, даже если меня оправдают, я не стану лучше, поскольку вы можете сказать, что меня оправдали по обвинению в преступном насилии, но не по обвинению в убийстве; в то время как, добившись моего осуждения, вы будете требовать моей смерти на том основании, что я был признан виновным в убийстве.

Что может превзойти жестокость такого приема, с помощью которого вы, если вам удастся убедить присяжных, достигнете своей цели, а меня, если я однажды вырвусь из ваших лап, снова будет подстерегать та же опасность?

'17. Опять же, мое заключение в тюрьму было чудовищно незаконным. Я согласился представить трех поручителей, как того требует закон, но они ухитрились не позволить мне сделать это. В истории нет другого случая заключения в тюрьму неафинянина, согласившегося дать поручителей.

Однако офицеры, которые держат под стражей преступников, подчиняются тому же закону, так что это еще одна общая для всех людей привилегия, которой лишили только меня.

'18. Конечно, моих обвинителей устраивало, во-первых, чтобы я был как можно более неподготовленным, поскольку не мог лично заниматься своими делами, во-вторых, чтобы я терпел личное оскорбление и в результате этого личного оскорбления обнаружил, что мои друзья более готовы дать ложное свидетельство в поддержку моих обвинителей, чем истинное свидетельство в мою поддержку. И таким образом они нанесли мне и моей семье позор на всю жизнь".

'19. Таким образом, я предстал перед судом во многих отношениях неполноценным по отношению к вашим законам и правосудию; но даже с учетом этих недостатков я постараюсь доказать свою невиновность.

Но опровергнуть в одно мгновение ряд заведомых неправд, давно подготовленных, - задача не из легких, ибо невозможно быть заблаговременно предупрежденным против неожиданных нападений".

После этой длинной преамбулы оратор, наконец, обсуждает обвинение (§§ 19 *sqq.*) и в некоторой степени удовлетворительно справляется с доказательствами - исключительно косвенными - которые были выдвинуты против него. Уже было замечено, что, хотя он вскользь оставляет возможность предположить, что он может доказать *алиби*, он не делает акцента на этом утверждении и гораздо больше озабочен тем, чтобы показать, что "маловероятно", чтобы он был убийцей. Последний и, по-видимому, самый важный аргумент вытекает из отсутствия божественных знаков, которые могли бы указать на вину оратора. Он не пытается, подобно обвиняемому в Первой тетралогии, предложить другие объяснения преступления; многие преступления, говорит он, до сих пор не поддавались расследованию, и ему остается только отрицать обвинение против себя.

§ 7

В "Жизни Антифона", ложно приписываемой Плутарху,^[71] мы читаем, что под именем оратора сохранилось шестьдесят речей, но двадцать пять из них критик Цецилий Калактский счел поддельными. Теперь у нас есть пятнадцать, а именно: три тетралогии, или наборы из

четырёх речей; речи об убийстве Герода, о смерти хореов и об обвинении в отравлении. Все они посвящены убийствам, в которых Антифон, предположительно, проявил особое мастерство. Кроме того, Бласс собрал названия двадцати трёх других речей на разные темы[72].

Тетралогии, каждая из которых состоит из четырёх коротких речей по одному и тому же воображаемому делу - две для обвинения и две для защиты - имеют тот особый интерес, что они стоят на границе между теорией и практикой. Они отличаются от упражнений, составленных другими ранними риториками, и от декламаций Римской империи тем, что в них не рассматриваются исторические или мифологические личности в возможных или воображаемых положениях, а рассматриваются случаи, которые, хотя и вымышлены, но могут возникнуть в повседневной жизни Афин. Таким образом, эти скелетные речи дают четкое представление о том, как каждая из сторон может отстаивать свою точку зрения в реальном судебном процессе. Профессиональный адвокат должен быть готов выступить на любой стороне в любом деле, и здесь мы видим, как Антифон поочередно сочиняет речи, подходящие для обеих сторон. Как уже было отмечено, подробностей очень мало. Повествование о фактах не ведется; предполагаемые обстоятельства можно узнать только из используемых аргументов; в результате очертания речей, как обвинительных, так и защитных, прослеживаются очень четко.

Аргументация первой тетралогии такова: "Некий гражданин был убит по дороге домой после званого обеда. Его раб, который был при этом смертельно ранен, заявил, что одним из убийц был некий враг его хозяина, против которого тот собирался возбудить серьезный судебный иск. Дело передано в Ареопаг.

α. Обвинитель утверждает, что покойный не мог быть убит разбойниками, так как его не грабили, и не в пьяной драке, что невозможно, учитывая время и место. Поэтому преступление было преднамеренным, а мотивом стала месть или страх. У обвиняемого были оба этих мотива, и, кроме того, раб опознал его.

β. Обвиняемый утверждает, что убийство могло быть совершено грабителями, которых спугнули до того, как они ограбили труп, или каким-нибудь преступником, который боялся показаний покойника, или каким-нибудь другим врагом, который чувствовал себя в безопасности, так как знал, что подозрение падет на обвиняемого. Раб мог ошибаться или, возможно, быть подкупленным. Если дело решает вероятность, то более вероятно, что обвиняемый нанял бы кого-то другого для совершения убийства, чем то, что раб точно узнал бы преступника. Опасность проиграть судебный процесс не могла казаться столь серьезной, как нынешняя опасность потерять жизнь.

γ. Обвинитель во второй речи ловко парирует аргументы β по пунктам; и

δ. Обвиняемый критикует и отвергает аргументы γ, а также упоминает, что он мог бы доказать алиби - *хотя*, кажется, он не делает на этом никакого акцента.

За исключением показаний раба, ныне мертвого, все дело строится на обсуждении вероятностей.

Во второй тетралогии речь идет о смерти мальчика, случайно убитого копьем, с которым другой юноша упражнялся в гимназии. Вопрос заключался в том, кто виноват: обвинитель утверждал, что это было убийство, обвиняемый предполагал непреднамеренное самоубийство[73].

Третья тетралогия предполагает, что старик был жестоко избит молодым человеком и через несколько дней скончался от полученных травм. Обвиняемый пытается свалить вину, во-первых, на покойника, поскольку тот нанес первый удар, во-вторых, на хирурга; и, сочтя это недостаточно правдоподобным, отправляется в изгнание: вторую речь в защиту произносит друг обвиняемого.

Сохранившиеся речи, составленные по реальным делам, можно расположить в порядке их значимости.

Об убийстве Герода. Герод, афинский гражданин, поселившийся в Митилене, отправился в путешествие в Энус во Фракии, чтобы получить выкуп за фракийских пленников. Он плыл вместе с обвиняемым, митиленцем, чей отец жил в Энусе. Буря заставила их укрыться в Метимне, и там они перешли из открытой лодки в палубное судно. Чтобы скоротать время, они предались пьянству, и Ирод, сойдя однажды ночью на берег, больше никогда о нем не слышал. Его спутник продолжил плавание, а по возвращении в Митилену был обвинен в убийстве. Утверждалось, что раб признался в содействии убийству, и что было обнаружено письмо обвиняемого к некоему Лицинию, который, как предполагалось, был зачинщиком преступления.

По законам Афинской лиги такой суд должен был состояться в Афинах; обычно дело об убийстве рассматривалось в Ареопаге, но на самом деле обвиняемый был обвинен как "злоумышленник", [74] арестован и предстал перед обычным судом. Он утверждает, что это обидно, поскольку в случае провала обвинения он все равно может предстать перед Ареопагом. Кроме того, его держали в тюрьме, отказав в освобождении под залог. Это, очевидно, было незаконно.

Суд состоялся, вероятно, около 417 или 416 г. до н. э. Вступление к речи уже цитировалось. [75] Сначала излагаются факты до прибытия обвиняемого в Афины (§§ 19-24) и показывается, что вероятность против обвинения (§§ 25-28); затем возвращение одного из кораблей в Митилену и признание раба под пытками (§§ 29-30). Доказано, что показания раба бесполезны (§§ 31-41). Обсуждается предполагаемое письмо Лицинию, и обвиняемый доказывает, что у него самого не было мотивов для убийства и он не может знать, кто является настоящим преступником (§§ 42-73). Одиум был несправедливо возбужден против него утверждением о неверности его отца (§§ 74-80). Отсутствие признаков божественного гнева - еще одно доказательство его невиновности (§§ 81-84). Наконец, он призывает дать ему еще шанс, поскольку, если его оправдают сейчас, он может снова предстать перед Ареопагом (§§ 85-95).

В речи "*О хореутах*" речь идет о смерти мальчика Диодота, который обучался пению в хоре в Таргелии и был случайно отравлен лекарством, которое ему дали для улучшения голоса. *Хорега* или руководителя хора обвинили в отравлении перед Ареопагом.

Сохранившаяся речь является второй защитительной; датируется, вероятно, около 412 года до н. э. Оратор комментирует неискренние действия своих противников, которые отказались от допроса рабов и привнесли много не относящегося к делу материала. Он противопоставляет им открытость своего собственного поведения. Эпилог утрачен.

Речь "*Против мачехи по обвинению в отравлении*" иногда рассматривается как простое упражнение, но, в отличие от тетралогий, эта речь содержит полное и подробное повествование. Ее подлинность также подвергалась сомнению, но у нас так мало материала для суждения о стиле Антифона, что невозможно однозначно высказаться против

предположения, что эта речь была написана им. Возможно, это ранняя работа; она, безусловно, менее сильна, чем две другие подлинные речи.

Аргумент. Молодой человек обвиняет свою мачеху в том, что она отравила его отца с помощью другой женщины, рабыни. Отец ужинал с Филонеем, бывшим любовником этой женщины, и ее уговорили выпить с ними любовное снадобье. Оба мужчины умерли, женщину предали смерти, и теперь обвинитель настаивает на том, чтобы мачеха, подстрекавшая к преступлению, понесла наказание за свою вину.

Из речей, известных нам только по именам или в виде коротких фрагментов, вероятно, некоторые, во всяком случае, принадлежали Антифону Софисту, с которым часто путают этого оратора. Под именем оратора выходили также труд по риторике и сборник проэмий и эпилогов.

ГЛАВА III ФРАСИМАХ-АНДОКИД

§ 1

Новый период начинается с Фрасимаха Халкидонского, который принял Афины в качестве своего дома. Аристотель помещает его между Тисием, одним из основателей риторики, и Теодором Византийским,^[76] который был современником Лисия. Согласно хронологии "Федра" Платона, он был уже в расцвете сил, когда Исократ был еще подающим надежды юношей^[77]. Драматическая дата диалога - 410 г. до н. э., мы можем предположить, что он родился между 460 и 450 гг. до н. э., хотя четких указаний нет.

Похоже, он следовал примеру своих предшественников. Он составил *τέχνη* или руководство по риторике, а также сочинил или собрал коллекцию отрывков, которые должны были служить образцами для его учеников, названную Суидасом *ἁφορμαὶ ῥητορικαί* (*ораторские ресурсы*). Сюда, вероятно, входили *экзордии* и *эпилоги*, упомянутые Афинеем.^[78] Аристотель упоминает работу под названием "Ελεοί (*призывы к жалости*),^[79] а книга с загадочным названием ὑπερβάλλοντες завершила его образовательную деятельность.^[80] Он также сочинил несколько эпидейктических речей, которые, как называет их Суидас *παίγνια*, вероятно, были мифологического типа, примеры которых мы имеем в *Елене* и *Паламеде* Горгия. Дионисий говорит, что он не оставил ни совещательных, ни судебных речей, и это утверждение согласуется с известным фактом, что он был чужеземцем и поэтому не мог выступать в судах или собраниях.^[81] С другой стороны, Суидас упоминает публичные речи, а сам Дионисий сохранил фрагмент того, что кажется совещательной речью.^[82] Вероятно, она была составлена только как образец для его учеников, и, по сути, она отличается неопределенностью, которая могла бы подойти почти к любым обстоятельствам.

Он преуспел в "патетическом" стиле: "Для печалей бедного старика", - говорит Сократ, - или любого другого патетического случая нет никого лучше халкидонского гиганта; он может ввести в страсть и вывести из нее целую компанию людей своей могущественной магией, и он превосходит в изобретении или избавлении от любого вида клеветы на любом основании

или без него"[83] Эти дары, кажется, были естественным выражением его стремительного и страстного характера, представленного в *Республике*[84].

Утрата его произведений вызывает большое сожаление, поскольку он был изобретателем стиля - *умеренного* стиля, как его называл Дионисий, - который, находясь между строгостью Антифона и Фукидида и продуманной простотой, доведенной до совершенства Лисиасом, соединял в себе лучшие качества обоих. Таким образом, он был предтечей Исократ. В сохранившемся фрагменте мы не находим ни следа редких или поэтических слов, ни дерзких соединений, подобных тем, что использовал Горгий; ни одного сложного предложения Фукидида, ни одной вынужденной антитезы; дикция плавная, а выражение ясное. Похоже, он был первым писателем, тщательно изучившим метрический эффект, и упоминается за частое использование *паэона* Аристотелем, который, очевидно, причислял его к тем писателям, для которых дикция важнее идей[85].

Уже упоминавшийся фрагмент представляет собой *экзордиум* политической речи:

"Я мог бы пожелать, афинские мужи, чтобы мой жребий пал на те древние времена и условия, когда младшие довольствовались молчанием, поскольку обстоятельства не заставляли их говорить публично, а старшие были способными администраторами государства....".

Это обычное начало; похожей фразой сожаления (*ἐβουλόμην*) начинается речь Антифона об убийстве Герода,[86] а Эсхин развивает ту же тему превосходства политической жизни во времена Солона, что заставляет нас подозревать, что он имел в виду *prooemium* Фрасимаха[87].

О работах Теодора Византийского не сохранилось ни одного предложения. Современник Лисия, он преподавал риторику и написал несколько работ по этому предмету.[88] Он заботился о правильном разделении речи, добавляя раздел "дальнейшего повествования" (*ἐπιδιήγησις*) к обычному повествованию, и "дальнейшего доказательства" (*ἐπιπίστωσις*) к доказательству.[89] Именно за эту чрезмерную тонкость Платон высмеивает "хитрого искусника речей" из Византии[90].

§ 2

Андокид родился около 440 г. до н. э. в семье, которая была знатной на протяжении трех поколений.

Его прадед, как он рассказывает, сражался против Писистратидов; его дед Андокид был одним из посланников для заключения мира со Спартой в 445 году и дважды впоследствии был *стратегом*; его отец, Леогор, упоминается Аристофаном как разводящий фазанов.[91] Сам оратор был членом *ἑταιρεία* или клуба - вероятно, общественного, а не политического, поскольку единственное упоминаемое собрание было исключительно для общения.

В 415 году, накануне отплытия сицилийской экспедиции, Афины были поражены и ужаснуты удивительным актом святотатства. Изображения Гермеса, которые стояли повсюду в городе, все, кроме одного, были изуродованы и испорчены за одну ночь. Суеверные граждане с глубоким чувством, что вся община должна пострадать за виновный поступок некоторых ее членов, сочли это дурным предзнаменованием для удаи сиракузской экспедиции, а также, что менее разумно, восприняли это как признак надвигающейся революции и попытки подрыва демократии. Их тревога усилилась из-за слухов о том, что в некоторых частных домах празднуется нецензурная пародия на Элевсинские мистерии. Подобные акты нечестия могли навлечь на Афины гнев богов, которые до сих пор покровительствовали ей.

Вспомним, как Алкивиад, один из руководителей экспедиции, был обвинен в соучастии в заговоре, и как это обвинение привело к его отъезду из Сицилии и отчуждению от родного города, что привело к полному провалу великого завоевательного предприятия, а в конечном итоге, из-за полной потери лучших армий и флотов, и к падению самих Афин.

Андокида обвинили в соучастии как в осквернении мистерий, так и в нанесении увечий гермам. От первого обвинения ему, видимо, удалось откреститься, но он признается, что знал о деле Гермы.

Некий Тевкр осудил восемнадцать человек, виновных в нанесении увечий бюстам. Некоторые из них были преданы смерти, остальные отправились в изгнание. В список попали некоторые члены клуба, к которому принадлежал Андокид. Другой доносчик, Диоклид, рассказал, что в деле замешано около трехсот человек, и назвал имена сорока двух из них, включая Андокида и двенадцать его ближайших родственников. Афины были охвачены паникой и жаждали немедленного возмездия. Жертвы донощиков были немедленно заключены в тюрьму, и их положение было поистине тяжелым. Андокид рассказывает, как, чтобы спасти своего отца и других невинных людей, он наконец решился рассказать то, что знал. Он дал свои сведения под обещание не подвергаться наказанию, но в соответствии с условиями последующего декрета он подвергся "*атимии*", то есть запрету на посещение рынка и храмов; лишившись таким образом возможности делать государственную карьеру, он решил уехать за границу.

В сочинении *de Reditu*, произнесенном в 410 г. до н. э., через пять лет после возмущения, Андокид намекает, что он сам был причастен к этому поступку, и просит прощения за свою "юношескую глупость" (§ 7). Язык Фукидида^[92] и других авторов также подразумевает, что он обвинял себя вместе с другими. Язык *de Reditu*, однако, не является однозначным и не обязательно расходится с заявлением, сделанным двенадцать лет спустя в *de Mysteriis*.

Андокид утверждает, что знал о заговоре и противился его исполнению, но он был осуществлен без его ведома. В доказательство этого он указывает на то, что Гермес напротив его собственного дома был единственным не изуродованным.

Я сказал Совету, что знаю виновных, и изложил факты: Эвфилет предложил заговор, когда мы пили, а я выступил против него и на время предотвратил его. Через некоторое время я ехал верхом на жеребенке, который был у меня в Циносарге, и упал, сломал ключицу и рассек голову, и меня несли домой на носилках. Эвфилет, узнав о моем состоянии, сказал остальным, что меня уговорили присоединиться к ним, и я согласился принять участие в деле и изуродовать Гермеса возле святилища Форбаса. Этим он обманул их, и именно по этой причине Гермес, которого вы все видите перед нашим домом, воздвигнутый племенем эгеидов, был единственным Гермесом в Афинах, который не был изуродован, потому что предполагалось, что это сделаю я, как сказал Эфилет. Заговорщики, узнав об этом, были крайне возмущены, считая, что я знал об этом деле, но не принимал в нем никакого участия. На следующий день Мелет и Евфилет пришли ко мне и сказали:

"Мы сделали это, Андокид, и все кончено. Если ты будешь молчать и держать язык за зубами, то увидишь, что мы для тебя такие же хорошие друзья, как и прежде; если же нет, то наша вражда будет намного больше, чем любая дружба, которую ты мог бы создать, предав нас."

Я ответил, что, судя по тому, что произошло, я считаю Евфилета негодяем, но что им гораздо больше стоит опасаться факта своей вины, чем моего знания о ней"^[93].

Эта история, по крайней мере, правдоподобна. Единственная подозрительная деталь - откровенное признание самого оратора в том, что все те, кого он обвинял, за исключением четверых, уже были названы Тевкром и наказаны, одни - смертью, другие - изгнанием, так что его "признание" не могло нанести им никакого вреда. Четверо других, которых он включил в список, еще не были в тюрьме, хотя и были известны как сообщники тех, кто уже понес наказание. У них было время сбежать в изгнание (§ 68). Можно предположить, что они получили от доносчика должное уведомление о его намерениях. Таким образом, отправив в изгнание четырех человек, которые, вероятно, были виновны, Андокид, несомненно, спас жизнь себе, своему отцу, шурина и остальным сорока двум заключенным. Доносчик Диоклид отказался от своих слов и заявил, что Алкивиад и Амиант заставили его дать ложные сведения. Его привлекли к суду и предали смерти (§ 66). Андокид, страдавший от частичного лишения гражданских прав, долгие годы находился вдали от Афин. Он занимался торговлей во многих странах и наживал деньги, иногда неблаговидными способами. Он вел дела с Сицилией, Италией, Пелопоннесом, Фессалией, Ионией, Геллеспонтом и, наконец, Кипром, где Эвагор, царь Саламины, подарил ему ценное имущество[94].

В 411 году до н. э. он предпринял попытку восстановить свои права. Он приобрел весла для афинского флота на Самосе и вернулся в Афины, чтобы отстаивать свои права. К сожалению, Четыреста только что узурпировали власть, и они отвергли его просьбу, сославшись на то, что он помогал их врагам. Позже, в 410 или 408 году до н. э., он предпринял еще одну попытку и произнес речь *de Reditu*, но снова не добился успеха. Только после амнистии Фрасибула (403 г. до н. э.) он вновь стал полноправным гражданином и с тех пор принимал активное участие в общественной жизни, выступая теперь как ярый демократ, выступая в собрании и совершая литургии. В 399 году до н. э. вспыхнула старая вражда, и он был обвинен в нечестии по двум пунктам: в том, что участвовал в Элевсинских мистериях в то время, когда по закону не имел права этого делать, и в том, что положил на алтарь в Элевсисе во время мистерий веточку, что являлось осквернением. Наказанием за любое из этих преступлений была смерть, и *de Mysteriis* - это его успешный ответ на эти обвинения.

В 391 году до н. э., будучи одним из посланников, делегированных для заключения мира со Спартой, он доставил *de Pace*. Мир не был заключен. Это последнее упоминание об этом интересном авантюристе, хотя псевдо-Плутарх утверждает, что он снова отправился в изгнание. Если это правда, то мы знаем, что у него были удобные места для отдыха на Кипре и в других местах.

§ 3

Древние критики сурово относились к Андокиду. Хотя александрийская критика включила его в список десяти образцовых ораторов, Дионисий едва упоминает о нем ;[95] Квинтилиан пренебрежительно отзываясь о его работах,[96] а Герод Аттик скромно надеется, что он сам по крайней мере превосходит Андокида:[97] Гермоген подводит итог его недостаткам как оратора следующим образом:

Он стремится быть государственным деятелем, но не вполне преуспел в этом. Ему не хватает артикуляции и отчетливости в его "фигурах", ему не хватает порядка в соединении предложений и их завершении, он теряет отчетливость из-за использования скобок, так что некоторым он кажется неумелым и ненужно неясным. У него очень мало законченности, упорядоченности и энергичности. У него есть небольшая, но очень небольшая доля умности в систематической аргументации, но практически нет ничего другого"[98].

С некоторым сомнением я даю этот предварительный перевод трудного отрывка. Похоже, он означает, что Андокид, хотя и использует "фигуры", такие как антитеза, риторический вопрос и ирония, не достигает "точности" и не делает их достаточно отчетливыми. Его предложения иногда деформируются из-за того, что скобка преобладает над основным положением. Его дикция не отточена и неубедительна. Единственная заслуга, которую он заслуживает, - это его μέθοδος - его система изложения аргументов; здесь Гермоген, возможно, имел в виду способ, которым оратор организует свой материал, давая за раз только часть повествования и критикуя его по ходу дела, а не сохраняя повествование и аргументы совершенно отдельными. Более поздние и более опытные ораторы получали похвалу за этот метод. Под общей сообразительностью Гермоген, вероятно, подразумевает мастерство в использовании обычных софистических приемов ратора.

Псевдо-Плутарх менее суров к оратору:

"Он прост и неискусен в своих повествованиях, прямолинеен и свободен от "фигур""[99].

Следует сразу же признать, что многие критические замечания в адрес Андокида попадают в цель; но можно сомневаться, что они могут проникнуть достаточно глубоко, чтобы нанести существенный удар по его репутации. Античные критики были академичны и склонны упускать из виду практические детали. Их, как правило, больше волновало впечатление, которое произвела речь на читателя, чем ее воздействие на слушателей; они придавали большое значение художественной стороне и при изучении речи внимательно смотрели, насколько точно оратор следовал искусственным правилам ратора. Но такая оценка может привести к несправедливости, поскольку критик не только должен ссылаться на искусственный стандарт, установленный конвенцией, стандарт, который мог быть не признан современниками оратора, но, даже если допустить, что определенные правила риторики должны соблюдаться в целом, мы можем утверждать, что конкретные обстоятельства оправдывают отступление оратора от них. Риторика - это практическое искусство, цель которого, как говорит нам Платон, - убеждение; и хотя большинство людей, занимающихся ею, будут лучше всего двигаться по привычным линиям, есть и те, кто может добиться успеха, не следуя проторенной дорожке.

Андокид не может сравниться со своим предшественником Антифоном в тех пунктах, которые являются главными характеристиками последнего - достоинство манеры, баланс положений и словесная антитеза; но, с другой стороны, он владеет достаточно ясным стилем и обладает даром рассказывать о событиях прямолинейно - два вопроса, в которых старший оратор не был особенно успешен. И снова Андокид начинает с одним существенным преимуществом. Если мы прочитаем тетралогии Антифона, как бы прекрасно они ни демонстрировали владение писателем техникой своего дела, и обратимся от них к одной из реальных речей, например, к *речи Герода*, мы сразу же почувствуем, насколько велика выгода от того, что перед нами человеческий интерес. Речь, в которой речь идет о реальных людях, всегда должна иметь это преимущество перед декламационным упражнением. Но мы все равно чувствуем, что личный элемент не так заметен, как мог бы быть, просто потому, что оратор озвучивает не свои собственные мысли по случаю, когда его интересы глубоко затронуты, а нанизывает фразы, которые непонятный молодой человек из Митилены может неуклюже пропустить через себя, возможно, нисколько не понимая их умности. Но Андокид - настоящий живой человек, выступающий от своего лица и в свою защиту по самому серьезному обвинению. Ему грозит серьезная опасность, и он должен напрячься до предела; он должен подняться до великого случая или понести наказание - возможно, своей жизнью. Это тот случай, когда стиль может быть полностью отодвинут на задний план, когда дело важнее метода, когда средства не имеют значения, если не достигнута цель; ведь

эпиграмма не может умерить чашу болиголова, а законы Афин сильнее правил ораторского искусства.

Для Антифона было естественно уделять внимание деталям стиля, и его стиль довольно архаичен. С другой стороны, Андокид не был обученным оратором, если не считать того, что каждый афинянин с юности обучался ораторскому искусству. Он не был ни профессиональным адвокатом, ни частым оратором на публике - ведь, судя по тому, что он долго жил в изгнании, у него не было возможности выступать в судах или собраниях. Обладая удобной беглостью речи и хорошо владея языком повседневной жизни, он находит в нем удовлетворительное средство выражения. В большинстве случаев он, кажется, обладает от природы тем, что Лисий приобрел с помощью искусства - ясным и прямым способом выражать свои мысли, простотой языка, в котором нет ничего натянутого или непривычного. С другой стороны, в его стиле есть несоответствия; бывают случаи, когда он, видимо, без умысла, использует слова или фразы, слегка чуждые речи обывателя. У нас есть ощущение, что это было сделано без жеманства; что в ходе своего беглого и быстрого произнесения он использовал именно те слова, которые естественным образом приходили ему в голову как подходящие.^[100] В этом он отличается от Лисия, который взял обычную речь и усовершенствовал ее в литературную форму, достигнув путем изучения изысканной простоты и чистоты, которую могла создать только тщательная практика.

В целом, Андокид наиболее эффективен, когда он наиболее прост; когда он использует обычные слова и не пытается прибегать к риторическим ухищрениям, которые не являются для него естественными. Следующее повествование подчеркнет мою мысль:

Когда нас всех отвели в тюрьму, наступила ночь и ворота тюрьмы были закрыты, пришли мать одного человека, сестра другого, жена и дети, и раздались звуки причитаний, когда они плакали и оплакивали наше несчастное положение, ко мне обратился Хармид - он был моим двоюродным братом, одного возраста со мной, и он с детства воспитывался в нашем доме.

"Андокид, - сказал он, - ты видишь, в какой серьезной беде мы оказались; и хотя раньше я не хотел ничего говорить и вообще досаждал тебе, теперь я вынужден это сделать из-за несчастья, в которое мы попали".

"Другие ваши друзья и соратники, кроме нас, которые являются вашими родственниками, некоторые из них уже казнены по обвинению, по которому нас предают смерти, а другие признали свою вину, бежав из страны.

Если ты что-нибудь слышал об этом деле, скажи правду и тем самым спаси и себя, и своего отца, который, должно быть, очень дорог тебе, и своего шурина, который женат на твоей единственной сестре, и, наконец, всех остальных твоих родных и друзей, не говоря уже обо мне - ведь за всю свою жизнь я никогда не причинял тебе беспокойства, но предан тебе и готов сделать все, что в моих силах, чтобы помочь тебе"^[101].

Его разоблачение Диоклида просто и эффективно; он повторяет заявление доносчика и несколькими словами комментирует его, чтобы оно выглядело смешным:

"Воодушевленный несчастьями своей страны, Диоклид представил Совету информацию. Он утверждал, что знает людей, которые изуродовали гермы, и что их было около трехсот. Далее он рассказал о том, как ему довелось столкнуться с этим делом.

Он сказал, что у него есть раб, работающий в Лаурейоне, и ему нужно было отправиться туда, чтобы получить его жалование. Он встал очень рано, перепутав время, и отправился в путь. Светила полная луна, и когда он проходил мимо ворот Диониса, то увидел несколько человек, спускавшихся из Одеума в Оркестр. Он испугался их, зашел в тень и сел между колонной и постаментом, на котором стоит бронзовая статуя генерала.

По его оценке, число людей, которых он видел, составляло около трехсот, и они стояли вокруг группами по пять-десять, а в некоторых случаях и по двадцать человек. Он мог узнать большинство из них, так как видел лунный свет, освещавший их лица.

Он сделал это чудовищное заявление прежде всего для того, чтобы иметь возможность сказать, что любой гражданин, который ему понравится, является или не является членом этой компании.

Увидев все это, он, по его словам, отправился в Лаурейон и на следующий день услышал об издевательствах гермейцев. Поэтому он сразу понял, что это дело рук тех, кого он видел"[102].

Начало речи демонстрирует разумное использование тех общих мест, которые обычай требовал в качестве предисловия к аргументам, - злобность и изобретательность врагов оратора и недоумение, вызванное количеством их обвинений, из-за которого трудно понять, с чего начать.

Почти все вы знаете, господа, с каким упорством мои враги старались всячески навредить мне, честными или нечестными способами, с тех пор как я впервые приехал в Афины, и мне нет нужды останавливаться на этой теме; но я буду просить вас только о справедливом обращении - услуге, которую вам так же легко оказать, как и мне важно получить.

Во-первых, я хотел бы, чтобы вы учли, что я предстал перед вами, не будучи ни в коей мере вынужденным ожидать суда; я не сдался под залог и не подвергался ограничениям, связанным с тюремным заключением. Я предстал перед вами, потому что, во-первых, уповаю на справедливость моего дела, а во-вторых, на ваш характер; я чувствую, что вы вынесете справедливое решение и не позволите мне, извратив правосудие, быть погубленным моими врагами, но что вы скорее спасете меня, позволив правосудию идти своим чередом в соответствии с законами города и клятвами, которые вы дали в качестве предварительного условия для вынесения приговора, который вы собираетесь записать.

Господа, вполне разумно, что в случае с людьми, которые добровольно подвергаются опасности судебного разбирательства, вы должны относиться к ним так же, как они сами к себе. Те, кто отказывается ожидать суда, практически сами себя осуждают, так что вы можете обоснованно вынести им приговор, который они вынесли себе сами; что же касается тех, кто ждет суда в уверенности, что они не совершили ничего плохого, вы вправе придерживаться того же мнения о них, что и они сами о себе, и не решать, не заслушав, что они неправы.

Поэтому я размышляю, с какой точки мне следует начать свою защиту. Начать ли мне с вышеупомянутого утверждения, что мое обвинение было незаконным? Или с того, что указ Изотимида недействителен? Или обратиться к законам и клятвам, которые вы давали? Или, наконец, начать с изложения фактов с самого начала?

Моя главная трудность заключается в том, что различные пункты обвинительного заключения не вызывают у вас одинакового негодования, но у каждого из вас есть какой-то пункт, на который он хотел бы, чтобы я ответил в первую очередь. Невозможно разобраться

со всеми сразу, и поэтому мне кажется наилучшим вариантом изложить всю историю с самого начала, ничего не опуская; ведь если вы досконально поймете, что произошло на самом деле, то легко распознаете ложь, которой мои обвинители опорочили меня"[103].

Реляция проста и энергична в своей прямоте:

"Не лишайте себя надежд на мою помощь и не лишайте меня надежд помочь вам. Я прошу тех, кто уже доказал благородство своих чувств по отношению к демократии, подняться на трибуну и дать вам совет в соответствии с тем, что они знают о моем характере. Выходите вперед, Анит и Цефал, и вы, члены моего племени, которые были выбраны, чтобы ходатайствовать за меня - Фрасилл и остальные"[104].

Уже упоминалось о живости его речи. По сравнению с его жизненной энергией "строгость" Антифона становится скучной и напыщенной. Наиболее яркой чертой его работ является легкость, с которой он, сообщая о разговорах или объясняя мотивы, переходит к прямому цитированию, вспоминая свои собственные слова или вкладывая слова в уста других, чтобы выразить то, что они сказали или подумали. В этом мы узнаем нечто гомеровское; это сравнимо с эпическим использованием ὡς δὲ τις εἶπενκε и καὶ ποτὲ τις εἶπενσι.

Следующий отрывок показывает, как основная нить предложения может потеряться в клубке таких парентетических цитат:

"С самого начала, хотя многие сообщали мне, что мои враги говорили, что я никогда не должен ждать суда - "Ибо что может побудить Андокида ждать суда, когда он может покинуть город и при этом хорошо себя чувствовать? Если он отплывет на Кипр, откуда он родом, там его ждет большая и процветающая ферма, которой он владеет на правах собственности; неужели он предпочтет запрячь свою шею в недоуздок? С какой целью? Неужели он не видит, в какую сторону дует ветер?" Я, господа, совершенно не согласен с этим мнением. Я не стал бы жить и наслаждаться максимальным процветанием в другом месте ценой потери родины; и даже если бы ветер здесь дул так, как говорят мои враги, я предпочел бы быть гражданином Афин, а не любого другого города; процветающим, на данный момент, каким бы эти другие города мне ни казались. Придерживаясь таких взглядов, я передал тебе решение о своей жизни"[105].

Было отмечено, что Андокид не пристрастился к использованию словесных антитез, которые стали слишком привычными для Фукидида и Антифона. Мы не находим у него такой повторяющейся монотонной игры на контрастах между "словом и делом", "бытием и видимостью".

Есть, однако, один вид антитез, к которому он несколько равнодушен - антитеза мысли, а не языка. Он любит объяснять трудности выбора, облекая их в форму дилеммы.

Что касается его личного поведения, то ему, должно быть, часто приходилось сталкиваться с дилеммами. Судя по той роли, которую он сыграл в святотатстве, и по тому неловкому положению, в котором он в результате оказался, ему часто было одинаково трудно и опасно лгать и говорить правду. Поэтому нет ничего неестественного в том, что мы часто встречаем предложения, подобные следующим:

"Как бы каждый из вас поступил, джентльмены, если бы вам пришлось выбирать: умереть благородно или быть обязанным жизнью позорному поступку?

Кто-то может сказать, что мой поступок был низменным, но многие поступили бы так же, как я"[106].

Эта апелляция к индивидуальным чувствам, особенно просьба, которой она предваряется, - судить "по человеческим меркам" (ἀνθρωπίνως), - эффективна в своей дерзости. Оратор, должно быть, был уверен в своей аудитории, прежде чем решился обратиться к низшей природе, от которой каждый хотел бы отречься.

В отличие от достоинства Антифона, Андокид время от времени впадает в грубость, втягивая в свою речь порочащие анекдоты, связанные с его противниками, которые не имеют никакого отношения к его теме и служат лишь для того, чтобы вызвать смех в данный момент. Так, длинный рассказ о домашних делах Каллиаса (§§ 123-130) не имеет никакого отношения к судебному процессу. Человек, чей отец был трижды несчастлив в браке, все еще может быть надежным свидетелем. Введение неуместной истории в таком случае совершенно неоправданно, но, поскольку в Афинах свободно терпели подобные примеры дурного вкуса, свести счеты с жизнью с помощью такого нечестного удара стоило, особенно если удары наносились так же аккуратно, как в следующем отрывке:

"По просьбе матери родственники отвели ребенка к алтарю во время Апатурии. Они принесли жертву и попросили Каллия совершить жертвоприношение. Он спросил, кто отец ребенка. "Каллий, сын Гиппоника". "Но я Каллий". "Да, и это твой ребенок"[107].

Можно еще многое сказать в оправдание нападок на Эпихареса. Доказывать или яростно утверждать, что его обвинитель - враг демократии и человек с мерзким характером, - это презумпция в пользу обвиняемого. Демосфен сам ввел в обычай подобные приемы и был не менее беспринципен и не менее неуместен, чем Андокид:

"Но Эпихар, который хуже всех, и хочет поддержать свою репутацию, и поэтому действует мстительно против себя - ведь он был членом Совета во времена Тридцати; и каково положение в законе, который начертан на столбе перед залом Совета? "Тот, кто будет занимать должность в городе, когда демократия свергнута, может быть убит без наказания, а его убийца будет свободен от кровной вины и получит имущество убитого". Конечно же, Эпихарес, любой, кто убьет тебя сейчас, будет иметь чистые руки, согласно закону Солона? Позвольте мне прочесть вслух закон на столбе?"[108]

Но Андокид в таких случаях, безусловно, нарушает законы хорошего вкуса, и в том, что касается личных оскорблений, хотя и менее плодovitых по словарному запасу, является достойным предшественником великих ораторов. Его грубость едва ли можно оправдать изобретательностью эпиграмматической формы:

"Ты, шакал, доносчик обыкновенный! ...тебе позволено жить и рыскать по городу? Ты мало этого заслуживаешь; при демократии ты жил ремеслом доносчика; при олигархии, опасаясь, что тебя заставят отдать деньги, которые ты заработал доносами, ты был прислугой у тридцати...."[109].

и снова:

"Одним из результатов вашего решения соблюдать нынешние законы является то, что он был возвращен из изгнания в гражданство, а из юридической немоши - к свободному занятию ремеслом доносчика"[110].

Использование скобок иногда доводится Андокидом до крайности. Приводится пример, когда грамматическая конструкция разрушается из-за того, что писатель вводит в ее середину воображаемый разговор.[111] Стиль иногда настолько свободен и дискурсивен, что не только трудно уследить за построением, но и аргументы неясны. Писатель страдает от неспособности придерживаться сути, или, скорее, он пытается объяснить несколько вещей

одновременно, и поэтому ничего не проясняет. Крайний пример можно найти в §§ 57 *sqq. de Mysteriis*. Его мысли бегут слишком быстро для его языка, и ему не хватает технического мастерства, чтобы направить их в нужное русло. Такие предложения служат практическим комментарием к вступлению к той же речи, в котором он заявляет, что не знает, с чего начать^[112].

С другой стороны, можно найти отрывки, в которых серия коротких предложений, небрежно соединенных и нарушенных *анаколутоном*, действительно эффективна, поскольку имитирует прерывистое произнесение страсти. К таким можно отнести следующее:

'Тогда глашатай спросил, кто положил ветвь подателя, и никто не ответил. Теперь мы стояли рядом, и Каллиас мог видеть меня. Когда никто не ответил, он удалился в храм. Эвклис, выйдя вперед, поблагодарил меня, позвав его... Итак, Эвклис, прежде всего, докажи, правду ли я говорю'^[113].

§ 4

До сих пор я рассматривал главным образом речь *de Mysteriis*, лучшую из работ Андокида. Другие речи требуют краткого упоминания. Речь *de Reditu* значительно отличается от более поздней речи *de Mysteriis*, но это в основном разница в тоне. Словесный стиль во многом тот же, хотя в нем больше тенденций к антитетической структуре. Язык прост, предложения менее затруднены скобками. Но здесь Андокид скромнее; он предстает как молодой человек без друзей, выступающий перед критическим и враждебным собранием; он умерен в выражениях, апологетичен в тоне, осторожен, чтобы не обидеть язвительным или непродуманным высказыванием. В *de Mysteriis* он говорит с сознанием не лучшего дела, а возросшей власти и уверенного положения в государстве. Он уверен в себе, временами почти высокомерен; он жесток и яроsten в своих напаках на врагов.

По стилю "*Де Паче*" в целом схожа с другими речами, за исключением некоторых грамматических особенностей. Дионисий объявил ее подделкой, но современные критики в большинстве своем считают ее подлинной.

Главные основания для подозрений - неточности исторического повествования (§§ 3-9) и тот любопытный факт, что очень похожий отрывок встречается у Эсхина (*de F. L.*, §§ 172-176), где воспроизводятся даже некоторые особенности фразеологии^[114]. Что касается истории, то ораторы часто были неточны в отношении прошлой истории своей страны. Небрежные высказывания встречаются даже в *de Mysteriis*. Демосфен - ненадежный авторитет даже для событий почти современности. Что касается другого вопроса, есть все основания считать, что Эсхин плагиатом Андокида, поскольку упоминание Андокида, деда оратора, которое встречается в обеих речах, находится в речи Андокида, в то время как нет никаких особых причин, почему Эсхин, если бы он составлял этот отрывок, должен был бы упомянуть его. В некоторых незначительных моментах, как показал Джебб, Андокид более точен, чем Эсхин. Поэтому предположение о том, что "*de Pace*" - это поддельная речь, составленная более поздним ритором, который плагиатил у Эсхина, вряд ли обосновано. Остается третья возможность: и Эсхин, и Андокид заимствовали из одного и того же полуисторического сборника, возможно, утраченного риторического упражнения.

В *de Pace* и *de Reditu* нет ни экскурсов в анекдот, ни последующего прямого цитирования речи, характерного для *de Mysteriis*. Исторический аргумент, о котором уже говорилось, скучен сам по себе, но нудность *de Pace* несколько разбавляется нередким использованием риторического вопроса.

Что нам остается обсуждать? Тему Коринфа и приглашение Аргоса. Во-первых, я хотел бы получить информацию о Коринфе: если беотийцы не присоединятся к нам в войне, а заключат мир со Спартой, то чего будет стоить для нас Коринф? Вспомните, афиняне, тот день, когда мы заключили союз с беотийцами; что мы чувствовали при заключении этой сделки? Не было ли это так, что мы и Беотия вместе достаточно сильны, чтобы противостоять всему миру? Но теперь мы задаемся вопросом: если беотийцы заключат мир, как мы сможем без беотийской помощи бороться со Спартой? Некоторые говорят, что мы сможем это сделать, если защитим Коринф и заключим союз с Аргосом.

Но когда спартанцы нападут на Аргос, будем ли мы помогать Аргосу или нет? Мы должны определенно выбрать тот или иной путь"[115].

Призыв к миру не дает таких возможностей для ораторского искусства, как призыв к оружию; тем не менее, более великий оратор мог бы сделать больше для этой темы.

Речь "*Против Алкивиада*", несомненно, поддельная и относится к гораздо более позднему времени.

Она основана на полном непонимании природы закона об остракизме. Оратор представлен как обсуждающий вопрос о том, должен ли он сам, Никиас или Алкивиад быть подвергнут остракизму - совершенно невозможная позиция. Речь представляет собой не более чем сборник анекдотов об Алкивиаде, встречающихся у Плутарха.

Сохранились названия четырех утраченных речей: πρὸς ἑταίρους, συμβουλευτικός, περὶ τῆς ἐνδείξεως и ἀπολογία πρὸς Φαίακα. Сохранились фрагменты - по несколько строк в каждом случае - двух безымянных речей. Одна из них относится к Гиперболу, который все еще находился в Афинах, и поэтому должна быть помещена не позднее 417 г. до н. э., года, когда Гипербол был подвергнут остракизму. Она заслуживает цитирования как типичная для снобизма молодого аристократа, еще не воспитанного несчастьем.

"Мне стыдно упоминать имя Гипербола; его отец - клейменный раб, который и по сей день работает на государственном монетном дворе; сам он - иностранец, варвар и ламповщик"[116].

ГЛАВА IV ЛИСИЯ

§ 1

Хотя мы и пытаемся представить ораторов в хронологическом порядке, такая трактовка может ввести в заблуждение, поскольку их жизнь и периоды их деятельности значительно пересекаются. Около 390 года до н. э. Андокид все еще произносил речи, Лисий был в расцвете сил; Исократ уже завоевал себе репутацию, а Исая, по крайней мере, начал быть известным. Поэтому было бы опрометчиво пытаться проследить в творчестве кого-либо из них влияние других. Все они, как современники, могли чему-то научиться и чему-то научиться, но вряд ли можно сказать, что один из них в полном смысле является литературным предшественником или учеником другого.

По происхождению Лисий был сиракузянином; его отец Кефал, о котором Платон дает нам очаровательную картину в первых главах "*Республики*", был побужден Периклом поселиться в Афинах, и там родился Лисий. Псевдо-Плутарх называет дату рождения 459 год до н. э., а Дионисий - тот же год; но это основано на предположении. Известно, что он отправился в Фурии в возрасте пятнадцати лет, а Фурии были основаны в 443 году до н. э. Но нет никаких доказательств того, что Лисий отправился в Фурии в год ее основания; мы знаем только, что он не мог родиться раньше 459 года до н. э. Традиция, однако, заставляет его дожить до восьмидесяти или восьмидесяти трех лет, а его последняя известная речь датируется, вероятно, 380 годом до н. э., так что если мы предположим, что его смерть произошла вскоре после 380 года до н. э., то будем последовательны.^[117] Современное мнение, поддерживаемое Блассом, что Лисий родился не ранее 444 года до н. э., имеет мало доказательств в свою пользу. Оно основано главным образом на утверждении Псевдо-Плутарха, что Лисий отправился в Фурии только после смерти отца, и на вере в то, что Кефал был жив в 430 году до н. э., когда, как предполагается, началась история *Республики*. Но Бласс сам собрал примеры недостоверности Платона в отношении дат, а биограф сам по себе - плохой авторитет.

Лисий отправился в Фурии вместе со своими братьями Полемархом и Эвтидемом. Считается, что он учился у сиракузского ритора Тисия. После поражения афинских войск в Сицилии в 413 году до н. э. Лисий и его братья оказались в числе трехсот человек, обвиненных в "аттицизме", и были изгнаны из Фурий. Они вернулись в Афины в 412 году до н. э. С этого года до 404 года до н. э. братья жили в процветании и счастье, заработав значительное состояние как владельцы щитовой фабрики, на которой работали 120 рабов.

У них было много друзей; они принадлежали к высшему классу пришельцев - *изотелеям*, и свидетельства Платона и Дионисия ясно показывают, что они смешивали с самым культурным обществом. Они гордились тем, что выполняли все общественные работы, которые выпадали на их долю.

Удача изменилась для сыновей Цефала, когда в 404 году до н. э. успешная революция привела к власти Тридцать; сам оратор дает наглядное описание того, как их постигла гибель.

Тридцать, говорит он, "заявили, что должны очистить город от преступников, а остальных граждан обратить к добродетели и справедливости". Двое из лидеров указали на то, что некоторые *метеки* были недовольны новой конституцией; эти *метеки* были богаты, так что их казнь была не только моральным долгом, но и разумным финансовым шагом. Они легко одержали верх над своими коллегами, которые, по меткому выражению Лисия, "не думали о том, как лишиться себя жизни, но думали о том, как заработать деньги". Имя оратора было в списке, и его арестовали на званом обеде в его собственном доме. Он описывает, что за этим последовало:

"Я спросил Пизона, спасет ли он мне жизнь за деньги; он сказал, что спасет, если речь идет о большой сумме. Тогда я сказал, что готов заплатить талант, и он согласился на эти условия. Я хорошо знал, что он не считает себя ни богом, ни человеком, но думал, что мой единственный шанс - довериться ему. Поэтому, когда он поклялся своей и своих детей надеждой на спасение, что спасет меня, если получит за это талант, я пошел в свою сильную комнату и открыл сундук".

Вид его содержимого - золота и серебра на сумму около шести талантов, а также множество пластин - был слишком велик для честности Пизона. Я умолял его дать мне столько, чтобы хватило на дорогу, но он сказал, что я должен быть доволен, если спасу свою кожу".

Пизон передал пленника Дамниппу и Феогнису в дом первого, и Дамнипп, который, похоже, был мягче остальных, согласился поговорить с Феогнисом от имени Лисия. Он знал своего человека и "думал, что тот сделает все за деньги". Пока они торговались, Лисий сумел незаметно ускользнуть через черный ход и на следующий день бежал на корабле в Мегару; его брат Полемарх был арестован Эратосфеном и предан смерти[118].

Во время своего изгнания, которое длилось менее года, Лисий показал себя настоящим другом демократии. Он подарил армии двести щитов и добился набора рекрутов и денежных подарков. Когда олигархия пала в 403 году до н. э., экклесия, по предложению Фрасибула, приняла решение о предоставлении Лисию гражданства; но из-за некоторой неформальности постановление было объявлено незаконным, и он немедленно лишился своих привилегий. С этого времени и примерно до 380 г. до н. э. он активно занимался написанием речей, лишь немногие из которых произносил сам. Его деятельность должна была быть значительной, поскольку Дионисий приписывает ему не менее двухсот судебных речей.

Судебное преследование Эратосфена в 403 году до н. э. знаменует, насколько нам известно, его единственный личный контакт с афинской политикой. По случаю *Олимпиады* Лисий обращается к гораздо более широкой аудитории на Олимпийском празднике 388 года до н. э. Он умер, по подсчетам древних, вскоре после 380 года до н. э., в возрасте около восьмидесяти лет.

§ 2

В литературе, как и в политике, мы устаем слышать, как Аристиды называют Справедливым, и поэтому совершенными писателями восхищаются меньше, чем следовало бы. На латыни Теренция, которого все хвалят за чистоту стиля, читают меньше, чем более грубого Плавта, а на греческом Лисий, которого античные критики считали эталоном аттической прозы,[119] ценится меньше, чем Демосфен.

Используя повседневный язык в качестве литературного средства, Лисий, благодаря своему исключительному мастерству и владению его идиомой, возвысил его до простоты и точности выражения, никогда не превзойденных другими писателями. Эта простота обманчива:

"ut sibi quivis

Speret idem, sudet multum frustra que laboret

Ausus idem".

Только когда мы анализируем отрывок или пытаемся подражать стилю, мы понимаем, насколько большую роль сыграло искусство в этой структуре, которая кажется такой естественной.

Гладкость через некоторое время кажется нам однообразной, и многие читатели с облегчением отвернутся от полировки Лисия к более выразительной грубости Антифона или разнообразному великолепию Платона. Лисий, по сути, дает нам прекрасный пример чистейшей прозы, но сравнительная грубость среднего вкуса предпочитает что-то менее изысканное, менее тщательно очищенное от естественных примесей, которые предотвращают глупость, менее свободное от красящих веществ, придающих характер.

До сих пор я рассматривал только общее впечатление, производимое языком, не считая более личных элементов стиля.

Как оратор, Лисий при первом знакомстве разочаровывает. Кажется, что ему не хватает огня, а энергичность он подчиняет точности.

Для этой очевидной слабости мы должны сделать определенные поправки. Мы должны помнить, что о нем приходится судить в основном по речам, написанным для других, и речам, посвященным делам, которые по своей природе часто не важны, а в деталях малоинтересны.

Было бы неразумно требовать иных качеств, кроме четкого изложения фактов, в речи для обвинения, касающейся растраты средств доверенным лицом по завещанию (*"Против Диогитона"*), или в обвинительном заключении Никомаха, магистрата, не предоставившего в установленный срок отчетность. Такие речи имеют большое значение косвенно: для юриста - как касающиеся особенностей аттического права; для широкого читателя - потому что помогают восполнить детали картины общественной и частной жизни в Афинах. Мы не должны выносить поспешное суждение о писателе из-за того, что, рассматриваемые как примеры ораторского искусства, они менее привлекательны и впечатляющи, чем некоторые из более известных образцов.

Я оставляю для дальнейшего рассмотрения единственную речь, в которой глубоко затронуты личные чувства Лисия - обвинение Эратосфена. Среди остальных речей нет ни одной, которая, взятая в целом, могла бы сравниться с лучшими публичными выступлениями или агитками Демосфена. Хотя Лисию часто приходилось иметь дело с судебными процессами над государственными людьми, эти процессы никогда не были действительно общественно значимыми. Не его дело было определять определенную линию политики для своего города; не ему было будить апатичный народ к необходимости немедленных и решительных действий. Мы не можем поверить, что хоть одна из его речей обращена или должна была быть обращена к Афинам в целом.

Даже когда он говорит о событиях, произошедших во время тирании Тридцати, хотя, несомненно, чувства все еще были высоки, у нас создается впечатление, что только та часть общества, которая непосредственно участвовала в продвижении или срыве революции, будет остро заинтересована в процессе наказания или награждения тех, кто играл незначительную роль: большинство с большей или меньшей неохотой согласилось на перемены, и теперь, когда беда осталась в прошлом, стремилось извлечь максимум пользы из настоящего; политическая память в Афинах была короткой.

Положение Демосфена было совершенно иным; его основная деятельность пришлась не на период кризиса, а на время национальной опасности. Он нашел большие возможности и воспользовался ими.

Чтобы рождались действительно великие люди, будь то ораторы или государственные деятели, необходим большой энтузиазм. Одаренный человек под влиянием великой конструктивной идеи может, при наличии исключительных возможностей, стать Периклом; необычайно благоприятное стечение обстоятельств может породить Александра.

В наше время величайшее красноречие обычно на стороне оппозиции, и во все века проигранное дело порождало более выдающихся людей.

Демосфен обязан своей великой славой отчасти своим исключительным способностям, но в значительной степени и возможностями, тому факту, что он боролся против национальной апатии и иностранной агрессии за благородный идеал - свою концепцию афинской свободы. В таких обстоятельствах мог бы блеснуть и меньший интеллект; , а с другой стороны, Демосфен, если бы у него не было возможности выступить с речами против Филиппа, мог бы оказаться почти в одном ряду с такими ораторами, как Лисий.

§ 3

Лисий не менее прост в изложении своей темы, чем в языке. Практически каждая речь, дошедшая до нас в полном объеме, может быть проанализирована на четыре элемента - предисловие, повествование, доказательство и эпилог. Предисловие или эпилог могут быть очень незначительными; повествование может быть настолько очевидным, что доказательства практически не требуются, или, с другой стороны, фактов для повествования почти нет, так что помимо слов обвинения требуется только накопление доказательств; но порядок частей, кажется, неизменен. Мы видели, что Андокид инстинктивно разделял свое повествование, когда нужно было рассказать длинную историю, и перемежал части доказательствами деталей. Исократ, утверждающий необходимость деления, которое молчаливо принял Лисий, сам временами отступает от своих правил, а Исай, разумно разделяя и смещая части, ухитряется, как говорит Дионисий, "обходить" судей[120].

В этих пределах Лисий стремился к эластичности; хотя форма речи должна была быть точно определена, его художественное чувство требовало разнообразия в деталях. Дионисий отмечает, что, хотя он написал две сотни речей, он никогда не использовал одно и то же предисловие дважды. Некоторые ораторы имели привычку снова использовать вступительные фразы, которые уже служили вступлением к старой речи, и даже заимствовать такие *предложения* целиком из речей своих предшественников или из риторических справочников.

Лисий, обладавший более верным чутьем на то, что уместно, сочинял для каждой речи *проэму*, соответствующую ее требованиям. Его разносторонность в этом небольшом деле достойна восхищения. Следует также отметить значительное разнообразие в способах завершения его речей; хотя многие из его эпилогов практически говорят об одном и том же разными словами, почти всем им удается сказать это так, чтобы это больше подходило к данной речи, чем к любой другой.

Как разнообразны эти формы, так велико и разнообразие в деталях выражения. Существует очень мало формальных манер, за которые мы могли бы ухватиться, если бы захотели создать пародию на стиль. Есть, правда, одна или две общие необходимые фразы, которые он часто использовал, но даже они время от времени предстают в разной форме.[121]

§ 4

Лисий сильно варьирует структуру своих предложений, в одно время создавая периоды, аккуратно развернутые, с тщательно сбалансированными клаузулами, в другое время пишет в стиле, отнюдь не периодическом; снова варьирует свою форму, смешивая оба метода, вставляя в середину периода скобку или относительную клаузу, которая держит нас в напряжении, или прикрепляя к концу периода дополнительную конечность, которая, с технической точки зрения, портит его симметрию. Невозможно, не приводя большого количества примеров, подробно доказать эти утверждения, но в целом можно сказать, что в речах, посвященных серьезным вопросам, представляющим общественный интерес, стиль

более периодичен; в некоторых частных речах на сравнительно тривиальные темы стиль более прост и прямолинеен.

Но в пределах одной и той же речи часто наблюдается большое разнообразие; как отмечают Бласс и другие, повествование обычно ведется в простом стиле,^[122] в то время как для аргументов и доказательств используется более тщательная проработка периода. Как я уже отмечал в предыдущей главе,^[123] повествование и аргументы естественным образом вызывают разные стили, и можно предположить, что присяжные, рассматривающие более серьезные дела, искали более законченный стиль речи, чем разговорная простота, допустимая в незначительных делах полицейского суда. Но даже в неважных частных речах Лисий не придерживается какого-то одного метода, и мы чувствуем, что он варьировал свой стиль построения предложений в зависимости от характера оратора, для которого писал. Так, юноша Мантитей почти так же прост в речи, как и гениален в мыслях, в то время как калека, которого мы считаем благовидным плутом, с легкостью выдает строки аккуратных антитез, как, например, следующие:

"Богатые своими деньгами могут купить избавление от опасностей, бедные же в силу своей бедности вынуждены проявлять умеренность. Молодые требуют снисхождения от старших, но и молодые, и старые одинаково сурово относятся к недостаткам других".

Сильные имеют возможность без риска для себя жестоко обращаться с кем хотят; слабые не могут ни защититься от агрессора, когда с ними жестоко обращаются, ни одолеть намеченную жертву, когда они хотят жестоко обращаться с другими"^[124].

§ 5

Вариации построения предложений - это небольшая помощь в обрисовке характера, необходимая часть работы профессионального оратора, который старается быть реалистом. Но для того, чтобы речь соответствовала оратору, необходимо, чтобы не только слова и фразы, но и чувства были созвучны его характеру. Именно такой эффект пытался достичь Лисий, и ему принадлежит заслуга в том, что он добился большого успеха.

Из речей мы можем в какой-то степени определить характер ораторов, но не полностью, поскольку у нас нет указаний на тон и манеру речи.

Однако на основе различных данных мы можем составить представление о многих ораторах. Так, обвиняемый в получении взятки (Or. xxi.) приводит длинный и прозаический каталог своих заслуг перед государством, с отчетом о деньгах, которые он потратил на литургии (§§ 1-10); все это приводит его к выводу, что у него, который мало что хотел для себя и тратил все свое состояние на благо своей страны, не было побуждения брать взятки, чтобы нанести ей ущерб.

Из "*Мантифея*" мы получаем довольно яркое и приятное представление о молодом афинянине хорошего происхождения и воспитания, который бесхитростно признается, что некоторые модные жеманства и владеет непреодолимым стремлением отличиться в качестве оратора в экклесии, поскольку он уже оказал хорошую услугу на этом поприще.

Речь на протяжении всего времени откровенна и самоуверенна, но ни в коем случае не хвастлива:

"По таким записям вы должны судить о человеке, который в своей общественной жизни руководствуется честолюбием в сочетании с умеренностью; вы не должны ненавидеть человека за то, что он модно причесывается: такие привычки никому не вредят лично и не приносят вреда обществу; в то время как всем вам одинаково полезны те, кто охотно смотрит в лицо своим врагам. Поэтому несправедливо любить или ненавидеть кого-либо за его внешность; судите по его поступкам. Многие люди, которые мало говорят и спокойно одеваются, причинили вам большой вред, в то время как другие, которые не отличаются таким поведением, оказали вам огромные услуги.....

'Я заметил, что некоторые люди обижаются на меня за то, что я решился выступить перед публикой, когда, по их мнению, был слишком молод: но, во-первых, я был вынужден публично говорить о вопросах, которые меня волнуют, и, кроме того, я думаю, что по своей природе я несколько чрезмерно честолюбив.

Я думаю, что мои предки никогда не переставали служить государству, и, если быть откровенным, я заметил, что вы считаете, что только такие люди заслуживают вашего внимания.

Если вы придерживаетесь такого мнения, кто не будет поощряться действовать и говорить от имени государства? И почему вы должны быть недовольны теми, кто так поступает? Никто другой не имеет права судить их; это касается только вас"[125].

Совсем иную картину представляет собой калека (Oration xxiv.), который защищает себя по обвинению в получении государственной пенсии под ложным предлогом. Ему кажется, что он слишком много протестует против своей немощи, бедности и общей беспомощности, но при этом он сохраняет насмешливый тон и с трудом скрывает злобный нрав:

"Я почти благодарен прокурору за организацию этого процесса. До сих пор у меня не было повода дать вам отчет о своей жизни: теперь я получил его благодаря ему. В своей речи я постараюсь показать, что он лжец, и что до сегодняшнего дня моя жизнь была такой, которая должна заслуживать похвалы, а не подвергаться ревности, ибо я не могу думать, что он привлек меня к суду из каких-либо других побуждений, кроме ревности. Но если человек испытывает ревность к тому, кого все остальные жалеют, до какой подлости он не опустится, как вы полагаете?

Он выложил эту информацию не для того, чтобы получить деньги, и не для того, чтобы наказать врага; это плохой человек, с которым у меня не было ни дружеских, ни враждебных отношений. Так что ясно, господа, что он завидует мне, потому что, хотя я и пострадал, я лучший гражданин, чем он. Ибо я считаю, что телесные несчастья следует компенсировать хорошими душевными привычками; и если я проявлю расположение духа, соответствующее моему несчастному телу, и буду вести соответствующую жизнь, я буду так же плох, как и он"[126].

"Что касается моей верховой езды, о которой он имел дерзость упомянуть, не имея ни страха перед фортуной, ни уважения к вам, то тут и говорить нечего. Я знаю, что все, кто страдает от какой-либо немощи, ищут какого-нибудь облегчения и размышляют, как лучше облегчить свои страдания. Я принадлежу к этому классу, и, будучи страдающим, как вы видите, нашел верховую езду большим утешением для путешествия любой длины.....

"Если бы у меня были средства, я бы с комфортом ездил на муле, а не на одолженной лошади; но поскольку я не могу позволить себе собственного животного, я вынужден часто пользоваться одолженной лошастью..... Меня удивляет, что он не делает основанием для

обвинений то, что я хожу с двумя палками, в то время как другие пользуются одной, ссылаясь на то, что только богатые могут позволить себе две"[127].

'Опять же, он говорит, что я общаюсь с многочисленными плохими персонажами, которые потратили все свои собственные деньги и замышляют против тех, кто хочет сохранить то, что им принадлежит. Но подумайте, что это обвинение не задевает меня больше, чем любого другого, кто занимается ремеслом; оно также не относится к моим посетителям больше, чем к посетителям остальных представителей рабочего класса. Каждый из вас посещает парфюмера, парикмахера, сапожника или любого другого торговца, и большинство людей ходит в заведения, расположенные ближе всего к рынку, и лишь немногие - в те, что находятся дальше всего. Так что если вы осуждаете моих посетителей как негодяев, то ясно, что вы должны в равной степени осудить и тех, кто проводит время в чужих лавках; а если они виновны, то виновны и все жители Афин, ведь все вы имеете привычку наносить визиты и проводить время где-нибудь в другом месте"[128].

Другой хороший пример реализма в изображении характера - речь *Казда Эратосфена*. Лисий, кажется, произносит именно такую речь, которая подходит довольно глупому человеку из низших слоев среднего класса, который, по его собственному признанию, ничем не лучше своих соседей, хотя и не хуже. Кстати, вся эта речь - важный вклад в наши знания о домашнем укладе в афинском доме:

"Так все и шло, пока однажды я не вернулся неожиданно из деревни. После ужина ребенок плакал и капризничал - слуга специально дразнил его, чтобы заставить плакать, ведь в доме был Эратосфен: Я потом все это слышал... Я сказал жене, чтобы она пошла и покормила ребенка, чтобы он перестал плакать. Она сначала отказывалась, притворяясь, что рада моему возвращению после столь долгого отсутствия; но когда я раздражился и снова велел ей уйти, она сказала: "Да, - сказал я, - и оставь тебя со служанкой здесь одну; я знаю, как ты вел себя однажды ночью, когда был пьян". Я рассмеялся, но она встала, ушла и закрыла дверь, посчитав это шуткой, и задвинула засов снаружи. Я ни о чем не подумал, ничего не заподозрил и с удовольствием лег спать после дня работы в деревне. Рано утром она вернулась и открыла дверь, а когда я спросил, почему ночью стучали в дверь, она сказала, что лампа возле детской кровати погасла, и она принесла свет от соседки. Я ничего не заметил, полагая, что это правда. Мне показалось, что ее лицо было напудрено, хотя ее брат умер меньше месяца назад; но, несмотря на это, я больше ничего не сказал, вышел из дома и пошел по своим делам, не делая никаких замечаний"[129].

§ 6

Хотя Лисий проявляет драматический инстинкт в изображении характеров, он редко прибегает к театральным эффектам для того, чтобы одержать верх над чувствами суда. Он больше доверяет логике, чем элементам жалости и ужаса, и проявляет сдержанность языка, сравнимую с той сдержанностью, которая характеризует его стиль в целом. Он избегает всякого рода преувеличений; даже история его собственного ареста рассказана в беспристрастном, почти безличном стиле.[130] Нет сомнений, что Лисий таким образом значительно выигрывает в достоинстве. Возможно, сцена в тюрьме, описанная Андокидом[131], больше затрагивает наши чувства, но, безусловно, более впечатляющей является торжественность аналогичной сцены у Лисия:

"Когда их приговаривали к смерти и конец их был близок, они посылали за разными родственницами - сестрой, матерью, женой, в зависимости от случая, - чтобы те навестили их в тюрьме, чтобы они могли перед смертью попрощаться с ними в последний раз.

Дионисодор послал за моей сестрой, которая была его женой. Получив послание, она пришла, одетая в траур, как подобающая дань состоянию своего мужа"[132].

Затем узник распорядился своим имуществом и "торжественно предупредил жену, что если у нее родится сын, то она должна сказать ребенку, что Агоратус убил его отца, и попросить его отомстить убийце".

Здесь нет и намека на плач и причитания, которые описывает Андокид; ничего, кроме тихого пафоса самой истории, не действует на чувства. Определенной аудитории такой стиль понравится больше, чем любая экстравагантная скорбь, и подобных отрывков должно быть достаточно, чтобы опровергнуть распространенное обвинение против Лисия в том, что ему не хватает пафоса.

§ 7

Лисий не был лишен чувства юмора и иногда использовал сарказм, который мог быть нежным и игривым или горьким до жестокости в зависимости от обстоятельств; так, в "*Эпитафии*" он отмечает, что персы думали, что их лучший шанс на успех - вторгнуться в Грецию, "пока Греция еще спорила о том, как лучше защищаться от вторжения"[133].

Другие предложения можно найти в "*Речи о калеке*"[134]. Иногда саркастическая ссылка вводится игрой слов - как βουλεύειν-δοιλεύειν у *Филона*, § 26 - "Он желает положения государственного слуги; положение государственного раба - это то, чего он заслуживает". Из нескольких примеров в "*Никомахе*" можно привести один, в сравнении с довольно похожим отрывком в "Андокиде": "Теперь он стал гражданином, а не рабом, богачом, а не бедняком, законодателем, а не подьячим".

Это гораздо менее эффектно, чем неожиданный поворот, который Андокид придает аналогичному отрывку[135].

Наконец, фрагмент речи против Эсхина Сократа содержит длинный юмористический отрывок. У Эсхина мания занимать деньги, которые он никогда не возвращает. Его соседи так плохо с ним обращаются, что все они переезжают, как только могут, и снимают дома на расстоянии..... Толпа кредиторов вокруг его дверей на рассвете заставляет людей думать, что они собираются на похороны", и так далее, в комическом ключе, пока оратор не заканчивает злобным замечанием о любовнице Эсхина, что "ее зубы можно пересчитать легче, чем пальцы на руке".

§ 8

Лисий написал необычайное количество речей; из 425 приписываемых ему речей Дионисий признал подлинными 233.[136] Сейчас сохранилось тридцать четыре, либо полные, либо, в некоторых случаях, с отсутствующими частями. Сто двадцать семь речей известны по сохранившимся названиям или небольшим фрагментам.

Поскольку мы не можем с уверенностью проследить хронологическое развитие стиля, наиболее удобная классификация речей - по их тематике.

Эпидейктические речи

Фрагмент "Олимпийской" речи, который, несомненно, является подлинным, представляет собой интересный образец сочинений этого класса.

Софисты рано осознали возможности, которые давало великое собрание всех греческих государств для выражения национального чувства, и хотя, возможно, речи были учреждены главным образом для демонстрации ораторского искусства, вырос обычай превращать их в повод для обсуждения широких политических вопросов. Так, Горгий проповедовал необходимость объединения греков, а в более позднее время Исократ в своем *"Панегирике"* должен был вновь настаивать на необходимости отложить мелкие споры между городами ради блага греческой нации.

В 388 году до н. э. Дионисий Сиракузский отправил на Олимпийский фестиваль великолепное посольство. Лисий, понимая, что этот деспот Запада, подчинивший себе важные города Сицилии, разгромивший Карфаген и теперь угрожающий городам Магна-Греции, может стать, особенно в союзе с Персией, серьезной угрозой для независимости городов самой Греции, призвал их забыть о своей личной вражде ради всеобщего блага, а в качестве предвестия своей вражды призвал их снести царский павильон в Олимпии и разбросать его сокровища.

В сохранившемся фрагменте оратор предупреждает своих слушателей, что большая часть греческого мира находится в руках тиранов, а большая - под властью варваров. Причиной тому - слабость, вызванная внутренними раздорами. Империя зависит от владения морями, а Дионисий и Артаксеркс оба сильны в кораблестроении.

Поэтому вам следует отложить войну друг с другом и слаженными действиями добиваться безопасности; на прошлое вы должны смотреть со стыдом, а на будущее - с опаской".

Он предлагает Спарте взять на себя инициативу. Содержание конца речи известно нам только по "аргументу", но фрагмент достаточно длинный, чтобы оценить его как простую, но достойную композицию.

Эпитафия, или похоронная речь, предположительно относится к афинянам, павшим в Коринфской войне около 394 года до н. э., хотя точно определить год невозможно.

Такие речи обычно произносились в Афинах, и для их произнесения обычно выбирался оратор с известной репутацией. Лисий, не будучи гражданином, не мог быть выбран таким образом, и, если речь действительно была произнесена, он вряд ли мог ее сочинить; ведь практикующий оратор, вероятно, не нуждался бы в услугах профессионального логографа^[137].

Выдержка из перорации даст общее представление о стиле:

"И потому мы можем считать этих людей самыми счастливыми, поскольку они встретили и встретили свой конец от имени всего великого и благородного, не отдавая себя на волю случая, не ожидая смерти, которая приходит по воле природы, но выбирая самый благородный способ умереть.

Ибо память о них нестареет, а их чести завидуют все люди; мы скорбим о них как о смертных по своей природе, но прославляем их как бессмертных за их доблесть. Они получают публичные похороны, и в их честь мы устраиваем демонстрации силы, мудрости и богатства, считая тех, кто погиб в бою, достойными того, чтобы их чествовали с той же честью, что и бессмертных. Поэтому я называю их счастливыми в смерти и завидую им в этом, и думаю, что следует сказать, что жизнь стоила того, чтобы обладать ею только для тех людей, которые, будучи наделены смертными телами, оставили после себя благодаря своей

доблести память, которая бессмертна. И все же мы должны следовать древнему обычаю и, повинувшись закону наших отцов, оплакивать тех, кого мы хороним сегодня"[138].

В этой проповеди, напоминающей фрагмент похоронной речи Горгия, нет ничего поразительного или оригинального, особенно в вынужденных и повторяющихся противопоставлениях "смертного" и "бессмертного". По манере и содержанию она бесконечно уступает знаменитой речи Перикла, в которой, при всей экстравагантности стиля, есть нота истинного чувства. *Эпитафия* Лисия звучит пустотой; она слаба в образах, содержит очень мало упоминаний о мертвых и не дает надежды на утешение живым. Аллюзии на персидскую войну - часть риторической атрибутики, которая возбуждала желчь Аристофана, а исторические ссылки на предполагаемые обстоятельства речи настолько расплывчаты, что не подходят ни к какому конкретному случаю.

Поэтому по внутренним свидетельствам мы вполне можем считать, что это не настоящая речь, а декламационное упражнение.

Остается еще один вопрос: сочинил ли ее Лисий или нет.

Составитель "*Декламации*" может позволить себе вольности, которых он не допустил бы в настоящей речи; однако трудно поверить, что Лисий допустил бы такие недостатки вкуса, как втягивание в обсуждение войн с амазонками или потворство преувеличениям, характерным для начальных частей: "Всем людям не хватило бы времени, чтобы подготовить речь, соответствующую таким подвигам!" и еще: "Везде и среди всех людей те, кто скорбит о своих собственных горестях, возвещают о доблести этих мертвецов!".

Это не подходит ни к коринфской войне, ни к какой-либо другой войне при жизни Лисия, и в других местах Лисий не говорил столь неуместных вещей[139].

Речь, вероятно, является упражнением, составленным писателем, у которого перед глазами была речь Перикла и другие подобные сочинения. Она действительно цитируется Аристотелем, который, однако, не приписывает ее Лисию.[140] Подозрительно общее отсутствие сдержанности в тоне, и в целом это самый сильный аргумент против подлинности.

От речи, произнесенной для экклесии, остался лишь один фрагмент (Or. xxxiv.). Судя по названию, она была произнесена в противовес некоторым предложениям отменить или ограничить древнюю конституцию после падения Тридцати (403 г. до н. э.). Дионисий сомневается, была ли она произнесена на самом деле, но считает, что она написана в стиле, подходящем для дебатов.[141] Исторически значимо, что оратор осмеливается сравнивать положение Афин по отношению к Спарте с положением Аргоса и Мантинеи. Афиняне должны были быть сломлены духом, чтобы терпеть такое упоминание.

Общественные дела

Эти *ὑραφαί* подразделяются на различные категории; они касаются всех преступлений против государства, непосредственно включая государственную измену, святотатство, растрату, неконституционную процедуру, уклонение от военной службы, неправомерные требования о приеме на должность; или против государства в лице отдельного лица, например, обвинения в убийстве или покушении на убийство.

По степени важности они варьируются от государственной измены (*например, Эргокл*) и преднамеренного убийства (*например, Эратосфен*) до попытки Калеки (Or. xxiv.) получить незначительную пенсию якобы под ложным предлогом.

За Полистрата (Or. xx.), 411-405 гг. до н. э. Эта речь озаглавлена "*За Полистрата; защита по обвинению в попытке подрыва демократии*".

Полистрат занимал должность при Четырехстах и даже был членом этого органа. Характер выдвинутого против него обвинения точно не известен, но поскольку предложенное наказание заключалось лишь в штрафе, оно не могло быть столь серьезным, как следует из названия. Современные критики решают, что речь является подделкой, исключительно на основании стиля и метода. Порой изложение сбивчиво, аргументы неясны, а стиль слаб.

Такой аргумент против подлинности всегда должен быть субъективным; доказать его трудно. Речь *против Феомнеста* (см. ниже, с. 100) имеет недостатки, недостойные Лисия, и все же, по мнению тех же критиков, она, несомненно, подлинная.

Следует помнить, что данная речь на несколько лет раньше (ок. 407 г. до н. э.), чем любая из ораций, признанных подлинными, и, возможно, в случае ранних усилий оратора мы должны ожидать меньшей точности и законченности.

Or. xxi., посвященный обвинению в получении взятки, представляет собой лишь вторую половину речи. Первая часть, посвященная конкретным обвинениям, утрачена. Обвиняемый ссылается на свои выдающиеся государственные заслуги как на доказательство того, что он не из тех людей, которых можно подкупить, чтобы они предали свою страну. Дата, вероятно, 402 г. до н.э.

Речи *против Эргокла* (Or. xxviii.), *против Эпикрата* (Or. xxvii.) и *против Филократа* (Or. xxix.) можно рассматривать вместе как речи, произнесенные прокурором, все в 389 году до н. э.; они предполагают, что предыдущие ораторы подробно остановились на обвинениях, так что им самим остается только пересказать их. Ораторы энергичны и лаконичны, но безличны. В таких формальных ораториях не было необходимости в адаптации к характеру оратора, которую мы находим в других местах. Эргокл был привлечен к суду и предан смерти за предательство греческих городов в Азии и обогащение за счет растраты. Филократ был его подчиненным и единомышленником. Эпикрата также обвинили в присвоении государственных денег, когда он занимал доверенное положение.

Против Никомаха (Or. xxx.), дата, вероятно, 399 г. до н. э. - Единственные обвинения против Никомаха заключаются в том, что, будучи назначенным пересмотреть некоторые законы, он проявил усердие в работе и не закончил ее в назначенный срок, а также вызвал чрезмерную трату государственных денег - не для собственной выгоды, как следует отметить. Хотя Никомах и в худшем случае был неделовит и неосмотрителен, обвинитель считает нужным осыпать его оскорблениями, главным образом в связи с его скромным происхождением, поскольку его отец был вольноотпущенником^[142].

Против торговцев кукурузой (Or. xxii.) - простая, непритязательная речь, возникшая в связи с законами, касающимися поставок кукурузы; торговцам не разрешалось получать прибыль более одного оболы за бушель, а монополия строго охранялась. Дата написания не определена; возможно, около 390 г. до н.э.

О конфискации имущества брата Никия (Or. xviii.), около 396-385 гг. до н. э. - Брат Никия Эвкрат был предан смерти Тридцатью в 404 г. до н. э., а некоторое время спустя был принят указ о конфискации его имущества. Сыновья и племянник Евкрата выступают против

исполнения этого приговора. Из сохранившегося фрагмента большая часть состоит из призыва к жалости, что очень необычно для речей Лисия.

Для солдата (Or. ix.), 394-387 гг. до н. э.; защита Полиэна, преследуемого за неуплату штрафа, сомнительной подлинности, хотя аргументы, касающиеся этого, не являются убедительными.

Еще один случай, связанный с конфискацией, - *"Об имуществе Аристофана"* (Or. xix.), 387 г. до н. э. Речь очень тщательно построена, чтобы соответствовать тому, что, очевидно, было сложным случаем.

Против Эвандруса (Or. xxvi.), 382 г. до н. э. - Это значительный фрагмент речи, относящейся к проверке (δοκιμασία). Леодамас, первый человек, избранный архонтом на 381 год до н. э., был отвергнут как негодный, второй избранный, Эвандрус, становится архонтом, если он сможет пройти проверку; но его враги ссылаются на его действия во времена олигархии и, признавая, что он был безупречен после Реставрации, отказывают ему во всех заслугах этом. Горечь и несправедливость этой речи необычны для Лисия, но ее подлинность не вызывает подозрений.

К Мантитею (Or. xvi.), [143] около 392 г. до н. э.; *Против Филона* (Or. xxxi.), 405-395 гг. до н. э.; и неправильно озаглавленная *Защита по обвинению в подрыве демократии* (Or. xxv.), 402-400 гг. до н. э., - все они касаются δοκιμασία. В κατὰ Φίλωνα больше горечи, чем в речи против Эвандруса, но и больше оправдания, ведь Филон, если рассказы о нем правдивы, должен был быть очень отъявленным негодяем.

Речь *"За калеку"* (Or. xxiv.), написанная около 400 г. до н. э., также связана с δοκιμασία, хотя и другого рода. Пенсия выдавалась государством определенным лицам, которые по причине телесной немощи не могли содержать себя и не имели других средств к существованию. В данном случае подсудимый обвиняется в том, что претендует на пенсию, в то время как он сравнительно хорошо обеспечен [144].

Против Эратосфена (Or. xii.), 403 г. до н. э. - Эта, самая знаменитая из речей Лисия, в некоторой степени уже рассматривалась. [145] Обычно ее относят к речи по обвинению в убийстве, но более вероятным кажется, что она была произнесена по случаю εὔθυνα Эратосфена; ведь амнистия, объявленная после изгнания Тридцати, специально предусматривала, что любой из них, решивший дать отчет о своих действиях, должен получить справедливый суд. [146] Эратосфен и Фидон были единственными, кто воспользовался этой возможностью.

Последняя точка зрения находит некоторую поддержку в том, что только первая часть речи (§§ 1-37) посвящена убийству Полемарха; более длинная часть (§§ 37-100) посвящена более общим вопросам характера Эратосфена и преступлениям Тридцати в целом.

Против Агората (Or. xiii.), 400-398 гг. до н. э. - Агората, доносчика, преследуют за то, что он стал причиной смерти двоюродного брата оратора, Дионисодора. В речи много исторического материала, но обвинитель придерживается только обвинения в убийстве, затрагивая политические вопросы лишь вскользь.

Об убийстве Эратосфена (Or. i.), дата не определена, представляет интерес главным образом как иллюстрация домашней жизни среднего класса в Афинах [147].

Защита против Симона (Or. iii.), после 394 г. до н. э.; и *О нанесении ран с намерением* (Or. iv.), дата не определена, оба являются речами в защиту по обвинению в нанесении ран с

намерением убить (τραύματος ἐκ προνοίας). Обвиняемый в последнем случае, желая доказать, что ранее был в хороших отношениях с прокурором, рассказывает необыкновенную историю коррупции. Прокурор был выдвинут обвиняемым в качестве судьи на Дионисии с условием, что в случае избрания он присудит приз племени последнего. Он оставил письменную записку об этом соглашении; но, к сожалению, его не избрали, и приз достался хору, который либо пел лучше, либо организовал свои коррупционные действия с большим мастерством[148].

Для Каллиаса (Or. v.), дата не определена, это защита, по-видимому, по обвинению в святотатстве. Точное обвинение неизвестно.

О священной оливе (Or. vii.), около 395 г. до н. э., в защиту человека, обвиненного в выкорчевывании пня священной оливы - святотатстве, караемом изгнанием и конфискацией имущества.

Против Алкивиада, I. и II. (Or. xiv. и Or. xv.), около 395 г. до н. э. Первый - по обвинению в дезертирстве, второй - в уклонении от военной службы - два разных аспекта одного и того же преступления. Обвиняемый, сын великого Алкивиада, предположил, что будет служить в кавалерии, хотя имел право быть только гоплитом. Молодой Алкивиад, очевидно, расплачивался за грехи своего отца, которому посвящена половина данного обвинения. По этому поводу мы можем сравнить тему речи Исократа в защиту Алкивиада[149] и речи против него, которая приписывается Андокиду, но, вероятно, является более поздним произведением[150].

Частные речи

Против Феомнеста (Or. x.), 384-383 гг. до н. э., - это речь для обвинения в деле о клевете. Оратор совершенно непропорционально долго разбирает словесные придирки, с помощью которых обвиняемый пытался избежать правосудия. Аргументация изобретательна, но из-за незначительности предмета речь не представляет интереса, разве что для студентов-методистов[151].

Против Диогитона (Or. xxxii.), 400 г. до н. э., - поистине превосходное изложение аргументации против нечестного опекуна. В дополнение к умелому обращению с финансовыми деталями, здесь много драматического мастерства в описании и представлении характера.

О собственности Эратона (Or. xvii.), 397 г. до н. э. - Эта речь возникла в ходе διαδικασία между частным лицом и государством. Оратор предъявляет претензии на имущество Эратона (которое было конфисковано) в счет погашения долга.

Против Панклеона (Or. xxiii.), дата не определена - Панклеон, обвиненный по какому-то неизвестному обвинению и предполагаемый обвинителем как *метох*, заявил, что он платейский гражданин и поэтому не может подчиняться закону, по которому его обвинили. В конце концов он оказывается беглым рабом.

Эти две последние речи почти полностью состоят из повествования.

Поддельные или сомнительные речи

Против Андокида (Or. vi.), 399 г. до н. э. - Обычно считается, что эта речь написана не Лисиасом, и самым серьезным аргументом является то, что автор ее - промах. Как отмечает Джебб, он делает по меньшей мере три пагубных признания, рассчитанных на то, чтобы

серьезно навредить его собственному делу. Однако, возможно, это действительно речь, произнесенная против Андокида. В ней содержатся некоторые утверждения, которые не согласуются с признаниями самого Андокида, но, как мы уже видели, невозможно доказать, что Андокид всегда был правдив. На основании общего согласия с утверждениями Андокида мы можем считать, что она была написана каким-то современным оратором, а не, как иногда утверждают, поздним софистом. Возможно, она действительно была произнесена на суде над Андокидом в 399 году до н.э.

Эротика. - Федр в диалоге Платона, который носит его имя, читает вслух речь Лисия, которую критикует Сократ.

Если бы Платона можно было воспринимать буквально, мы должны были бы поверить, что прочитанное - подлинная работа Лисия; но Платон, если угодно, слишком категоричен в своих попытках создать эту иллюзию, и у большинства читателей, вероятно, останется впечатление, что Платон следует своему обычному обычаю; он пытается придать своим мифам торжественность факта, и то, что у него получается здесь, - это подражание, слишком близкое, чтобы назвать его пародией. Мы можем сравнить платоновское воспроизведение оратории Аспазии в "*Менексене*".

Речь "*К своим спутникам*" (Or. viii.) не может быть обоснованно приписана Лисию, и, более того, она настолько тривиальна, что вряд ли может быть делом рук уважающего себя фальсификатора. Скорее всего, ее следует рассматривать как декламационное упражнение.

Оратор жалуется, что его друзья оклеветали его, утверждая, что он навязал им свою компанию; они продали ему негодную лошадь и обвинили его в том, что он побуждает других клеветать на них. Поэтому он отказывается от их дружбы.

Отрывки из шести утраченных речей сохранились в виде цитат у разных авторов:

Против Кинесия (Athenaeus, xiii. 551 D); *Против Тусука* (Dion., *de Demos.*, ch. xi.); *За Ференика* (Dion., *de Isaeo*, ch. vi.); *Против сыновей Гиппократы* (ibid.); *Против Архевиады* (ibid., ch. x.); *Против Эсхина* (Athenaeus, xiii., 611 E-612 C).[\[152\]](#)

Фрагменты других речей у Суидаса, Гарпократы и других незначительны.

ГЛАВА V ИСАЙ

§ 1

Дионисий не смог найти у авторитетов, с которыми он консультировался, никаких определенных сведений о жизни Исея. Даты его рождения и смерти неизвестны; мы не можем, как замечает Дионисий, сказать, каковы были его политические взгляды, да и были ли они вообще.[\[153\]](#) Мы даже сомневаемся в месте его рождения; одни власти называют его афинянином, другие - халкидянином. Предположение о том, что он мог быть потомком афинянина, поселившегося в Халкисе в качестве *клеруха*, правдоподобно, но не имеет под собой никаких оснований.[\[154\]](#) Вывод из того, что он не принимал участия в общественной жизни, что он, вероятно, был чужеземцем, не оправдан. Тот факт, что, будучи афинянином или нет, он никогда не выступал ни на одном из великих национальных собраний, где

выступали риторы из всех греческих стран, кажется, доказывает, что он не стремился к личному отличию в качестве оратора, а довольствовался тем, что был профессиональным автором речей.

Существует легенда, что молодой Демосфен, впечатленный эффективностью ораторского искусства Исея, побудил последнего жить в его доме и тщательно обучать его всем искусствам судебного оратора; говорят даже, что самая ранняя речь Демосфена, против Афоба, была на самом деле сочинена его учителем. Авторитет этих рассказов весьма незначителен, но влияние Исея на Демосфена все же было значительным, независимо от того, вступали они в личный контакт или нет.

Дионисий сообщает со слов Гермиппа, что Исай "был учеником Исократа и учителем Демосфена и близко соприкасался с лучшими философами"[155].

Нет никаких доказательств того, что он когда-либо был спутником Сократа, поскольку его имя нигде не упоминается у Платона.

Самая ранняя его речь ("*Об имени Дикеогена*") с некоторой вероятностью относится к 390 году до н. э., а самая поздняя ("*Об имени Аполлодора*") - к 353 году до н. э.

Если дата 390 г. до н. э. верна, то период его обучения у Исократа можно с полным основанием отнести к 393-390 гг. до н. э., когда этот оратор начинал свою школу, и, исходя из этого, мы можем поместить рождение Исея приблизительно в 420 г. до н. э. Но хронология полностью опирается на внутренние свидетельства, которые в данном случае неоднозначны; более поздняя дата речи также возможна, и в этом случае самой ранней речью является "*О поместье Аристарха*", 377-371 гг. до н. э. Тогда Исей не должен был родиться раньше 400 г. до н. э. Более определенно датируется последняя сохранившаяся речь около 353 г. до н. э., но у нас нет возможности узнать, долго ли жил оратор после ее написания. Возможно, он провел много лет в отставке. Исократ писал до самой смерти, но у него были большие мысли, которые он хотел выразить; Исей, не интересуясь политикой, возможно, когда он отошел от монотонной работы по написанию речей для других, был рад, что больше не нужно сочинять. Однако приблизительные даты 420-350 гг. до н. э. дают разумную продолжительность такой жизни.

Исай, пожалуй, единственный из ораторов, к которому мы не можем испытывать никакого восторга. Если бы у нас были хоть малейшие сведения из внешних источников о его настоящих чувствах, мы могли бы собрать из его речей некоторые намеки, которые помогли бы нам составить представление о его личности. Нам он известен только по речам, которые он писал для других, и все они, за исключением одного фрагмента, посвящены делам о завещаниях, которые не являются самой интересной областью права. Он не был лично заинтересован ни в одном из этих процессов, если только мы не можем поверить более чем сомнительному утверждению греческого аргумента к четвертой оратории, что он сам выступал в поддержку Хагнона и Хагнотея, будучи их родственником.

Мы можем противопоставить его Антифону, который, как и он, известен нам в основном по речам в одном из судебных процессов по делам об убийстве; но в случае с Антифоном нам повезло, что Фукидид написал короткое, но содержательное описание его жизни, которое формирует контур картины; кроме того, у нас есть тетралогии, которые в некоторой степени помогают заполнить детали. Об Исее как о человеке мы знаем едва ли не меньше, чем о Гомере. У нас сложилось лишь впечатление о его удивительной эффективности в решении вопросов определенного класса - его исчерпывающих знаниях тонкостей завещательного

права и ловкости в применении этих знаний для достижения наилучшей цели; эффективность такого рода восхитительна, но скучна.

Иссей - наш главный авторитет для аттических законов о наследовании.^[156] Эти законы часто были произвольными, и хотя они в некоторой степени упрощались тем, что человек, имевший сыновей, не мог законно завещать им свое имущество, хитросплетения таблиц кровосмешения были настолько сложными, что только от специалиста можно было ожидать полного владения ими. В Афинах не было класса профессиональных юристов; аттические законы в значительной степени составлялись любителями, о чем свидетельствует множество зафиксированных случаев, когда авторы законов привлекались к ответственности за незаконность, *то есть* за принятие законов, противоречащих уже установленным; и как составление законов было делом бессистемной импровизации, так и их толкование часто зависело от настроения присяжных в данный момент. Несомненно, велась какая-то запись вердиктов, но афиняне не очень уважали прецеденты или, во всяком случае, не могли в полной мере использовать их из-за отсутствия профессиональных судей, которые должны были быть экспертами в таких вопросах. Таким образом, перед человеком, подобным Исею, сочетавшим в себе глубокое знание законов и процедур с умением применять свои знания, открывались широкие возможности: он мог по своему усмотрению цитировать закон или прецедент, отступая от его буквы, а если формулировка закона оставляла возможность для двусмысленного толкования, мог переиначить смысл в ту или иную сторону в угоду своему делу.

Отдельная отрасль права, которую Иссей избрал своей специальностью, была важна из-за большого количества дел, связанных с наследством, которые, по-видимому, поступали в афинские суды, и эти дела часто сами по себе были важны из-за религиозной значимости факта наследования. Афинянин желал оставить после себя наследника мужского пола не только для того, чтобы его имущество осталось в семье, но и для того, чтобы у семьи был представитель, который продолжал бы частное поклонение домашним богам и, в частности, должным образом исполнял бы погребальные обряды наследодателя и приносил все положенные жертвы на его могиле. Наследство, таким образом, влекло за собой определенные религиозные обязанности, и человек, у которого не было живого ребенка, обычно обеспечивал непрерывность семейного культа, усыновляя сына при жизни или по завещанию.

Умение Исея разбирать сложные случаи хорошо видно при рассмотрении аргументов любой из оставшихся речей; например, оратория v. ("*О наследстве Дикеогена*") посвящена претензиям племянника некоего человека против его двоюродного брата, который унаследовал третью часть по завещанию, впоследствии оказавшемуся ложным, и в конце концов наследовал все по второму завещанию, которое истцы признали ложным. Необходимо помнить о двух завещаниях и результатах двух предыдущих судебных процессов, а также о довольно сложных взаимоотношениях сторон; однако Исая в значительной степени проясняет ситуацию. Опять же, в Оратории xi. ("*О поместье Хагния*") упоминаются двадцать три члена семьи по имени, и необходимо проследить разветвление семьи через большое количество троюродных братьев и сестер, чья близость кровного родства в некоторых случаях зависит от междоусловных браков первых кузенов. Факты этого дела нелегко проследить даже на бумаге, и, похоже, судьи в этом случае были озадачены тем, чтобы вынести неверный вердикт.

Однако методы оратора удобнее изучать в более простой речи *"О поместье Кирона"* (Or. viii.). Основные обстоятельства дела таковы: у Цирона от первого брака была одна дочь, мать двух претендентов. Цирон женился на второй жене, сестре Диодоса. Сын брата Цирона, подстрекаемый Диодесом, подал встречный иск на том основании, что (1) дочь Цирона была незаконнорожденной и, следовательно, ее сыновья были незаконнорожденными; (2) сын брата в любом случае имеет больше прав, чем сын дочери. Оратор, старший из претендентов, сначала доказывает законность своей матери, доказывая, что Цирон всегда относился к ней как к своей дочери и дважды давал ей приданое, а ее сыновей считал своими естественными наследниками.

Наш дед Цирон умер, не оставив наследства, но оставив наследниками моего брата и меня, сыновей своей законной дочери; но истцы требуют наследства, полагая, что они ближайшие родственники, и оскорбляют нас, утверждая, что мы не сыновья дочери Цирона, и что у него вообще никогда не было дочери. Это объясняется жадностью претендентов и огромным количеством имущества Цирона, которым они завладели и теперь распоряжаются. У них хватает наглости утверждать, что он ничего не оставил, и в то же время претендовать на наследство.

По моему мнению, вы должны судить не того, кто предъявил претензии, а Диокла Флийского, известного как Орест, который подстрекал его досаждать нам, пытаясь утаить имущество, оставленное Цираном после его смерти, и поставить под угрозу наши интересы, чтобы ему не пришлось расстаться ни с чем из этого, если вы будете введены в заблуждение утверждениями претендента. Поскольку они действуют в этих целях, будет правильно, если вас проинформируют обо всех фактах, чтобы ни одна деталь не ускользнула от вас и чтобы вы имели полное представление обо всем, что произошло, прежде чем вынесете свой вердикт. Поэтому я прошу вас руководствоваться интересами правосудия, рассматривая это дело так же серьезно, как вы рассматривали любое другое дело до этого. Это справедливо. Вспомните многочисленные дела, которые рассматривались вами, и вы увидите, что ни один из истцов никогда не предъявлял более бесстыдных и наглых претензий на не принадлежащую ему собственность, чем эти двое.

Теперь, господа, это трудная задача для совершенно неопытного в судопроизводстве человека - выстоять в столь важном процессе против согласованных выступлений и свидетелей, дающих ложные показания; но у меня есть уверенная надежда, что я добьюсь от вас справедливости и что моя собственная речь будет удовлетворительной, по крайней мере, с точки зрения изложения справедливого дела, если только мне не помешают какие-либо препятствия такого рода, которые я предвижу. Поэтому я настоятельно прошу вас, господа, вежливо выслушать меня и, если вы считаете, что меня обидели, поддержать справедливость моих требований.

Во-первых, я должен убедить вас, что моя мать была законной дочерью Цирона. Если речь идет о событиях давно минувших, я буду опираться на сообщения и свидетельства, если же речь идет о событиях, которые мы помним, я приведу свидетелей, которым известны факты, а также доказательства, которые сильнее показаний; и когда я изложу все это перед вами, я докажу, что у меня больше прав, чем у претендента, на наследование имущества Цирона.

Я начну с того места, с которого начали мои оппоненты, и с этого момента буду знакомить вас с фактами.

Мой дед Цирон, господа, женился на моей бабушке, которая приходилась ему двоюродной сестрой, будучи дочерью сестры его родной матери. После свадьбы она в свое время родила мою мать, а через четыре года умерла.

Имея только одну дочь, мой дед женился на своей второй жене, сестре Диодеса, которая родила ему двух сыновей. Он воспитывал мою мать в доме вместе со своей женой и детьми, а при жизни последней, когда его дочь достигла брачного возраста, отдал ее в жены Наусимену из Холарге, дав ей в приданое одежду и золотые украшения, а также двадцать пять минаев. Через три или четыре года после этого Наусименес заболел и умер, так и не дождавшись от моей матери детей. Мой дед взял ее к себе, но из-за расстройств дел ее мужа не смог вернуть все приданое, которое отдал за ней; тогда он женил ее во второй раз на моем отце с приданым в 1000 драхм.

Как можно доказать мои слова перед лицом обвинений, выдвинутых истцами? Я искал и нашел способ.

Домашние рабы Цирона, мужчины и женщины, должны знать, была ли моя мать его дочерью или нет; жила ли она в его доме; давал ли он или нет два раза пиры в честь ее замужества; какое приданое получил каждый из ее мужей. Желая допросить их под пыткой, чтобы подкрепить доказательства, уже имеющиеся в моих руках, и чтобы вы больше доверяли их показаниям, когда они подвергнутся допросу, чем если бы они только ожидали его, я попросил истцов выдать своих рабов обоего пола для допроса по вышеуказанным пунктам и по всем другим, о которых им известно. Но этот человек, который вскоре попросит вас поверить его собственным свидетелям, уклонился от такого допроса. Но если я смогу доказать, что он отказался, как мы можем избежать предположения, что его свидетели теперь дают ложные показания, раз он уклонился от столь серьезного испытания?

Чтобы доказать истинность моего утверждения, возьмите сначала это показание и прочтите его[157].

[Показания.]

Вы придерживаетесь мнения, как личного, так и официального, что пытка является самым надежным испытанием; и всякий раз, когда рабы и свободные выступают в качестве свидетелей и вам необходимо установить факты, вы не полагаетесь на показания свободных, а пытаете рабов и таким образом пытаетесь установить истину. Вы правы в своем предпочтении; ведь вы знаете, что если некоторых свидетелей подозревали в даче ложных показаний, то ни один раб никогда не был уличен в даче ложных показаний в результате пыток, которым они подвергались[158].

Кто может знать ранние факты? Очевидно, те, кто был знаком с моим дедом, и они рассказали нам то, что слышали. Кто должен знать о браке моей матери? Стороны брачного контракта и их свидетели". На этот счет дали показания родственники Наусимена и моего отца. А кто знал, что моя мать воспитывалась в доме Цирона и была его законной дочерью? Нынешние претенденты дают ясное доказательство того, что это так, своими действиями отказавшись от пыток. Конечно, с вашей стороны было бы неразумно дискредитировать моих свидетелей, в то время как вы не можете не верить свидетелям другой стороны.

Кроме них, мы можем привести и другие доказательства, по которым вы поймете, что мы сыновья дочери Цирона. Он относился к нам так, как, естественно, относился бы к сыновьям своей дочери; он никогда не проводил жертвоприношения без нашего присутствия, но каким бы ни было жертвоприношение - малым или большим, - мы всегда присутствовали и участвовали в нем. Он не только звал нас на такие мероприятия, но и всегда брал с собой на сельские Дионисии, и мы смотрели представление вместе с ним, сидя рядом; и мы приходили к нему в дом на каждый праздник. А когда он приносил жертву Зевсу Ктесию - жертву, которой он придавал огромное значение, никогда не допуская к участию ни рабов,

ни даже свободных людей вне семьи, но делая все сам, - мы участвовали в жертвоприношении; мы помогали ему обращаться с приношениями, класть их на алтарь, мы помогали ему во всем, и, как наш дед, он молил бога дать нам здоровье и богатство. Но если бы он не считал нас сыновьями своей дочери и не видел в нас единственных оставшихся у него потомков, он никогда бы не сделал ничего подобного, а держал бы рядом с собой этого человека, который теперь называет себя его племянником. Истину этого лучше всего знают слуги моего деда, которых истец отказался выдать под пытками; но достаточно точно ее знают и некоторые друзья моего деда, чьи свидетельства я приведу" (§§ 14-17).

Оратор продолжает, что он и его брат были зачислены Цироном во *фратрии* и получили разрешение на проведение похорон от Диокла, который таким образом молчаливо признал их притязания.

Далее он доказывает с помощью юридических аргументов, что прямые потомки имеют больше прав, чем боковые. В эпилоге он рассказывает об имуществе и махинациях Диокла, на чей личный характер он нападает, а в конце приводит доказательства того, что Диокл был уличен в прелюбодеянии.

§ 2. Литературные особенности

Иссей учился у Исократа, и поэтому разумно следовать хронологическому порядку и взять мастера первым; но поскольку мастер пережил ученика на несколько лет и активно занимался литературой до самой своей смерти, обычные соображения старшинства в данном случае неприменимы. Более удовлетворительно изучать Исея в связи не с Исократом, а с более ранними авторами речей, Антифоном и Лисием. Он более тесно связан с ними по тематике, поскольку, как и они, в основном практический писатель, и его деловой стиль имеет больше сходства с краткой конденсированной речью Лисия, чем с витиеватой "эпидейктической" дикцией автора "*Панегирика*".

В языке между Лисиасом и Исеем не так уж много различий: оба используют актуальную лексику, делая из популярной речи своего времени литературную среду. Поиск в речах последнего вновь обнаруживает некоторое количество слов, которые, насколько нам известно, имеют поэтический оттенок; но практически все они встречаются и у других ораторов и прозаиков[159].

Опять же, есть несколько примечательных метафор, таких как ἑκκκότηειν, "выбивать" или "стучать по голове" - это снова используется у Динарха, и καθίππποτροφεῖν, "гонять свои деньги", то есть тратить их на конюшню. Мы мало знаем об идиомах языка, на котором говорили на улицах Афин в IV веке, но нам известно, что народная речь всегда была склонна к использованию грубых метафор, и там, где мы соприкасаемся с устной речью, мы ожидаем найти выражения такого рода.[160] Изучение частных писем, содержащихся в папирусах Оксирина, даст множество примеров на этот счет.[161] Наконец, несколько слов напомним о языке комедии.[162]

Мы можем легко поверить, что, допуская эти несколько изъянов в чистоте своего аттического стиля, оратор предавался реализму, следы которого мы, как правило, находим в литературной прозе[163].

Его грамматика, в соответствии со строгими аттическими правилами, иногда нарушается,[164] а в средневековых источниках встречается некоторое количество словоформ, которые считаются неаттическими[165].

Должны ли мы изменить эти отрывки в соответствии с предполагаемым стандартом или сделать стандарт более либеральным, чтобы допустить такие отрывки, - это вопрос для спора. В MSS Фукидида можно найти множество гениальных извращений в области грамматики, и в этом случае, хотя многие критики потратили всю свою изобретательность на приведение текста к порядку и приличию, противоположная школа критиков утверждает, что историк мог писать так, как ему нравилось. Величайшие художники стоят выше законов своего искусства, и Исая мог снизойти до уровня, который, как он знал, не был самым высоким.

Что касается чистоты языка, то Исая, хотя и превзошел Лисия и Исократа, не сильно от них отстает. Он находится на одном уровне с Лисиасом и в ясности и точности мысли, и в том, что Дионисий называет ἐνάρτυεῖα, живостью изложения. Но в структуре предложений следует отметить некоторые различия между ними. Лисий, как уже говорилось, значительно варьировал свою структуру в зависимости от тематики своих речей, чередование периодов нарушалось введением более свободного стиля; но в то же время ему была присуща любовь к антитезам, которой иногда приходилось жертвовать.

Исая свободен от этого стремления к антитезам и почти не связан схоластическими правилами. Нельзя сказать, что его стиль неперiodичен, так как формальные периоды встречаются; но характерной чертой его стиля является умение использовать короткие предложения, часто резкие, почти всегда энергичные. Особенно в аргументативных отрывках он использует форму вообразяемого вопроса и ответа; в повествовании он иногда дает нам серию коротких предложений, связанных мыслью, но формально не скрепленных. Создается впечатление, что он сочиняет небрежно, но по его эффективности мы делаем вывод, что небрежность была изучена. Следующие отрывки иллюстрируют эти стили:

"Эвполис, Фрасилий и Мнесон были братьями от одних и тех же родителей. Отец оставил им значительное имущество, так что они могли участвовать в общественных работах. Это имущество они разделили между собой. Из этих братьев двое умерли примерно в одно и то же время" и т. д.[166]

Речь о наследстве Цирона содержит лучший пример аргументации в форме вопросов и ответов:

"На каком основании следует верить тому или иному утверждению? Не следует ли сказать: на основании доказательств? Думаю, да. А на каком основании мы должны верить свидетелям? На основании того, что их пытали? Естественно. А на каком основании мы должны не верить показаниям истцов? Потому что они уклоняются от этого испытания? Безусловно"[167].

Третья цитата дает хороший пример чисто декоративного использования риторического вопроса; она ценна тем, что показывает нам, что Иссей иногда был способен на более легкие прикосновения. Как правило, он настолько холодно логичен, что мы с облегчением обращаемся к любому проявлению обычного чувства:

Кто из них не остриг волосы, когда пришли два таланта? Кто не надел черное, надеясь, что траур даст ему право на наследство? Или сколько родственников и сыновей претендовали на имущество Никострата по дарственной? Демосфен заявил, что он его племянник, но когда нынешние претенденты опровергли его заявление, он отошел от дел. Телеф заявил, что Никострат подарил ему все свое имущество. Он тоже вскоре перестал быть претендентом. Амейниад предстал перед архонтом и выдал сына за Никострата - ребенку было меньше трех

лет, хотя Никострат не был в Афинах уже одиннадцать лет. Пирр из Ламптры сказал, что деньги были посвящены Никостратом Афине, но отданы Никостратом самому себе. Ктесий из Бесеи и Кранай сначала заявили, что в их пользу был вынесен приговор против Никострата за талант, а когда они не смогли доказать это, утверждали, что он их вольноотпущенник. Они, как и остальные, не смогли подтвердить свои слова.

Именно эти люди в первую очередь набросились на имущество Никострата. В то время Хариадес не предъявлял никаких претензий"[168].

Дионисий, очень тонкий критик с литературной стороны, не замечает в Исее изящества и очарования Лисия, но признает за ним большую сообразительность[169].

Этот "шарм", по которому Дионисий мог отличить подлинную речь Лисия, не поддается определению и слишком неуловим для нашего тупого ума; но мы можем составить общее впечатление, что в дикции Лисия есть нечто более приятное, чем в речи Исея. Возможно, есть что-то в иллюстрации, которую применяет древний критик, сравнивая речи первого с четко нарисованной картиной простого цвета и дизайна; речи второго - с более сложной и изобретательной композицией, где больше игры света и тени, а глубина и блеск красок в некоторых случаях заслоняют линии - с предположением, что рисунок может быть ошибочным.[170] Это уподобление, однако, более точно относится к структуре речей, чем к дикции. Дионисий возвращается к стилю[171] и приводит параллельные отрывки из вступлений к речам двух писателей, чтобы продемонстрировать простоту Лисия и искусственность Исея. Демонстрация не слишком убедительна. Первый пример из Лисия действительно прост и понятен, но отрывок из Исея, хотя язык немного более замысловатый, кажется одинаково подходящим для своей цели.

Лисий писал следующее:

"Я чувствую, господа, что должен рассказать вам о своей дружбе с Фреником, чтобы никто из вас не удивлялся, что я, который никогда прежде не выступал ни за кого другого, теперь выступаю за него. У меня был друг в его отце Цефисодоте, и когда нашу партию сослали в Фивы, я остался с ним, как и все другие афиняне, которые пожелали.

Он оказал нам много добрых услуг, как официальных, так и частных, прежде чем мы были возвращены в свои дома. Поэтому, когда его семью постигло то же несчастье и она приехала в изгнание в Афины, я почувствовал, что обязан им величайшей благодарностью, и принял их так интимно, что никто, пришедший в дом и не знавший его, не мог сказать, кто из нас был его хозяином. Теперь Френикус знает, что есть много ораторов умнее меня, и у них больше опыта в таких делах; но он думает, что может полностью положиться на мою дружбу. Поэтому я должен считать позором, когда он просит меня и убеждает поддержать его притязания, позволить ему потерять дар Андроклида, если я могу сделать хоть что-нибудь, чтобы предотвратить это"[172].

Далее следует параллельная выдержка из Исея:

"До сих пор я служил Эвмату, как он того и заслуживал; а теперь, насколько это в моих силах, я постараюсь помочь тебе спасти его. Выслушайте меня, чтобы никто из вас не подумал, что я по безрассудству или по каким-то другим несправедливым мотивам подошел к делу Евматеса.

Когда я был триерархом в архонстве Кефисодора и до моих родственников дошел слух, что я погиб в морском бою, а у меня были деньги, вложенные в Евматеса, Евматес послал за моим

родственником и друзьями, объявил сумму денег, которая была в его руках, и справедливо и честно произвел полную оплату.

Вследствие этого я, вернувшись домой в целости и сохранности, стал относиться к нему как к еще более близкому другу, а когда он начал заниматься банковским делом, я снабдил его деньгами. После этого, когда Дионисий потребовал его в качестве раба, я отстоял его свободу, зная, что Эпиген перед судом освободил его от рабства. Но больше я ничего не скажу на эту тему"[173].

Дионисий критикует их:

"В чем разница между этими проэмиями? У Лисия введение темы приятно уже по одной этой причине, что она излагается естественно и просто.

"Я чувствую, господа, что должен начать с рассказа о моей дружбе с Фереником".

В том, что следует далее, нет ни малейшего намека на преднамеренность, все сказано так, как это мог бы выразить любитель:

"чтобы никто из вас не удивлялся, что я, который никогда прежде не выступал ни за кого другого, теперь выступаю за него". Но у Исея то, что кажется таким простым, на самом деле преднамеренно, и мы сразу видим, что это риторика: "До сих пор я служил Эвматесу, как он того и заслуживал; а теперь, насколько это в моих силах, я постараюсь помочь тебе спасти его". Эта фраза более возвышенна и менее проста, чем другая; еще более это относится к следующему предложению: "Теперь послушайте меня немного, чтобы никто из вас не подумал, что я по безрассудству или по каким-то другим несправедливым мотивам подошел к делу Евматеса".

Дионисий находит, что употребленные здесь выражения: *προπέτεια, ἀδικία, πρὸς τὰ Εὐμαθοῦς πράγματα προσηλθὼν*, звучат для него скорее искусственно, чем спонтанно. В этом он, возможно, прав; но мы чувствуем его гиперкритичность, когда он обвиняет следующее предложение в недостатке простоты и пытается с помощью нескольких словесных изменений показать, как его можно было бы улучшить. Он переписал бы предложение так: "Когда я был триерархом, и дома стало известно, что меня убили, Эвмат, имея на депозите некоторые мои деньги" и т. д. Здесь ему, конечно, удалось один раз опустить имя Эвмат, которое дважды встречается у Исея; но остальные изменения заключаются исключительно в замене двух временных клаузул, вводимых *ὅτε* (когда), на две причастные клаузулы в абсолютном генитиве - конструкция, которая, несомненно, достаточно распространена у всех греческих писателей, чтобы избежать порицания за "риторику".

§ 3. Структура речей

Исключительная сила Исея, таким образом, не зависит от очарования языка или ораторского дара; она заключается в его исчерпывающих юридических знаниях и замечательном мастерстве аргументации. Он обладает почти уникальным даром косвенного изложения и доказательства фактов, относящихся к его делу. Это и есть та сообразительность (*δελνότης*), на которую Дионисий так часто ссылается с неодобрительным восхищением.

Его речи не выстроены по единому плану, а, напротив, демонстрируют большое разнообразие структуры. Лисий практически придерживается одной формы - зачин, повествование, доказательство, эпилог. Исай, когда повествование слишком длинное или сложное, чтобы его можно было понять сразу, не излагает его целиком, а разбивает на части, каждая из которых сопровождается доказательствами и аргументами.^[174] "Оратор боится, - считает Дионисий, - что за аргументацией будет трудно уследить из-за количества ее частей, и что доказательства различных пунктов, если их собрать вместе, а их должно быть так много, поскольку речь идет о столь многочисленных вопросах, могут повредить ясности". Критик ссылается, в частности, на речь к *Евфилету* (Or. xii.), большой фрагмент которой сохранили для нас его цитаты; но анализ любой из сохранившихся речей покажет, что они построены умело по разным планам, не ограничены техническими правилами, с искусством, которое приспособливает свой материал в соответствии с требованиями случая. Это мастерство, нацеленное скорее на успех, чем на литературную законченность, показывает, что Исай был прежде всего компетентным тактиком - таким мастером аргументации, что "если мы должны быть готовы поверить Лисию, даже когда он говорит ложь, то вряд ли мы можем относиться к Исею без подозрений, даже когда он говорит правду"^[175].

Дионисия, несомненно, завело довольно далеко желание контраста; он дал Исаю дурное имя и ищет средства оправдать свое осуждение человека, который "использует подлое преимущество своего противника и переигрывает судей"^[176].

Этот грек позднеэллинистической эпохи хорошо усвоил афинский дух, требовавший художественного изложения и в то же время подозрительно относившийся к слишком явно умным людям, - дух, против которого, как мы видим, выступает Антифон, самый ранний из ораторов, когда он заставляет своих героев протестовать против собственной неопытности и намекает, что их противники кажутся сильными только потому, что они обладают тем же порочащим умением заставить худшее дело казаться лучшим^[177].

Иссей иногда повторяет свои аргументы; он даже дважды цитирует один и тот же документ. Это нехудожественный прием, но он приносит свои плоды. Заметным отличием от предшественников является форма некоторых его эпилогов. Ранние ораторы обычно довольствовались тем, что, изложив суть дела, заканчивали его общим призывом к справедливости или жалости. Иссей иногда использует заключительные части более практично: он пересказывает суть дела, указывая, что доказал то, что хотел доказать,^[178] или дает краткое резюме изложения, которое он считает установленным, или претензий, выдвинутых им самим и его оппонентом. В одной речи^[179] он уже дошел до конца и подвел итоги, когда последние слова удивляют нас неожиданной атакой на характер его противника:

"Я не знаю, есть ли необходимость говорить больше, поскольку я думаю, что нет такого пункта, по которому вы не имели бы полного знания; но я попрошу секретаря взять последнее оставшееся показание, показывающее, как истец был осужден за прелюбодеяние, и зачитать его суду".

Некоторые из ранних ораторов делали попытки нарисовать характер и пытались приспособить свои речи к характеру (ἦθος) своих клиентов. У Исея эта иллюзия не сохраняется; его стиль несколько меняется в зависимости от темы, но каждая речь несет на себе, как замечает Дионисий, печать профессионального писателя, что должно было выдать ее острому восприятию афинского жюри.^[180] Вероятно, накопленный опыт ораторов доказал, что подобные попытки обмана в целом бесполезны; для определенного класса клиентов нужно было либо написать плохую речь, либо дать понять, что оратор - лишь рупор

для более умного, чем он сам, адвоката, а поскольку успех дела был важнее художественной иллюзии, правильный выбор был очевиден. *Этос* в "Исее" состоит не в том, чтобы заставить персонажей говорить так, как они, естественно, говорили бы, а в том, чтобы изложить их аргументы так, чтобы они скорее всего вызвали к разуму и чувствам судей. Опыт показал, что, хотя из уст настоящего оратора обращение к чувствам и страстям может иметь большой эффект, сами по себе такие обращения, не подкрепленные аргументами или сделанные в неподходящий момент, могут принести больше вреда, чем пользы. Апелляция к разуму всегда сильнее, только при условии, что оратор должен избегать оскорбления слишком самонадеянной позицией.

Когда суд уже убежден аргументированной демонстрацией справедливости дела, обращение к жалости или негодованию может оказаться непреодолимым; без такой подготовки это не что иное, как последнее средство слабости.

Исай, хотя и использует такие призывы, как, впрочем, и любое другое оружие ораторского арсенала, применяет их умеренно и осмотрительно, демонстрируя в этом, как и во всей своей тактике, глубокое знание практической пользы.

§ 4. Речи

В "Жизни" Псевдо-Плутарха говорится, что Исею приписывают шестьдесят четыре речи, из которых пятьдесят считаются подлинными. Он также написал *"Искусство риторики"*. Сейчас мы располагаем одиннадцатью и значительным фрагментом двенадцатой, а также знаем названия сорока двух других. Все одиннадцать сохранившихся речей прямо или косвенно касаются наследства. Шесть из них связаны с διαδικασίαι - судебными процессами, на которых решалось, кто является праведным претендентом, и их названия таковы: *"Об имении Клеонима"* (Or. i.), дата 360-353 гг. до н. э.; *"Об имении Никострата"* (Or. iv.), дата неясна - автор "аргумента" утверждает, без всякого правдоподобия, что Иссей произнес речь от своего лица; *"Об имении Аполлодора"* (Or. vii.), около 353 г. до н. э.; *"О поместье Кирона"* (Or. viii.) (см. выше, с. 108-10), дата не определена, возможно, около 375 г. до н. э.; *"О поместье Астифила"* (Or. ix.), дата, возможно, около 369 г. до н. э.; *"О поместье Аристарха"*, дата, вероятно, между 377 и 371 гг. до н. э.

Три речи посвящены преследованиям за ложное свидетельство в связи с завещательными делами: *"О поместье Менеклея"* (Or. ii.), дата около 354 г. до н. э.; *"О поместье Пирра"* (Or. iii.), дата неопределенная; *"О поместье Филоктемона"* (Or. vi.), - дата этой речи может быть с уверенностью установлена в 364-363 гг. до н. э., поскольку из § 14 мы узнаем, что прошло уже пятьдесят два года с тех пор, как афинская экспедиция отплыла в Сицилию.

Орация v. *"Об имуществе Дикеогена"* - это ἐγγύης δίκη, иск о принуждении Леохара, который был поручителем Дикеогена в договоре, связанном с завещанием двоюродного брата последнего, также по имени Дикеоген, к исполнению договора, поскольку Дикеоген, доверитель, является неплательщиком. Дату можно определить только по упоминаниям о смерти завещателя, который был убит в битве при Книдосе. Есть два соглашения, на которые можно сослаться: первое - в 412 г. до н. э., второе - в 394 г. до н. э. Между этим событием и настоящим процессом прошло 22 года, так что дата - либо 390 г. до н. э. - на много лет раньше, чем в любой другой речи Исея, - либо 372 г. до н. э.

В *"О поместье Хагния"* (Or. xi.) речь идет о судебном преследовании опекуна за жестокое обращение со своим подопечным по завещанию.

Речь *Евфилета* (Or. xii.), значительный фрагмент которой сохранился у Дионисия, является единственным образцом речи, не связанной с делом о завещании. В нем речь идет об обжаловании Евфилетом в суде решения своих товарищей по делу, которые вычеркнули его из списка.

Остальные фрагменты вряд ли важны, за исключением того, что они позволяют узнать названия нескольких утраченных речей. Один из них (фрагмент 23) содержит несколько предложений, дословно повторенных из Or. viii. (*Ciron*), § 28.

Фрагмент речи к *Евмату*, сохраненный Дионисием, упоминался выше (с. 118).

ГЛАВА VI ИСОКРАТ

§ 1. Жизнь

Исократ родился в 436 году до н. э. и дожил до замечательного возраста девяноста семи лет, полностью владея своими способностями. Его детство и юность прошли среди ужасов Пелопоннесской войны; он был уже в возрасте, когда неудача сицилийской экспедиции перевесила чашу весов в пользу Афин. В зрелом возрасте он видел гибель своего города в результате капитуляции перед Лисандром. Он пережил спартанское господство, видел основание новой Афинской лиги в 378 году до н. э., а также взлет и падение власти Фив. Когда Филипп занял македонский трон, он был уже, по обычным подсчетам, стариком, но в случае с этим афинянином Нестором законы смертности были приостановлены. Некоторые из его важнейших произведений были написаны после восьмидесяти лет; "*Филиппы*", которые он написал в возрасте девяноста лет, не свидетельствуют об ослаблении его сил; одно из самых длинных своих произведений, "*Панафинеи*", он создал на девяносто седьмом году жизни и дожил до того, чтобы поздравить Филиппа с победой при Херонее в 338 году до нашей эры.

В жизни такого масштаба и такого замечательного разнообразия опыта мы должны были бы ожидать многих изменений в мировоззрении и модификаций, время от времени, прежних взглядов. Но Исократ был человеком необычайно твердых идей. В отношении образования он сформулировал в "*Рассуждении против софистов*" (391 г. до н. э.) взгляды, которые практически идентичны тем, что он выразил почти сорок лет спустя в "*Антидосисе*", взгляды, которые он сохраняет в своей последней работе - "*Панафинеях*" (339 г. до н. э.). Что касается греческой политики, то до конца жизни он придерживался взглядов, изложенных в "*Панегирике*" 380 года до н. э. Его цели оставались неизменными, хотя по необходимости он изменил средства, с помощью которых надеялся их осуществить.

У нас мало информации о ранней жизни оратора. Он сам рассказывает, что его состояние было растрчено в результате Пелопоннесской войны,^[181] и он был вынужден заняться ремеслом, чтобы заработать на жизнь.

История, содержащаяся в "*Жизни*", о том, что он пытался спасти Ферамена, когда тот был осужден Тридцатью, не имеет другого авторитета, кроме Псевдо-Плутарха. Из "*Федра*" Платона^[182] следует, что он был близок с Сократом, что Сократ был о нем высокого мнения и считал, что молодой человек может отличиться либо в ораторском искусстве, либо в

философии. Среди его ранних учителей традиция называет софистов Продика, Протагора и Горгия. Считается, что он навещал Горгия в Фессалии.

Плутарх утверждает, что Исократ в свое время открыл на Хиосе школу риторики с девятью учениками, и что, находясь там, он вмешался в политику и помог установить демократию.^[183] Эту историю можно принять с оговорками. Сам Исократ никогда не ссылается на , а в *Ер. vi. § 2* (к детям Ясона) оправдывается тем, что не хотел посещать Фессалию, так как люди неблагоприятно отнесутся к человеку, который всю жизнь "молчал", если он начнет путешествовать в преклонном возрасте.^[184] Джебб предполагает короткое пребывание на Хиосе в 404-403 гг. до н.э.

Между 403 и 393 гг. до н. э. Исократ написал некоторое количество речей для судов, в которых, однако, он никогда не выступал в качестве адвоката, поскольку природные недостатки - отсутствие голоса и нервозность, о которых он с сожалением упоминает, - делали его непригодным для такой работы.

Около 392 года до н. э. он открыл школу в Афинах, а в 391 году до н. э. опубликовал в сочинении *"Против софистов"* свои взгляды на образование. Его учениками были в основном афиняне, многие из них впоследствии стали выдающимися людьми^[185].

Вероятно, в 378-376 гг. до н. э. Исократ отправился в несколько путешествий с сыном Конона, Тимофеем, который занимался организацией новой морской лиги. С этого времени и до 351 года до н. э. у него было много выдающихся учеников из дальних стран - Сицилии и Понта, а также из всех частей Греции - и, как он рассказывает, он накопил разумную компетенцию, хотя и не большое состояние.

В 351 году до н. э., когда Артемисия, вдова Мавсола Карийского, устроила в честь своего мужа большой конкурс красноречия, сообщается, что все участники конкурса были учениками Исократа.

В последний период своей жизни, 351-338 гг. до н. э., Исократ все еще продолжал преподавать, а также активно занимался писательством. В 346 году до н. э. он опубликовал *"Филиппы"*, которые являются одним из его самых важных произведений и одним из самых больших по историческому интересу; в 342 году до н. э. он начал объемный *"Панафинея"*, который он наполовину закончил, когда на него напала болезнь, из-за которой работа затянулась на три года. Она была закончена в 339 году до н. э. В следующем году, через несколько дней после битвы при Херонее, он умер. В античности ходили слухи, что он покончил с собой, уморив себя голодом, из-за известия о падении греческой свободы; эта история совершенно невероятна, если учесть, что результат битвы дал возможность осуществить надежды, которые Исократ лелеял полжизни, и конец, к которому он стремился более сорока лет, - сосредоточение всей власти в руках одного человека, который мог бы искупить Грецию, дав ей союз и поведя ее к завоеваниям на Востоке.

Его последнее письмо, написанное после битвы при Херонее, поздравляет Филиппа с победой; и даже если это письмо поддельное, то, судя по тону его ранних работ, можно предположить, что он приветствовал бы македонский успех как победу своих имперских идей.

§ 2. Стиль

Хотя в молодости Исократ написал несколько судебных речей, судить о нем следует не по ним; более того, сам он, отнюдь не ставя себе в заслугу свою деятельность в этом направлении, в более поздней жизни принял апологетический тон, когда говорил о своих

ранних работах. Как преподаватель риторики он снискал большую славу, насчитывая, по его словам, среди своих учеников даже королей; он в совершенстве владел всеми приемами риторического искусства.

Он также был мастером стиля, у него были теории композиции, которые он демонстрировал на практике с таким мастерством, что он должен занимать видное место в любом трактате о развитии греческой прозы.

Но больше всего он заслуживает внимания как политический мыслитель. Его смелые и поразительные теории греческой политики действительно были выражены в законченной прозе и в риторической форме; но художественная форма - лишь дополнительное украшение; если бы Исократ писал в самом белом стиле, он должен был бы сделать себе имя своими трактатами по политической науке и тем, что он придерживался более широкого и либерального взгляда на эллинизм, чем любой афинянин до или после него. Таким образом, он, который, возможно, никогда не произносил публичных речей, имеет большее значение, чем любой из других ораторов; и хотя он не был политиком в узком смысле слова, он оказал более широкое влияние, чем любой, не считая Демосфена, кто посвятил свою жизнь политической деятельности, поскольку он зародил и распространил идеи, которые полностью изменили ход греческой цивилизации. Возможно, именно он первым подстрекнул Филиппа к попытке завоевания Азии, как до этого призывал к этому Дионисия и других - все ради объединения греческих государств и распространения эллинизма; несомненно, он поощрял Македонского в его проекте, и, возможно, именно благодаря ему после смерти Филиппа Александр нашел подготовленный путь.

Исократ не мог полностью предвидеть результаты завоеваний Александра; сам Александр изменял и расширял свои амбиции по мере продвижения вперед; но, несомненно, Исократ убеждал в общей желательности затеи и ясно видел, до определенного момента, линии, по которым она должна быть осуществлена. Мелкие судебные тяжбы, занимавшие Лисия и Андокида, кажутся мелочными и неважными, даже патристические изречения Демосфена имеют второстепенное значение по сравнению с этими литературными проповедями Исократа, в которых цивилизация и варварство, единство и раздор являются сторонами, а суд - это весь мир.

Дионисий называет Исократу примером гладкого (или витиеватого) стиля композиции, напоминающего тесно переплетенные ткани или картины, в которых свет незаметно переходит в тень[186].

Очевидно, что сознательно стремиться к подобным эффектам - значит возносить простую экспрессию на высочайшую высоту и рисковать потерей ясности и акцента. Мнения Исократу о структуре прозы мы можем почерпнуть частично из его собственных высказываний, частично из критики Дионисия, а частично из изучения его сочинений. Эта тема была очень полно и тщательно рассмотрена Блассом, и в настоящей работе можно попытаться лишь кратко изложить основные результаты.

Наиболее заметной чертой стиля является стремление избежать hiatus. Это особенно отмечает Дионисий, который, процитировав из *"Ареопагитик"* длинный отрывок, которым он особенно восхищается, замечает: "Нельзя найти никакого диссонанса гласных, во всяком случае, в отрывке, который я процитировал, да и во всей речи, я думаю, тоже, если только какой-нибудь случай не ускользнул от моего внимания"[187].

Следует ожидать, что для достижения такого эффекта необходимо было часто отступать от естественных форм выражения, либо изменяя обычный порядок, либо вставляя лишние слова. Вероятно, Исократ прибегал к обоим этим приемам; но он так искусно обращается со своими материалами, что для обнаружения искажений требуется внимательное чтение[188].

Дионисий далее отмечает, что диссонанс или столкновение согласных встречается редко, и здесь Исократ, похоже, старался следовать правилам эвфонии, изложенным в его собственной Τέχνη. Во фрагменте, сохраненном Гермогеном, он советует своим читателям избегать повторения одного и того же слога в последовательных словах - как ἡλικὰ καλὰ, ἐνθα Θαλῆς.[189] Изобретательность Бласса обнаружила отрывки, в которых естественная форма фразы была изменена, чтобы избежать такого соединения одинаковых слогов.[190] Определенные сочетания согласных также трудно произносить, и поэтому их следует избегать. По правде говоря, в замечании Дионисия о том, что при чтении Исократа нужно учитывать не отдельные слова, а предложение в целом, есть большая справедливость.

Третья особенность стиля Исократа - внимание к ритму.

Экстравагантность Горгия препятствовала развитию языка, привнося в прозу ритмы и язык поэзии; Фрасимах, , как мы знаем из "Риторики" Аристотеля, изучал влияние стопы "раеонии" (-???) или (????-) в начале и конце периодов.[191] Исократ, отвергая использование поэтических метров в любом строгом смысле, утверждал, что ораторская проза должна иметь свой собственный ритм, и отдавал предпочтение сочетаниям трохея и ямба. В этом он расходился с Аристотелем, который не одобрял ямбический ритм как слишком похожий на естественный ход обычной речи, а трохеический - как слишком легкий и спотыкающийся, в отличие от гексаметра, который он считал слишком торжественным для разговорной речи[192].

Периоды Исократа отличаются своей проработанностью. Анализ Бласса показывает нам усложнение структуры некоторых длинных предложений, которое можно почти сравнить с пиндарической одой. Никогда, пожалуй, не было писателя, достигшего такой пышной сложности в построении предложений. Но Исократ - слишком большой раб своих собственных достоинств; его периоды настолько длинны, настолько закончены, настолько единообразно художественны, что их вечное шествие становится монотонным. Лисий, менее совершенный по форме, имеет, следовательно, больше разнообразия; Демосфен, который мог сочинять длинные периоды, не ограничивался ими, а оживлял свой стиль контрастами.

Структура периода естественным образом поддается антитетическим формам выражения. Мы наблюдали в Антифоне частоту словесных антитез различных видов - λόγῳ и ἔργῳ μὲν и δέ, и другие. Исократ, имея перед собой примеры своих предшественников и наставления риториков, а также собственные теории построения предложений, очень полно разработал схему параллелизма в слове, смысле и звуке.

Таким образом, период будет состоять, как мы видели, из последовательности κῶλα или конечностей, каждая из которых соответствует другой по размеру, а пары соответствующих κῶλα будут содержать пары слов, параллельных по смыслу, форме или звучанию. Таким образом, весь период тесно связан между собой.

Словарный запас. Схемы

Его лексика избегает излишеств; по мнению Дионисия, он является самым чистым из аттиков, за исключением Лисия. Но если мы сравним этих двух людей, то обнаружим у Исократа гораздо большую склонность к изящной словесности. Используя обычные слова,

он может производить заметные эффекты, и он всегда сознательно стремится к определенной помпезности дикции. Это наиболее заметно в выставочных сочинениях, таких как "Елена" и "Бусирус", где нередко величественные сложные слова, а метафоры встречаются чаще и поражают больше, чем в речах на реальные темы.

Одним из его пристрастий, которое копировали почти все последующие ораторы, является ненужное нагромождение слов, почти синонимов, для выражения одной идеи.^[193] С другой стороны, мы иногда находим синонимы, очевидно противопоставленные в разных частях предложения; такой контраст является только словесным и делается для округления периода; в любом случае мы должны отметить, что писатель отходит от простоты, чтобы улучшить звучание своих слов, но не добавляет много к смыслу.^[194]

Другая особенность - использование множественного числа абстрактных существительных в том же смысле, что и единственного.^[195] Все эти детали - пристрастие к соединениям, накопление синонимов и использование множественного числа вместо единственного - могут быть объединены под заголовком преувеличения выражения и записаны как характеристики *эпидейктического* стиля.

В целом тон повышен, и Исократ, по сравнению с Лисиасом, выглядит витиеватым; если же взять за эталон Горгия, мы увидим, насколько Исократ, несомненно, подражавший сицилийскому стилю, превзошел свой образец в направлении утонченности.

§ 3. О воспитании

Не имея возможности в силу природных недостатков проявлять свои таланты на публике, но побуждаемый необходимостью зарабатывать на жизнь, поскольку Пелопоннесская война растратила его состояние, Исократ обратился к профессии, для которой он был хорошо приспособлен, - к профессии педагога. В течение многих лет он, как и Горгий, был учителем риторики, и, как и Горгия, его можно отнести к софистам. Это название вводит в заблуждение. Само по себе оно означает не что иное, как воспитатель или учитель мудрости, и ранние писатели используют его в хвалебном смысле; Геродот применяет его к семи мудрецам. В четвертом веке оно было опошлено, отчасти комическими поэтами, представлявшими народную привычку насмехаться над всем, что толпа не может понять, но более честно и систематически Платоном, который, хотя и признавал, что некоторые софисты, такие как Протагор, были людьми, достойными самого высокого уважения, использовал множество возможностей для того, чтобы принизить софистов как класс и софистику как профессию.

Можно не сомневаться, что он был совершенно искренен, так как он очень старается подчеркнуть различие между просветителями и своим собственным учителем Сократом, которого Аристофан уже обозначил как одного из толпы^[196].

Нам кажется, что это различие невозможно сохранить; кроме того, что Сократ отказывался брать плату со своих учеников, его отличает лишь более высокий нравственный тон, чем у остальных софистов. Как и они, он был скептиком в том, что касалось философии, и как и они, он был педагогом.

Мы, однако, приняли слово в том значении, которое Платон решил ему придать; но мы не должны полагать, что это было то значение, в котором оно обычно употреблялось. Это ясно из того, что Исократ может использовать это слово без всякой мысли о пренебрежении.

Хотя он написал речь *"Против софистов"*, она направлена не против профессии в целом, а против определенных классов, которые он называет ἄγέλαιοι σοφισταί - "софисты низшего сорта".

Самое раннее произведение Исократ о воспитании, речь или трактат *"Против софистов"* (Or. xiii.), относится к началу его профессиональной карьеры, возможно, к 390 году до н. э. Мы располагаем лишь частью, возможно, менее чем половиной, этой речи. То, что осталось, - это чисто деструктивная критика, которая, как ясно из заключительных слов, должна была привести к изложению собственных принципов и теории писателя. Утрата достойна сожаления, но не является невозполнимой, поскольку речь *"Об антидозах"*, написанная тридцать пять лет спустя, дополняет ее полноценным конструктивным изложением.

Вступление, посвященное софистам, поражает своей суровостью:[197]

Если бы все наши профессиональные педагоги довольствовались тем, что говорят правду, и не обещали больше, чем собираются выполнить, они не имели бы дурной репутации среди обывателей. А так их безрассудная бесцеремонность способствует распространению мнения, что жизнь в безделье лучше, чем жизнь, посвященная философии".

Далее он критикует различные сословия:

"Мы не можем не ненавидеть и не презирать профессоров спорных аргументов (эристик), которые, утверждая, что ищут Истину, вводят ложь в самом начале своих притязаний. Они исповедуют способность читать будущее, в которой Гомер отказывал даже богам; они пророчат своим ученикам полное знание правильного поведения и обещают им в результате счастье. Этот бесценный товар они предлагают на продажу по смехотворной цене в три или четыре мины. Они, конечно, презирают деньги - просто отбросы серебра или золота, как они их называют, - но ради этой небольшой прибыли они возносят своих учеников почти на один уровень с бессмертными. Они утверждают, что учат всех добродетели, но примечательно, что ученики, прежде чем быть принятыми на курс, должны дать гарантию уплаты гонорара".

Общий тон этого порицания напоминает нападки платоновского Сократа на "эристических" софистов; но несомненно, что "эристики", на которых нападает Исократ, - это некоторые из младших Сократов. Это становится очевидным благодаря упоминанию в § 3 о знании (ἐπιστήμη), которое, по мнению этих учителей, приведет к правильному поведению или добродетели, а значит, к счастью. Сократовское мнение о том, что знание является основой добродетели, а добродетель - счастья, хорошо известно. Сам Сократ не исповедовал обучение добродетели за плату, но мегарцы, последователи его ученика Евклида, делали это, и именно на них, по-видимому, направлен сарказм Исократ. В других местах, действительно, Исократ определенно называет платоновскую школу принадлежащей к классу эристов[198].

Следующими под запрет попадают преподаватели "Политического дискурса", то есть преподаватели практической риторики, судебной или совещательной[199]. "Им нет никакого дела до истины, - в то время как эристики, во всяком случае, исповедовали ее поиск, - они считают, что их профессия состоит в том, чтобы привлекать как можно больше учеников малой платой и большими обещаниями. Они настолько скучны и считают других настолько скучными, что, хотя речи, которые они пишут, хуже, чем многие непрофессионалы могут симпровизировать, они обязуются сделать из своих учеников ораторов, равных любому чрезвычайному происшествию. Они говорят, что могут научить ораторскому искусству так же легко, как алфавиту, который является предметом, закрепленным неизменными правилами, в то время как условия для оратора никогда не бывают совершенно одинаковыми в двух

случаях. Речь, чтобы быть успешной, должна соответствовать теме, случаю и оратору, а также быть в какой-то степени оригинальной. Обучение может дать нам технические навыки, но не может вызвать существование ораторского таланта, который должен быть врожденным у хорошего оратора".

Несомненно, сам Исократ исповедовал практическую подготовку к общественной жизни; но он излагает здесь то, что повторяет с большим акцентом в более позднем сочинении:[200] "Для отличия либо в речи, либо в действии, либо в любой другой работе, есть три требования: природная способность, теоретическая подготовка и практический опыт..... Первое из них является обязательным и, безусловно, самым важным". Софисты утверждали, что без первого не обойтись, и именно на этой почве философ с ними спорит.

Третий раздел речи, естественно следующий за вторым, посвящен составителям технических руководств по риторике (τέχναι).

Они исповедуют, что учат тяжбе, выбирая для себя это оскорбительное название, которое было бы более уместно в устах их недоброжелателей. Они хуже тех, кто погряз в трясине "эристики", поскольку, по крайней мере, делают вид, что заботятся о добродетели и умеренности, тогда как те, кого мы сейчас рассматриваем, занимаются лишь тем, что учат людей быть занятыми из побуждений низменного любопытства"[201].

И снова Исократ, который сам написал "Искусство" риторики, не осуждает всех, кто пытается преподавать этот предмет; его жалоба заключается в том, что большинство таких учителей ограничиваются лишь неблагородной отраслью профессии. Эта критика, безусловно, обоснованна, и ее повторяет Аристотель, заявляя, что выступление перед публичным собранием менее косноязычно (κακοῦρῳον), чем речь в суде[202].

Речь, озаглавленная "*Об антидозах*", на самом деле является защитой Исократом своей жизни и профессии. В 3500 355 г. до н. э. некто Мегаклид предложил ему принять триерархию или согласиться на антидозис, или обмен имуществом. Дело стало предметом судебного разбирательства, в результате которого Исократ исполнил триерархию. Спустя некоторое время - возможно, два года - он написал эту речь, которая не имеет исторического значения, так как даже имя истца, Лисимаха, вымышлено. Вступление (§§ 1-13) дает понять, что судебный процесс введен лишь для придания местного колорита. Сама речь начинается с подобия судебной формы в § 14, но очень скоро притворство сходит на нет. Маскировка возобновляется в Эпilogue (§§ 320-323), но большая часть речи не имеет ничего общего с каким-либо судебным процессом, реальным или воображаемым.

Трактат, как мы можем его назвать, состоит из двух частей: в §§ 14-166 писатель защищает свой характер, в §§ 167-319 - свою систему воспитания.

Обвинение, против которого он выступает, заключается в том, что он имеет привычку развращать молодое поколение, прививая им привычку к судебным тяжбам. Ему нетрудно доказать, что его главная работа лежала в гораздо более благородной области, чем судебная риторика. В то время как другие занимались ничтожными спорами в судах, он сочинял речи, затрагивающие политику всей Греции. Это он доказывает, приводя длинные отрывки из своих самых известных произведений: *Панегирик* (§ 59); *О мире* (§ 66); *Никокл* (§ 72).

Вторая половина речи содержит, как уже отмечалось, изложение и защиту теории Исократа.

Философия, - говорит он, - для души то же, что гимнастика для тела".

Эту аналогию он развивает.

Тренер по гимнастике учит своих учеников сначала выполнять отдельные движения, а затем комбинировать их. Педагог следует тому же порядку, и оба настаивают на долгой и усердной практике; но тренер тела не всегда может сделать человека атлетом, как и тренер ума не может сделать всех ораторами. Для успеха необходимы три составляющие: природные способности, правильное обучение и долгая практика; кроме того, как учитель, так и ученик должны проявлять желание упорствовать. Природные способности - это, безусловно, самый важный элемент. Обучение, каким бы полным оно ни было, может полностью оборваться, если оратору не хватает нервов"[203].

Некоторые люди ожидают заметного улучшения после нескольких дней занятий с софистом и требуют полного обучения за год. Это смешно; ни один класс образования не может дать таких результатов; и нет нужды унижать нас как класс, потому что мы не можем сделать больше, чем исповедуем. Мы не можем сделать всех людей ораторами, но мы можем привить им культуру".

Другие утверждают, что наша философия имеет аморальную тенденцию. Я не буду защищать всех, кто называет себя педагогами, но только тех, кто имеет право на это имя. Мы ничего не выигрываем от того, что делаем людей безнравственными; напротив, самое большое удовлетворение для софиста состоит в том, чтобы его ученики стали мудрыми и благородными людьми, уважаемыми своими товарищами. Наши ученики приезжают из Сицилии, из Понта и из других отдаленных регионов; разве они приезжают так далеко, чтобы быть обученными нечестию? Конечно, нет; они могут найти достаточно уроков и дома. Они несут хлопоты и расходы, потому что думают, что Афины могут дать им лучшее образование в мире".

Опять же, власть в споре сама по себе не является деморализующим фактором. Величайшие государственные деятели этого и предыдущих поколений изучали и практиковали ораторское искусство - Солон, которого называли одним из семи софистов, Фемистокл, Перикл. Вы обвиняете фиванцев в отсутствии культуры; зачем же обвинять нас, которые пытаются привить ее? Афины ежегодно приносят жертву богине Убеждения; наши враги нападают на нас за то, что мы стремимся к способностям, которые олицетворяет эта богиня.

На нас нападают даже "эристики":[204] не желая возражать, я готов признать, что есть польза даже от эристических диспутов, астрономии[205] и геометрии: они полезны как предварительная подготовка к высшим занятиям.

Мой собственный взгляд на философию прост. Невозможно достичь абсолютного знания о том, что мы должны или не должны делать; но мудрый человек - это тот, кто может сделать удачное предположение в качестве общего правила, а философы - это те, кто учится достигать этой практической мудрости. Нет и никогда не было науки, которая могла бы привить справедливость и добродетель тем, кто от природы не склонен к этим качествам; но человек, который стремится хорошо говорить или писать и убеждать других, в результате станет более справедливым и добродетельным, ведь именно характер говорит больше, чем что-либо другое.

Вдумчивая речь ведет к осторожным действиям. Ваша высокая культура возвышает вас над остальной Грецией, так же как человечество превосходит низших животных, а греки - варваров: не наказывайте же тех, кто хотел бы привить вам эту культуру"[206].

Эти два трактата, взятые вместе и дополненные несколькими отрывками из других речей, дают нам достаточное представление о системе Исократ. Его "Философию" следует отличать от всех чисто теоретических спекуляций, таких как физические теории ионийцев или логика Парменида; от "эристики" - искусства спорить ради спора - от геометрии и астрономии; от литературного творчества, не имеющего практического применения; от риторики в судах. Мальчики в школе могут с пользой изучать грамматику и поэзию; в более позднем возрасте прикладная математика и даже "эристика" являются хорошей умственной подготовкой; но следует признать, что они являются лишь подготовкой к исократовской "философии", которая для души то же, что гимнастика для тела.

Как наставник гимнастики сначала обучает различным выпадам и парированием, так и учитель философии заставляет своих учеников сначала изучить все стили прозы.^[207] Затем он заставляет их объединить (*συνεῖρεiv*) то, чему они научились. Темы для таких упражнений должны быть правильно выбраны - они должны быть практичными и затрагивать широкие интересы.

Практика в этих направлениях подготовит человека, насколько это позволяет его природа, к выступлениям и действиям в общественном качестве; так что то, что Исократ называет своей "философией", на самом деле является наукой практической политики.

Исократ, похоже, был скрупулезен во всем; сам он был трудолюбив и с особой тщательностью относился к своим сочинениям, а от своих учеников ожидал усердной работы. Он не довольствовался, подобно некоторым софистам, тем, что заставлял их учить наизусть его собственные "честные копии"; они должны были делать работу сами. Он насмехался над теми учителями, которые утверждали, что "заканчивают" своих учеников за год; его притязания были более скромными, но даже в этом случае он требовал, чтобы курс обучения длился три или четыре года. Он верил в индивидуальное внимание, а не в классное обучение, если верить анекдоту Псевдо-Плутарха, который рассказывает, что однажды к нему пришли три ученика вместе, но он принял только двоих, сказав третьему прийти на следующий день. Он старался передать своим ученикам нечто от той широты взглядов, столь заметной в его собственных речах, которая позволяла ему смотреть дальше судебных разбирательств, дальше интересов партии или даже отдельного государства и поднимать глаза к концепции национального единства; и нечто от той возвышенности духа, которая в век корыстных и сквернословных ораторов позволяла ему идти к истине, не руководствуясь личными соображениями и никогда не опускаясь до инвектив или оскорблений.

§ 4. *Патриотизм*

Исократ был не меньшим патриотом, чем Демосфен, хотя по своим политическим взглядам он очень сильно отличался от позднего оратора. О том, каковы были эти взгляды, можно судить по ряду речей на национальные темы, произнесенных на протяжении более чем сорока лет.

Первая из них, "*Панегирик*", вероятно, была написана для публикации на одном из великих народных собраний, возможно, на Олимпийском фестивале, около 380 года до н. э. Это было время, когда длительные раздоры городов-государств привели дела Греции к кризису. Исократу казалось, что нет никакого решения трудностей, никакого шанса на установление мира и довольства, если только не будет найдено предприятие, которое объединит симпатии соперничающих городов, побудит их отложить свои собственные ссоры в сторону и всем сердцем включиться в дело, которое касается Эллады как нации.

Единственным мотивом, который когда-либо мог объединить греков, хотя бы на время, была ненависть к варварам, и Исократ работает на этом чувстве. Он рисует яркую картину жалкого состояния, до которого греческий мир был доведен гражданской войной, и показывает, как влияние Персии, помимо поддержания этой войны, другими способами способствовало разрушению Греции. С откровенной прямоотой обсудив претензии Спарты и Афин на лидерство, он предлагает им договориться путем компромисса и призывает их и все остальные государства объединиться в расовой войне против персов.

Эта речь не имела практического эффекта. Возвышение Фив вскоре после этой даты изменило баланс сил, но в целом не улучшило ситуацию. Отчаявшись инициировать какие-либо совместные действия внутри самой Греции, Исократ стал искать лидера дальше, и примерно в 368 году до н. э. мы видим, как он пишет Дионисию Сиракузскому, который в то время владел империей, гораздо более могущественной, чем любое государство Греции, и предлагает ему выступить в качестве защитника греческого национального духа[208].

В 356 году до н. э. Исократ вновь обратился к Спарте, на этот раз написав Архидаму, который недавно сменил на царском посту своего отца Агесилая, и призвав его предпринять шаги, которые "положат конец гражданской войне в Греции, обуздают наглость варваров и лишат их части их незаконно нажитых доходов". Архидам, если бы он мог быть таким же энергичным, как его отец, и более бескорыстным, мог бы показаться подходящим лидером для крестового похода, на который Исократ положил свое сердце.

В это время Филипп Македонский, хотя и начал приобретать известность, вероятно, рассматривался большинством греков как нищий принц, неуверенно сидящий на троне, который он узурпировал и с которого в любой момент мог быть смещен восстанием или убийством. Но в этом году он завладел золотыми рудниками Пангеи, и вскоре понял, что Македону предстоит играть ведущую роль в греческой политике.

В 346 г. до н. э. Исократ обратился к Филиппу как к человеку, способному, во-первых, возглавить объединение греческих государств в союз, а во-вторых, повести их на завоевание варваров.[209] Десятилетние беспорядочные военные действия между Филиппом и Афинами были завершены Филократовым миром, и Исократ, считая Амфиполь, за который они сражались, нежелательным владением для обеих сторон, представлял и надеялся, что мир может быть заключен навсегда.

Хотя *Панегирик* и обращения к Дионисию и Архидаму провалились, Исократ надеялся, что обращение к Филиппу будет более успешным.

"Я решил, - пишет он, - обратиться к тебе с этим вопросом, но не в качестве особого комплимента, хотя я был бы рад, если бы мои слова нашли у тебя поддержку, а по следующим мотивам. Я увидел, что все остальные знатные люди вынуждены подчиняться своим городам и законам и не могут делать ничего сверх того, что им велят; более того, никто из них не способен разобраться в вопросе, который я сейчас намерен обсудить".

Лишь вам судьба дала полное право отправлять посольства к кому пожелаете, принимать их, где пожелаете, и говорить все, что сочтете нужным. Кроме того, ты обладаешь богатством и властью, превосходящими богатство и власть любого другого грека, - двумя вещами, которые являются самыми мощными либо для убеждения, либо для принуждения; и ты найдешь убеждение полезным для греков, а принуждение - для варваров"[210].

Краткое изложение нескольких выдержек укажет на суть речи.

Твой долг - попытаться примирить четыре великих города - Аргос, Спарту, Фивы и Афины; приведи их в порядок, и ты без труда справишься с остальными, которые все зависят от них (§§ 30-31). Ваши предки - аргивяне по происхождению, и эти города никогда не должны были враждовать ни с вами, ни друг с другом. Все должны сделать поблажки, так как все были виноваты (§§ 33-38). Если бы сейчас, как и раньше, преобладали Афины или Спарта, ничего нельзя было бы сделать; но сейчас все великие города практически на одном уровне. Нет вражды, которая была бы настолько глубокой, что ее нельзя было бы преодолеть: Афины в разное время были союзниками и Фив, и Спарты. Спарта, Аргос и Фивы желают мира; Афины опомнились раньше других и уже заключили мир. Она будет готова оказать вам деятельное сочувствие" (§§ 39-56).

"История дает много примеров людей, которые, имея мало преимуществ, даже недостатки, достигали великих целей: ты, со всеми твоими ресурсами, должен найти нынешнюю задачу легкой" (§§ 57-67).

Успех в таком деле был бы великолепен; даже неудача была бы благородна: твои клеветники приписывают тебе замысел подчинить себе Грецию; ты убедишь их в их ошибке" (§§ 68-80).

"Вот вам и долг перед Грецией; теперь переходите к завоеванию Азии". Агесилай потерпел неудачу, потому что разжег политическую вражду.

Греки под командованием Кира разгромили персидскую армию и, оставшись без предводителя, успешно отступили. Все условия благоприятны для вас". Азиатские греки были враждебны Киру, но будут рады вам. Нынешний царь Персии - не такой человек, как его предшественник, против которого сражался Кир; Персия разделена сама с собой. Кипр, Киликия и Финикия, которые снабжали царя кораблями, больше не будут этого делать" (§§ 83-104).

"Вы можете стремиться к завоеванию всей Персидской империи; в противном случае вы можете завоевать все, что находится к западу от линии, проведенной от Киликии до Синопа. Даже это было бы огромным преимуществом. Вы могли бы основать города для полчищ наемников, которых нищета заставляет скитаться и охотиться на оседлых жителей - растущая угроза как для греков, так и для персов. Таким образом, вы оказали бы этим кочевникам большую услугу и в то же время создали бы для них постоянную охрану ваших собственных границ. Если это окажется для вас слишком сложной задачей, то, по крайней мере, вы сможете освободить греческие города Азии. Как бы ни был велик или мал ваш успех, вы, по крайней мере, приобретете большую славу за то, что возглавили объединенную экспедицию от всей Греции" (§§ 119-126).

Ни одно государство, ни один человек не возьмется за это дело; вы свободны от ограничений, поскольку вся Эллада - ваша родная земля. Вы будете сражаться, я знаю, не за власть или богатство, а за славу. Твоя миссия такова: быть благодетелем Греции, царем Македонии, правителем Азии" (§§ 127-155).

Можно сказать, что Исократ переоценил чистоту побуждений Филиппа. С другой стороны, можно предположить, что Филипп предпочел бы отправиться в Азию в качестве полководца греческих войск, готовых к объединению. Он, которого Исократ считал греком царского или полубожественного происхождения, а Демосфен клеймил варваром самого низкого типа, имел в своей натуре гораздо больше греческого, чем варварского. По крайней мере, к Афинам он всегда проявлял необычайную снисходительность, относился к ним с уважением, намного превосходящим их заслуги, и почитал их за древнее величие. Он делал все возможное, чтобы примирить ее, и эту политику он передал своему сыну. Но он не мог

отправиться на Восток, оставив за спиной столько непримиримых врагов, а отказ государств принять его гегемонию сделал Хаэронею неизбежной.

Тех, кто прочтет не это краткое резюме, а эссе в целом, должно поразить твердое понимание современной истории, которое писатель имеет, и его пронизательность в отношении действующих сил. Он недооценил консерватизм городов-государств, ошибочно полагая, что большинство может быть столь же широко мыслящим, как и он сам.

Главы, посвященные Азии, демонстрируют глубокое знание условий и требований. Его советам об основании городов буквально последовал Александр, который сразу после первой победы начал проводить эту политику для закрепления своих завоеваний.

В 342 году до н. э. Исократ снова пишет Филиппу, упрекая его в безрассудстве, когда он подвергает свою жизнь опасности в бою. Он повторил некоторые аргументы из первого сочинения и резюмировал свой совет следующим образом: "Гораздо благороднее захватить добрую волю города, чем его стены". После Хаэронеи, в 338 году до н. э., он снова пишет, вспоминая свои прежние советы и с удовлетворением отмечая, что мечты его юности некоторые из них уже исполнились, а другие находятся на грани исполнения.

§ 5. Оставшиеся произведения

Общее содержание *"Панегирика"* уже обсуждалось, но только внимательное изучение речи покажет, с каким мастерством одна тема подводится к другой, как хорошо сбалансированы части и как ловко собраны и связаны воедино различные нити аргументации. Многочисленные абзацы, которые поначалу кажутся почти отступлениями, при рассмотрении речи в целом оказываются важными для ее единства, и хотя в ходе выступления затрагивается большое количество тем, основная тема никогда не остается без внимания. Уровень стиля высок, и никакие отрывки не могут представить его должным образом. Тем не менее, краткий анализ может указать на последовательность аргументов:^[211]

"Я здесь для того, чтобы дать совет о необходимости войны с Персией и единства греков. Другие занимались той же темой, но факт их неудачи делает излишним любое оправдание для новой попытки, и предмет заслуживает лучшего рассмотрения, чем он был" (§§ 1-14).

Мои предшественники упустили важный момент: ничего нельзя сделать, пока лидеры - Афины и Спарта - не примирятся и не убедят друг друга разделить лидерство.

Спарта приняла ложную традицию, согласно которой лидерство достается ей по праву предков. Я попытаюсь доказать, что лидерство действительно принадлежит Афинам; тогда Спарта должна согласиться на совместное командование" (§§ 15-20).

Афины первыми овладели морской империей, а их цивилизация - самая древняя в Греции (§§ 21-25). Ее претензии на гегемонию следующие:.

А. (а) Традиция, которая никогда не была опровергнута, гласит, что Афины первыми обеспечили себя всем необходимым для жизни. Деметра научила Аттику выращивать кукурузу и учредила мистерии.

'(b) Афины, несомненно, возглавили колонизацию, расширив таким образом границы греческих земель и оттеснив варваров (§§ 28-37).

'(с) Афины имели самые ранние законы и самую раннюю конституцию. Она основала Пирей, центр греческой торговли. Она устраивает у себя вечные праздники, на которых поощряются

искусства. Практическая философия и ораторское искусство настолько высоко почитаются в Афинах, что название "грек" правильно применять не по праву крови, а в силу обладания афинской культурой (§§ 38-50).

'В. (а) С героических времен и до наших дней Афины проявляли себя как помощники угнетенных. Даже Спарта стала великой благодаря ее поддержке (§§ 57-65).

'(b) Афины в древнейшие времена и во время Персидских войн отличились в борьбе с варварами (§§ 66-74).

В давние времена соперничество между противоположными политическими партиями и между Афинами и Спартой было благородным, и почетное соревнование двух городов заставило остальных греков взять в руки оружие против Ксеркса. Афины, однако, предоставили больше кораблей, чем все остальные вместе взятые. Поэтому ее право на лидерство вплоть до конца Персидской войны является обоснованным" (§§ 75-79).

Правда, Афины жестоко обошлись со своими восставшими союзниками - Мелосом и Скионом: мятежники должны ожидать наказания. С другой стороны, наши верные подданные в течение семидесяти лет наслаждались свободой от тирании, защитой от нападений варваров, устоявшимся правительством и миром со всем миром" (§§ 100-106).

Спарта и ее партизаны за несколько месяцев нанесли больше вреда, чем Афины за все время существования своей империи" (§§ 110-114).

Наше правление было предпочтительнее так называемого "мира и независимости", которые Спарта дала городам. Моря заполонили пираты, и теперь набеги на города совершаются чаще, чем до заключения мира. Тираны и вредители делают жизнь в городах невыносимой. Великий царь, которого Афины ограничили в установленных пределах, совершает набеги на Пелопоннес (§§ 115-119); Спарта бросила ионийцев в рабство, сама произвела опустошение в Греции и обложила островитян налогами. Чудовищно, что мы, греки, из-за своих мелких ссор опустошаем собственную страну, когда могли бы собрать золотой урожай в Азии" (§§ 120-132).

Мы позволили Великому царю достичь неслыханного могущества только благодаря нашим ссорам, ведь на самом деле он не так уж силен".

Многочисленные примеры из истории свидетельствуют о неполноценности персидских вождей и организации. Они часто терпели поражения на побережье Азии; когда они вторглись в Грецию, мы показали им пример; наконец, они смешную фигуру перед стенами своих собственных дворцов"[212] (§§ 133-149).

Этого и следовало ожидать от их образа жизни; основная масса народа больше подходит на роль рабов, чем солдат; дворяне поочередно наглы и раболепны, а постоянно развращенные роскошью, они слабы и вероломны. Они заслуживают нашей ненависти, и, по сути, наша вражда никогда не сможет быть примиренной. Одной из причин популярности Гомера является то, что он рассказывает о великой войне с Азией" (§§ 150-159).

Время благоприятно для нападения; Финикия и Сирия опустошены; Тир захвачен; Киликия в основном в нашей пользу; Египет и Кипр восстали. Греки готовы восстать; мы должны поторопиться и не допустить повторения истории ионийского восстания. Нынешние страдания в Греции превосходят все рекорды, и за это нынешнее поколение заслуживает

некоторого вознаграждения - еще одна причина для спешки. Ведущие люди в городах черствы и равнодушны, поэтому мы, стоящие вне политики, должны взять на себя инициативу, что я и делаю" (§§ 160-174).

Договор Анталкида не должен стоять на нашем пути, он уже нарушен по духу. Мы соблюдаем только те положения, которые к нашему стыду, *то есть* те, по которым наши союзники отданы персам. Это никогда не было честным договором - мы подчинились условиям, продиктованным царем.

Честь и целесообразность требуют, чтобы мы объединились для ведения этой войны, слава о которой будет больше, чем о Троянской войне" (§§ 175-189).

Теперь мы можем рассмотреть группу речей, посвященных внутренним делам Греции.

Платей (Or. xiv.). Платея, разрушенная в 427 г. до н. э., была восстановлена Спартой в 386 г. до н. э. как угроза Фивам, но в 376 г. до н. э. была вынуждена войти в состав Беотийской конфедерации. В 373 г. до н. э. она была захвачена фиванским войском и снова разрушена. Жители бежали в Афины, и их дело обсуждалось в экклесии, а также на конгрессе союзников. Настоящая речь якобы произнесена платейцем перед афинской экклесией. Она состоит главным образом из обращения к чувствам через историю; оратор вспоминает о древних отношениях Платеи и Афин, а затем делает вывод о нынешнем долге Афин. Речь написана в форме, подходящей для выступления перед собранием, и, возможно, была произнесена именно так.

С другой стороны, *"О мире"* (Or. viii.) - это политический трактат. Он датируется 355 годом до н. э., когда Социальная война была близка к завершению. Главная тема речи - необходимость мира между Афинами и всем миром, но призыв к этой политике, естественно, влечет за собой критику партии войны и суровое обвинение не только современной политики, но и условий старой Афинской империи. Речь примечательна тем, что Исократ в который раз отказывается от своего ровного и умеренного языка и позволяет возмущению и даже горечи придать окраску своей критике.

Приобретение империи, - говорит он, - за счет безвольных подданных - это и несправедливо, и невежливо. Амбиции подобны приманке, которая заманивает дикого зверя в ловушку. Наша администрация прогнила; наши граждане потеряли веру в личные усилия, и мы нанимаем наемников для ведения наших сражений. Наши политики - наши худшие граждане, а генералами мы назначаем некомпетентных людей, которые не годятся ни для какой должности. Мы держимся, но только потому, что наши соперники так же слабы, как и мы. Безрассудства нашего собрания приносят Фивам союзников, а их безрассудства, в свою очередь, - наше спасение. Каждому государству стоило бы подкупить собрание другого, чтобы оно собиралось чаще.

Наша надежда - отказаться от империи; она несправедлива, и, кроме того, мы не могли поддерживать ее, когда были богаты, а теперь мы бедны". Государственные деятели императорских Афин делали все возможное, чтобы сделать политику своего города непопулярной. Они выставляли на всеобщее обозрение дань, взимаемую с союзников, напоминая тем самым всему миру о своей тирании; выставляли на парад детей тех, кто пал в войнах в разных частях света, - жертв национальной жадности. Совсем иным было положение Афин при Фемистокле и Аристиде. Национальная жизнь деморализована империей. История господства Спарты - еще один пример, подтверждающий сказанное.

Перикл был демагогом и привел город к катастрофе, но он хотя бы обогатил казну, а не себя. Наши современные демагоги просто жаждут себя, и их жадность доводит до нищеты не только государство, но и граждан.

Мир по той цене, которую я указал, - единственное средство. Мы должны освободить Грецию, а не разорять ее. Афины должны занять среди греческих государств то положение, которое цари занимают в Спарте; они не тираны; они имеют более высокий стандарт поведения, чем любой частный человек, и пользуются таким уважением, что любой человек, который не отдаст за них свою жизнь на поле боя, считается подлее дезертира".

В ругательствах, направленных на старую империю, много правды; Исократ мог видеть за сияющими красками, в которых иногда рисуют славу периклийской эпохи, и в равной степени с Демосфеном он осознавал и не уклонялся от того, чтобы замечать слабость Афин в его собственные дни. Но его советы, хотя и благородны, но непрактичны. Несмотря на знание истории, он не смог постичь глубину греческого эгоизма. Ни одно государство, опирающееся исключительно или главным образом на моральные достоинства, не могло иметь голос в совете Греции, а тем более определять ее политику.

Ареопагитик (Or. vii.), написанный, возможно, в том же году, во многих пунктах дополняет *де Пас*. В основном он посвящен контрасту между старыми временами достойного правления при конституциях Солона и Клисфена и неудовлетворительными условиями жизни во времена оратора. Описание старой конституции, возможно, является причудливой картиной, но контраст служит для того, чтобы показать зло, на которое нацелен Исократ в современном государстве. Речь посвящена внутренней жизни Афин, а не их внешней политике, и главная заслуга за хорошее правительство и хорошую жизнь в старые времена отдается Совету Ареопага, этому величественному органу, который и сейчас "имеет такое сильное влияние, что худшие люди современности, если они становятся его членами, проникаются его духом и, теряя подлость своих собственных сердец, думают и действуют в соответствии с высокими традициями Совета".

Архидам (Or. vi.) вложен в уста спартанского царя с таким именем, к которому, как мы знаем из письма, Исократ питал глубокое уважение. Оно представляет собой часть дебатов, состоявшихся в 366 году до н. э., по поводу предложения фиванцев заключить мир при условии, что Спарта признает независимость Мессении. Вероятно, в ней справедливо отражены чувства спартанцев в тот момент, когда было предложено сделать из мессенцев, которых они на протяжении многих поколений считали своими рабами, независимое и постоянно враждебное государство.

Сохранились произведения трех классов: "увещательные письма", "демонстрации" и судебные речи.

Ораторские письма

К Демонику (Or. i.), 372 г. до н. э. (?). Это письмо, адресованное молодому монарху, о котором больше ничего не известно, призвано стать "хранилищем" (ταμείον) нравственных максим, включающих в себя долг перед богами, долг перед людьми и долг перед самим собой. В нем содержится огромное количество максим, в основном практического или полупрактического характера: "Золото мы проверяем огнем, друзей - несчастьем". Никогда не клянись богами, когда речь идет о деньгах; одни сочтут тебя клятвопреступником, другие - жадным человеком". Иногда моральный тон более высок: "Если ты поступаешь дурно, никогда не надейся, что тебя не обнаружат; если другие не обнаружат тебя, твоя собственная совесть обнаружит тебя сама".

В "К Никоклу" (Or. ii.), 374 г. до н. э., адресованном Никоклу, который стал царем Саламиса на Кипре в 374 г. до н. э., речь идет об обязанностях и ответственности царя. Помни о своем высоком положении и будь осторожен, чтобы не совершить ничего недостойного".

Никокл, или Киприане (Or. iii.), 372 г. до н. э., является дополнением к Or. ii. В нем сам царь представлен как рассуждающий об обязанностях подданных по отношению к своему царю. "Поступай со своим царем так, как ты хотел бы, чтобы твои подданные поступали с тобой".

Эпидейктические речи

Многие софисты писали выдуманные речи на легендарные темы, и Исократ, хотя это искусство не входило в его компетенцию, заглянул в него как критик. В "Бусириде" (Or. xi.), 391 г. до н. э., адресованном софисту Поликрату, содержится, во-первых, критика речи, сочиненной Поликратом на эту тему, а во-вторых, изложение того, как сам Исократ отнесся бы к подобной теме. Кстати, Исократ принимает ранние легенды в целом как правдивые, но отвергает некоторые их части как неблагоприятные.

Энкомий Елене (Or. x.), 370 г. до н. э., начинается с критики некоего энкомия, который обычно считают сохранившимся, приписываемым Горгиасу. Предыдущий автор написал не энкомий, а апологию; сам Исократ напишет настоящий энкомий, опустив все темы, которые использовали другие.

Евагор (Or. ix.), 365 г. до н. э. (?), был написан для праздника, устроенного Никоклом в память о его отце, Евагоре Саламинском, умершем в 374 г. до н. э. Он содержит хвалебный рассказ о карьере царя и призыв к сыну подражать добродетелям отца.

Панафиней был начат, когда Исократу было 94 года, то есть в 342 году до н. э. Из-за болезни он не смог закончить его в течение трех лет. В ней содержится много материала, который уже был использован в "Ареопагитиках". Его главная тема - величие Афин, рассматриваемое исторически, а не применительно к современной политике. Но в ней есть длинные отступления - защита собственной системы от нападок некоторых более низких софистов (§§ 5-34); рассуждения об Агамемноне (§§ 62-73); личное объяснение (§§ 99 sqq.), в котором автор объясняет, что речь должна была естественно закончиться на этом месте, и подробно рассказывает о разговорах и обсуждениях, которые заставили его продолжить ее. Его обвиняли в том, что он слишком суров по отношению к Спарте, и, хотя он заставил своих критиков замолчать, у него были некоторые сомнения. В результате длина речи увеличивается на треть, что полностью портит баланс и разрушает то единство, которым она обладала.

Судебные речи

До нас дошло шесть судебных речей; они относятся к раннему периоду жизни Исократы, который в более поздние годы сожалел, что когда-либо занимался подобным искусством; их можно в нескольких словах описать:

Против Лохитов (Or. xx.), 394 г. до н.э., иск о нападении; *Эгинетикус* (Or. xix.), 394 г. до н.э., иск о наследстве; *Против Эвтиния* (Or. xxi.), 403 г. до н.э., иск о возврате вклада; *Трапезитикус* (Or. xvii.), 394 г. до н.э., аналогичный иск против знаменитого банкира Пасиона; περὶ τοῦ ζεύγους (Or. xvi.), 397 г. до н. э., произнесенный младшим Алкивиадом против некоего Тисия, который утверждает, что старший Алкивиад, отец оратора, лишил его упряжки из четырех лошадей. Это иск о возмещении ущерба в размере пяти талантов. *Против Каллимаха*, 399 г. до н. э., παραγραφὴ или специальное заявление, сделанное

ответчиком, который утверждает, что иск о возмещении ущерба, предъявленный ему, не может быть удовлетворен.

Письма

Уже упоминались некоторые письма: Дионисию, 368 г. до н. э., Архидаму, 365 г. до н. э., Филиппу и Александру, 342 г. до н. э. Другие сохранившиеся письма адресованы детям Ясона (*Ep. vi.*), 359 г. до н. э., т. е. Фебе и ее сводным братьям, детям тирана Феры, который был убит в 370 г. до н. э.; к Тимофею (*Ep. vii.*), 345 г. до н. э. - царю Гераклеи на Эвксинском море; к правителям Митилены (*Ep. viii.*), 350 г. до н. э. - олигархам, недавно свергнувшим демократию; к Антипатру (*Ep. iv.*), 340 г. до н. э., в то время, очевидно, регенту Македонии во время отсутствия Филиппа во Фракии. Этот список корреспондентов Исократа, с некоторыми из которых он, по крайней мере, находится в близких отношениях, может служить указанием на его значимость в греческом мире.

Исократу также приписывают составление τέχνη или трактата об искусстве риторики, ныне утраченного, за исключением одной цитаты; в изданиях текста содержится ряд апофтегм, приписываемых ему. Ни одна из них не является важной.

ГЛАВА VII МАЛЫЕ РИТОРЫ

Современники Исократа затмеваются его гением; тем не менее в его время были и другие ораторы и учителя, обладавшие способностями. Единственный из них, кто заслуживает серьезного рассмотрения, - это Алкидамас, ученик Горгия или его школы, который, хотя и был соперником Исократа, попал под влияние стиля последнего. Под его именем мы имеем софистическое упражнение *"Обвинение Паламеда Одиссеем"*, которое не имеет большого значения и может быть поддельным, и декламацию *"О софистах"*, которая, вероятно, является подлинной; по крайней мере, мы можем сказать, что это работа умелого критика и изящного писателя. Среди других его работ - два риторических упражнения, *"Похвала смерти"* и *"Похвала Наис"*, а также *"Мессенская оратория"*, которая, очевидно, была контраргументом против *"Архидам"* Исократа.

Софисты - это настоящая атака на методы Исократа, направленная против практики трудоемкого составления письменных речей, которые не являются реальной помощью для человека, желающего стать оратором, будь то в собрании или суде. Некоторые так называемые софисты, утверждает он, которые, будучи совершенно неспособными говорить, практиковали письмо, гордятся этим достижением, и хотя они могут назвать своим только один небольшой отдел риторики, утверждают, что они мастера всей науки. Он не пренебрегает искусством письма, но считает его второстепенным, в то время как другие достижения заслуживают гораздо большего внимания. Любой способный человек, если у него есть время, может научиться писать умеренно хорошо; но для того чтобы хорошо говорить, необходимо приложить тщательные усилия для развития некоторых особых дарований. Умение говорить без умолку - очень важный дар; человек, обладающий им, может приспособиться к настроению своей аудитории, в то время как тот, кто полагается на готовые ораторские речи, часто упускает прекрасную возможность, поскольку выучить

наизусть достаточно речей, чтобы быть готовым в любой момент выступить на любую тему и перед любой аудиторией, - это выше человеческих сил. Человек, привыкший к письменным речам, вынужденный выступать *ex tempore*, не сохранит должного уровня исполнения.^[213] Приводится множество аргументов, более или менее ценных; во всех них есть определенная хитрость.

Дионисий считал стиль Алкидама грубым и тривиальным;^[214] Аристотель говорит, что тот использовал эпитеты "не как приправу, а как мясо".^[215] Эти строгости не относятся к единственному сохранившемуся произведению. Похоже, что он поднялся над мертвым уровнем риториков благодаря наличию идей; в речи в защиту свободы мессенцев встречается фраза: "Бог сделал всех людей свободными; природа не сделала ни одного человека рабом"; а его описание *Одиссея* как "благородного зеркала человеческой жизни" само по себе является прекрасным выражением, хотя Аристотель возражает, что такие украшения умаляют ценность речи, поскольку создают впечатление чрезмерной подготовки^[216].

Поликрат, ритор того же периода, как известно, сочинил вымышленное "*Обвинение Сократа*", на которое ссылается Исократ.^[217] Его "*Энкомий*" о *Бусирисе*, царе-каннибале Египта, побудил Исократ написать свой собственный "*Бусирис*", чтобы показать, как следует обращаться с подобной темой. Дионисий нашел его стиль бессодержательным, фригидным и вульгарным.^[218] Ликофрон, подражатель Горгия, несколько раз цитируется Аристотелем; а Кефисодор, самый известный ритор школы Исократ, написал восхитительную защиту своего учителя от нападок Аристотеля.^[219]

Эти второстепенные учителя, которые упоминаются только как ответвления от известных школ, не оказали постоянного влияния на развитие ни риторики, ни ораторского искусства.

ГЛАВА VIII ЭСХИНЫ

§ 1. Жизнь

В течение двадцати лет Эсхин был злейшим врагом Демосфена. Эта вражда, возможно, была главным интересом его жизни; во всяком случае, она является доминирующим мотивом его дошедших до нас речей. Демосфен, со своей стороны, не мог позволить себе презирать врага, чье язвительное остроумие и настоящий дар красноречия обеспечивали ему внимательное слушание как в судах, так и в экклесии, и тем самым давали ему влияние, которое неясность его политических взглядов и неустойчивость его личного характера никогда не могли полностью рассеять. У Эсхина не было конструктивной политики, но он обладал талантами, необходимыми для лидера капризной и злобной оппозиции. Благодаря тому, что между этими двумя людьми долгое время сохранялась враждебность, мы обязаны большим количеством информации из первых рук о каждом из них, как в общественной, так и в личной жизни. Правда, мы не можем безоговорочно принять заявления и критические замечания, сделанные одним из ораторов в адрес своего соперника; но во многих случаях они сходятся во мнении относительно фактов, хотя и по-разному их интерпретируют, и таким образом, соблюдая осторожность, мы можем добраться до субстрата истины.

Эсхин родился около 390 г. до н. э.[220] Его отец Атромет, афинский гражданин чистого происхождения,[221] был изгнан Тридцатью и вместе с женой бежал в Коринф. Некоторое время он служил наемным солдатом в Азии, а затем вернулся в Афины, где содержал школу. Его жена, Глаукотея, занимала какую-то незначительную религиозную должность, посвящая неофитов в некоторые мистерии, очевидно, связанные с орфизмом. Эсхин, похоже, помогал обоим своим родителям в их работе, если мы можем предположить, что в злобе Демосфена есть доля правды:

"Ты наполнял чернильницы, вытирал губкой скамьи и подметал школьную комнату, как раб, а не как сын господина. Когда ты подрос, ты помогал матери в ее посвящениях, произносил формулы и вообще приносил пользу. Всю ночь напролет ты заворачивал празднующих в оленьи шкуры, готовил им жертвенные напитки, обмазывал их глиной и отрубями" и т. д.[222].

Все описание, из которого взят вышеприведенный отрывок, является очевидной карикатурой, и его главная ценность заключается в том, чтобы показать, что Демосфен, если бы обстоятельства не сделали его государственным деятелем, мог бы быть успешным автором посредственной комедии; но, похоже, оно указывает на то, что родители Эсхина были в скромных условиях, что он сам вел тяжелую жизнь в детстве и не имел обычных возможностей для получения образования, желательного для государственного деятеля.[223] После этого, в возрасте, когда другие претенденты на государственную жизнь занимались бы с учителями риторики, он был вынужден зарабатывать себе на жизнь. Сначала он был клерком у мелких чиновников, затем актером - по словам Демосфена, он играл небольшие роли в низшей труппе и жил в основном на фиги и оливки, которыми его забрасывали зрители. [224] Он также служил гоплитом и, по его собственному признанию, отличился при Мантинее и Тамине. В 357 г. до н. э. он получил политическую должность, сначала при Аристофоне Азенийском, затем при Эвбуле, а позже мы видим его в качестве клерка экклесии.

Около 350 г. до н. э. он женился на представительнице уважаемой семьи, а в 348 г. до н. э. впервые занял ответственный пост, будучи назначенным членом посольства в Мегалополь в Аркадии. В этот раз он отправился, по общему признанию, как противник Филиппа, но вернулся сторонником мира. Причины такой перемены взглядов будут рассмотрены позже. Его собственное объяснение, что он осознал нецелесообразность войны, само по себе разумно.[225] Два года спустя он вместе с Демосфеном участвовал в знаменитых посольствах к Филиппу, которые после серьезных задержек привели к заключению неудовлетворительного Филократова мира. Демосфен назвал этот мир недостойным Афин,[226] хотя и настаивал на том, что, хорош он или плох, его следует поддерживать; кроме того, он высказывал инсинуации против поведения Эсхина в качестве посла и готовился преследовать его за то, что он предал свое доверие, взяв взятку от Филиппа. В качестве обвинителя он привлек некоего Тимарха. Эсхин подготовил ответный удар. Он выдвинул обвинение против Тимарха на том основании, что тот был человеком, известным своей безнравственностью, и, как таковой, был лишен права выступать публично. Тимарх, судя по всему, был признан виновным. В 343 году до н. э. Демосфен возбудил дело, в ходе которого были произнесены его речь *de Falsa Legatione* и речь Эсхина под тем же названием, и Эсхин был оправдан довольно незначительным большинством в тридцать голосов. В следующем году Эсхин готовился к репрессиям, но когда он уже собирался объявить импичмент Демосфену, ему помешал контрход его соперника[227].

В 339 году до н. э. Эсхин был *пилагором* на Амфиктионийском совете, и произнесенная им там подстрекательская речь привела к началу Священной войны.

В 337 году до н. э., на следующий год после битвы при Херонее, предложение Ктесифона наградить Демосфена короной за его заслуги перед Афинами дало Эсхину новое оружие для удара по врагу. Он объявил Ктесифону импичмент за незаконность. Дело не рассматривалось до 330 года до н. э., когда Эсхин, не набрав и пятой части голосов, был оштрафован на тысячу драхм и, не имея возможности или желания платить, отправился в изгнание. Он удалился в Малую Азию и жил то в Эфесе, то на Родосе. По словам Плутарха, остаток своей жизни он провел как профессиональный софист, то есть, несомненно, как учитель риторики;^[228] но у нас нет больше никаких сведений о его жизни, а также о способе и дате его смерти.

§ 2. Государственный характер

Эсхина нельзя считать государственным деятелем, поскольку у него не было определенной политики. Он был, по его собственному признанию, оппортунистом. "И человек, и государство, - говорит он, - должны менять свои позиции в зависимости от изменения обстоятельств и стремиться к тому, что лучше для данного времени";^[229] и хотя он утверждает, что является "советником величайшего из всех городов",^[230] в государственных делах у него никогда не было более высокого принципа, чем это следование по линии наименьшего сопротивления.

Однако необходимо рассмотреть, был ли он на самом деле тем коррумпированным политиком, каким его выставляет Демосфен.

Афинское мнение о коррупции было менее строгим, чем наше; Гиперид признает, что существуют различные степени вины в получении взяток; худшим преступлением является получение взятки из ненадлежащих источников, *то есть* от врага государства и во вред государству^[231].

Из этого принципа вытекает, что получение взятки за выполнение своего долга и действия в интересах своей страны является преступлением, если это вообще преступление; в этом случае вопрос о виновности или невиновности человека может решаться его индивидуальной совестью.

Демосфен определенно обвинил Эсхина в том, что тот изменил свою политику из-за взяток, полученных от Филиппа. Известно, что в начале своей общественной жизни он был противником Македонии, и у нас есть его собственный рассказ о его обращении по случаю посольства в Мегалополь:

"Вы упрекаете меня за речь, которую я произнес, будучи посланником, перед десятью тысячами людей в Аркадии; вы говорите, что я переметнулся на другую сторону, вы, ничтожное создание, которого чуть не заклеили как дезертира. Правда в том, что во время войны я пытался, насколько это было в моих силах, объединить аркадян и остальных греков против Филиппа; Но когда я обнаружил, что никто не хочет помогать Афинам, а одни ждут, что произойдет, другие идут против нас, а ораторы в городе используют войну как средство для покрытия своих ежедневных расходов, я признаюсь, что посоветовал народу договориться с Филиппом и заключить мир, который вы, никогда не бравшие в руки меч, теперь считаете позорным, хотя я говорю, что он гораздо почетнее войны."^[232]

После заключения Филократова мира обвинения стали более определенными. Демосфен утверждает, что Эсхин имел частные беседы с Филиппом во время второго посольства и что за свои услуги он получил некоторые земли в Беотии;^[233] он возвращается к этому

обвинению в *de Corona*, много лет спустя. Эсхин не отрицает и даже не упоминает это обвинение ни в речи "О посольстве", ни в обвинении Ктесифона. Демосфен, не имея, очевидно, прямых доказательств, пытается доказать свою правоту, подчеркивая отношения Эсхина с предателем Филократом; но это слабый аргумент, поскольку, хотя Эсхин в свое время хвастался этими отношениями, впоследствии он отрекся от них и даже осмелился причислить самого Демосфена к Филократу.[234] Возможно, нам следует придать большее значение другому факту, на котором настаивает Демосфен, - что Эсхин время от времени убеждал город принять туманные обещания Филиппа о доброй воле; но прежде чем осуждать его на этом основании, мы должны вспомнить, что Исократ, человек гораздо более умный, чем Эсхин, и несомненно честный, настолько полностью попал под чары личности Филиппа, что полностью уверовал в искренность его обещаний.[235] Возможно, Эсхина обманули таким же образом.

Но самое резкое осуждение политики Эсхина содержится в его собственных речах.

Во время посещения македонской армии в Фокисе он был виновен в грубом проявлении дурного вкуса, присоединившись к Филиппу в танце паэна в честь поражения Фокиса. Он признает обвинение и утверждает, что это было даже правильно.[236] Его поведение на Амфикионийском совете было гораздо серьезнее.[237] Его пригласили произнести речь, и когда он начал, его грубо прервал Локриан из Амфиссы. В отместку ему "пришло в голову"[238] напомнить о нечестивости амфикионов, занявших Киррскую равнину. Он заставил прочесть вслух проклятие, произнесенное после первой Священной войны, и, напомнив о забытых событиях прошлых поколений, довел свою аудиторию до такого возбуждения, что на следующее утро - поскольку в ту ночь было уже слишком поздно принимать меры - все население Дельф отправилось в Цирру, разрушило портовые сооружения и подожгло город. Хотя это действие, несомненно, ввергло Грецию в Амфикионийскую войну, Эсхин, совершенно независимо от ужасных последствий, может только остановиться на замечательном эффекте своего собственного ораторского искусства.

§ 3. Личность

Кое-что о личных качествах Эсхина можно почерпнуть из его собственных трудов и трудов Демосфена. Он, должно быть, был человеком достойным, поскольку, даже если он играл лишь второстепенные роли, как часто утверждает Демосфен, он действовал, случалось, в хорошей компании, как признал его враг в незащищенную минуту. Условия, в которых разыгрывалась греческая трагедия, требовали величественной осанки даже от триагониста, и насмешка Демосфена, который называет его "благородной статуей", дает понять, что Эсхин не отставал от этих требований.[239] Слова Демосфена, вероятно, подразумевают, что достоинство было чрезмерным, что статная поза бывшего актера выглядела напыщенной и преувеличенной в суде. Сам Эсхин осуждал использование ораторами возбужденных жестов. Он подчеркивал необходимость сдержанности и часто настаивал на том, что оратор должен держать руку в мантии во время речи.[240] Это заявленное предубеждение с его стороны дало Демосфену возможность для аккуратной реплики: "Ты должен держать руку там, не когда говоришь, а когда отправляешься в посольство".[241] В этом случае Демосфен получил очко, но там, где речь шла об остроумии и остроусловии, честь обычно оставалась за Эсхином.

Другой поразительной особенностью Эсхина был его великолепный голос, которым он пользовался с отработанным мастерством; Демосфен, имевший серьезные природные

недостатки как оратор, горько завидовал ему и, как следствие, постоянно пытался высмеять его речь. [Сознавая, несомненно, свои природные достоинства, которым Демосфен однажды отдал более или менее искреннюю дань, [243] Эсхин был, по-видимому, не тронут этими насмешками; но он, кажется, был глубоко уязвлен, когда Демосфен сравнил его с Сиренами, чьи голоса очаровывают людей, чтобы погубить их. Его возмущение не находит ответа; он может лишь возразить, что обвинение непристойно, и даже если бы оно было правдой, Демосфен не подходит для того, чтобы выдвигать его; только человек дела был бы достойным обвинителем; его соперник - лишь пучок слов. Здесь, немного придя в себя, он избавляется от мысли, что Демосфен пуст, как флейта, - ни на что не годен, если отнять у него мундштук [244].

В случае с другими ораторами я уделял мало внимания личным качествам, потому что, как правило, оратора нужно оценивать отдельно от его качеств как человека. При рассмотрении Исея, например, - крайний случай, конечно, - личные качества и особенности вообще не имеют значения. Но в трудах Эсхина встречается так много личных черт, что мы не можем позволить себе пренебречь ими; они являются важными данными для нашей оценки его как оратора, так и общественного деятеля. Поэтому есть некоторое оправдание тому, что его личность рассматривается на сайте более подробно, чем личность любого другого аттического оратора. Вопрос о его общественной морали уже в какой-то степени обсуждался; [245] рассмотрение его более частных качеств, возможно, прольет дополнительный свет на вопрос о его виновности.

Как мы видели, он был в какой-то степени человеком, созданным самим собой; по крайней мере, он поднялся гораздо выше того положения, в котором родился. Во всех его речах мы находим следы гордости за положение и культуру, которых он достиг, - его *vanité de parvenu*, как выражается М. Круазе. Он гордится своим образованием и хвастается им в избытке, не понимая, что тем самым подставляет себя под обвинения в том, что упустил лучшее, что может дать образование. Демосфен справедлив, хотя и на стороне суровости:

"Какое право имеешь ты, - спрашивает он, - говорить об образовании? Ни один человек, действительно получивший хорошее образование, никогда не стал бы говорить о себе в таком тоне, как ты; у него хватило бы скромности покраснеть, если бы кто-то другой сказал о нем такие вещи; но люди, которые не получили должного образования, как ты, и достаточно глупы, чтобы притворяться, что они им обладают, только и делают, что оскорбляют своих слушателей, когда говорят об этом, и совершенно не производят желаемого впечатления" [246].

Эсхин считал ἀταξεία, недостаток образования, почти кардинальным грехом и никогда не мог представить, что сам виновен в этом. [247] Он демонстрирует свою образованность цитатами из поэтов, которые иногда, надо признать, очень подходят к его аргументам, и ссылками на мифологию и легенды, которые иногда бывают фригидными. Использование им истории свидетельствует о довольно поверхностном знании предмета; вряд ли можно предположить, что он изучал, например, Фукидида. Тем не менее, он обладал изрядной долей образованности; то, что сбивает его с пути, - это отсутствие вкуса. Лучше всего он использует цитаты, когда приводит строки Гесиода о человеке, чья вина влечет за собой гибель целого города - отрывок будет процитирован позже. [248] Стихи придают его обличениям настоящую остроту, а мнение, которое он высказывает о воспитательном влиянии поэзии, торжественно и искренне. Но он не может удержаться на этом уровне. Его хваленая образованность приводит к искусственной корректности в действиях и языке, а также к благоразумию, которое совершенно не свойственно его натуре. Он восхищается сдержанностью ораторов времен Солона и величия республики и с отвращением отзывается

о Тимархе, который "сбросил свой плащ и голым совершил *панкратион* в собрании"[249]. В начале той же речи он решительно заявляет о своих достоинствах "умеренности"; в обвинении Тимарха его умеренность заключается в намеке на некоторые отвратительные действия, которые он не называет по имени.

"Прошу вас, господа, простить меня, если, будучи вынужденным говорить о некоторых действиях, которые не являются благородными по природе, но являются устоявшимися привычками обвиняемого, я буду вынужден использовать любое выражение, напоминающее действия Тимарха..... Вина должна лежать на нем, а не на мне. Невозможно избежать всякого употребления таких выражений, ... но я постараюсь избегать этого, насколько возможно"[250].

Обратите внимание на лицемерное умолчание или "опущение" (*paraleipsis*) - риторический прием, знакомый читателям Цицерона, - который намекает на то, что не может доказать:

"Отметьте, афиняне, насколько умеренным я намерен быть в своем нападении на Тимарха. Я опускаю все злоупотребления, в которых он был виновен в детстве. В моем понимании они могут быть не более обоснованными, чем, скажем, действия Тридцати, события до архонства Евклида или любые другие ограничения, которые когда-либо были установлены"[251].

"Я слышал, что это существо" (соратник Тимарха) "совершило некоторые отвратительные преступления, о которых, клянусь Зевсом Олимпийским, я никогда не осмелюсь упомянуть в вашем присутствии; он не стыдился совершать эти поступки, но я не смог бы жить, если бы даже прямо назвал их вам"[252].

Несмотря на скромность обвинителя, конкретные упоминания о преступлениях Тимарха встречаются в речи достаточно часто; сдержанность предполагается для того, чтобы намекнуть, что на самом деле названа лишь десятая часть преступлений. Таким образом, весь тон речи неискренен и нечестен.

С другой стороны, дань уважения оратора к респектабельности судей порой чрезмерна. Им сообщают, что "Тимарх проводил свои дни в игорном доме, где есть яма, в которой проводятся петушинные бои и играют в азартные игры... Представляю, что среди вас есть те, кто видел то, о чем я говорю, а если нет, то слышал об этом"[253] Ни одно большое собрание не могло всерьез воспринять такой комплимент своей невинности, и он, должно быть, был задуман как легкий штрих, чтобы разбавить мрачные тона вокруг него. Подобные игривые выпады нередки, и, как и этот, часто бывают вполне безобидными[254].

Гораздо более серьезные обвинения в адрес Эсхина выдвигает Бласс, который, очень тщательно изучив речь против Тимарха, на хронологических основаниях убедительно доказывает, что большинство обвинений ложны. Конечно, примечательно, что обвинения в безнравственности почти полностью основываются на заявлениях обвинителя. Он выражает опасение, что Мисголас, важнейший свидетель, либо вообще откажется давать показания, либо скажет неправду. Встретить неприятности на полпути - это очень серьезное признание в слабости, что подтверждается дальнейшими комментариями оратора о состоянии дела. У него есть другие свидетели, но "если обвиняемый и его сторонники убедят их также отказаться от дачи показаний - думаю, что не убедят; во всяком случае, не всех - есть одна вещь, которую они никогда не смогут сделать, а именно: отменить правду и репутацию, которую Тимарх носит в городе, репутацию, которую я ему не обеспечивал; он заработал ее

сам". Для жизнь уважаемого человека должна быть настолько безупречной, чтобы не допускать даже подозрения в проступке"[255].

Бласс считает, что мелкие обвинения, направленные против безрассудной расточительности, с которой Тимарх растратил свое наследство, более обоснованы; но и их одним было бы недостаточно, чтобы добиться его осуждения.

Против теорий Бласса мы должны выставить то немногое, что нам известно о фактах. Тимарх, безусловно, был осужден и лишен избирательных прав.[256] Афинские присяжные не были непогрешимыми, и в обычном суде или, как в данном случае, в высшем суде экклесии политические убеждения могли восторжествовать над предвзятостью; тем не менее, человек, невиновный в предъявленном ему обвинении, особенно если он не только не совершил реального политического преступления, но и не играл никакой роли в политических делах - человек, более того, имевший за спиной мощное влияние Демосфена - мог вполне обоснованно рассчитывать на справедливый шанс быть оправданным. Сам Эсхин через несколько лет был оправдан по политическому обвинению, хотя его политическое поведение требовало значительных объяснений, и весь вес Демосфена был не за него, а против него.

Эсхин вполне может испытывать законную гордость за то высокое положение, на которое он поднялся со сравнительно скромной стартовой площадки; но повторять причины этой гордости - проявление тщеславия. Ему нравится говорить о себе как о "советнике этого величайшего из городов", как о друге Александра и Филиппа. Демосфен, - говорит он, - выдвигает против меня факт моей дружбы с Александром"[257]. Демосфен отвечает, что ничего подобного он не делал. "Я упрекаю тебя, говоришь ты, в дружбе с Александром? Как ты мог получить ее или заслужить? Я никогда не буду настолько безумен, чтобы назвать тебя другом Филиппа или Александра, если только мы не хотим сказать, что наши сборщики урожая и наемные работники другого рода являются "друзьями" и "гостями" тех, кто нанял их услуги"[258].

И снова: "На каком справедливом или разумном основании Эсхин, сын Глаукотеи, играющей на бубне, мог иметь своим хозяином, или другом, или знакомым Филиппа?"[259] Оценка положения Демосфеном, вероятно, более верна; Эсхин, при всем его умении, был не тем человеком, каким был Исократ, чтобы встречаться с принцами на равных условиях.

О его тщеславии по поводу своих речей и эффекта, который они произвели, свидетельствуют различные случаи, когда он цитирует их или ссылается на них. Он приводит краткое содержание речи, произнесенной им в качестве посланника Филиппа;[260] речь, произнесенная перед экклесией, описывается в эпитамах;[261] речь, произнесенная перед "тысячами и тысячами аркадян", упоминается.[262] Пресловутая речь, произнесенная перед амфикионами, цитируется довольно долго,[263] и описываются ее катастрофические последствия; восторг оратора от собственной силы полностью ослепил его, когда он осознал серьезные и далеко идущие последствия своей преступной неосмотрительности.

Его личная жизнь, несмотря на некоторые пагубные признания в *"Тимархе"*, кажется, была удовлетворительной по афинским стандартам. Демосфен обвинил его в грубом оскорблении одной олинфской дамы. Было ли это заявление полным вымыслом, мы не можем судить. Эсхин с негодованием отвергает это обвинение и утверждает, что афинский народ, когда оно было выдвинуто, отказался его выслушать, учитывая подтвержденное уважение к его собственной персоне:

"Только подумайте о глупости, пошлости человека, который придумал против меня такую чудовищную ложь, как ложь об олинфянке. Вы обрушили на него шипение в середине рассказа, потому что клевета совершенно не соответствовала моему характеру, а вы хорошо меня знали"[264].

Каким бы ни было его происхождение, он не стыдился его. Он не раз с нежным уважением отзывается о своем отце[265]. Его любовь к жене и детям в одном случае изобретательно представлена в красноречивом пассаже, чтобы повлиять на чувства слушателей. Такое использование "пафоса" было достаточно знакомо греческой аудитории, но Эсхинс демонстрирует свою оригинальность формой, в которую он облакает призыв: он обращается непосредственно к чувствам отдельных слушателей к их собственным семьям, а не просит собрание коллективно пожалеть жертв несчастья:

"У меня от жены моей, дочери Филодема и сестры Филона и Эхекрата, трое детей, дочь и два сына. Я привел их сюда вместе с остальными членами моей семьи, чтобы поставить перед судьями один вопрос и доказать один пункт; к этому я сейчас и приступаю. Я спрашиваю вас, афиняне, считаете ли вы вероятным, что, пожертвовав своей страной, обществом друзей и правом на участие в богослужении и погребении отцов, я могу предать Филиппу тех, кого люблю больше всего на свете и ценю его дружбу выше, чем их безопасность? Разве я когда-нибудь становился рабом низменных удовольствий? Совершал ли я когда-нибудь столь низкие поступки ради денег? Нет; не Македон делает человека хорошим или плохим, а природа; и когда мы возвращаемся из посольства, мы остаемся теми же людьми, какими были, когда вы нас отправляли"[266].

Наконец, он мог говорить о себе с достоинством, как в цитированном выше отрывке[267], где он опровергает обвинение против своего личного характера, и в следующем:

"Мое молчание, Демосфен, объясняется умеренностью моей жизни; я довольствуюсь малым; у меня нет низменного стремления к величию; и поэтому мое молчание или моя речь объясняются тщательным обдумыванием, а не необходимостью, навязанной привычкой к экстравагантности. Вы, как я полагаю, привыкли молчать, когда получаете желаемое; когда же вы его тратите, вы повышаете голос"[268].

§ 4. Стил

Словарный запас Эсхина состоит в основном из слов обычного употребления, не требующих комментариев. Хотя он был большим поклонником поэзии, в его обычном письме не больше поэтических или необычных слов, чем у любого другого оратора.

Разница между его стилем и стилем такого писателя, как Лисий, заключается, по сути, не в словарном запасе, а в тоне; тон Эсхина более приподнятый. Он склонен употреблять слова сильнее, чем нужно: "гневаться", когда нужно только удивляться; "чрезмерно возмущаться", когда достаточно умеренного негодования; "презирать", когда достаточно просто не любить.[269] Он делает ненужные обращения к богам чаще, чем любой другой оратор, кроме Демосфена. Преувеличение - это часть секрета его *великолепного verborum*, как описал его римский критик; но гораздо большая часть - это его инстинкт использования вполне обычных слов в самых эффективных комбинациях. Его лучшие отрывки, если их проанализировать, почти не содержат слов, которые вообще выходят за рамки обыденности, и все же их сила и достоинство не вызывают сомнений.[270] Древние, однако, отказывали Эсхину в чистоте дикции, возможно, из-за только что описанных особенностей.

Он, как замечает Бласс, иногда неясен; то есть можно найти предложения, которые не совсем легко понять; но в целом они очень редки. Ни один писатель, даже Лисий, не может быть всегда предельно ясным.^[271] Как правило, Эсхин так же прост в построении своих предложений, как и в организации своих речей, и его гораздо легче понять, чем, например, Демосфена.

У него нет того изящества и краткости, которыми критики восхищаются как главными достоинствами Лисия; иногда встречаются ненужные повторы слов, иногда используются два синонима там, где достаточно одного слова; но такие повторы часто дают нам ясность, хотя и в ущерб строгой форме, а накопление синонимов усиливает акцент.^[272] Только великий художник, который совершенно уверен, что нашел нужное слово, чтобы адекватно выразить весь свой смысл именно таким способом, может позволить себе обойтись без лишних штрихов. Эсхин не является совершенным художником языка; он стремится не к художественной красоте, а к эффекту, для которого стиль - лишь подчиненное вспомогательное средство. Сочинение художественной прозы для него далеко не самоцель.

Его речи предназначались не для чтения литераторами, а для произнесения с трибуны, и он стремился не угодить вкусу критиков, а подействовать на страсти простых граждан. Некоторые из его самых важных ораций вообще не были написаны, хотя он, вероятно, сохранил их записи,^[273] а три, которые он полностью записал, были сохранены не из-за их литературной красоты, а из-за их темы. Время культурной риторики прошло; ход событий требовал такого ораторского искусства, которое побуждало бы людей к действию. Что касается эффективности его речей, то здесь не может быть никаких сомнений. Мы знаем - конечно, по его собственному авторитету, но это никогда не оспаривалось, - как его проповедь взволновала амфикионов; и мы знаем, что, не обладая никакими выдающимися моральными качествами, не имея никаких преимуществ благодаря семейному влиянию и не имея определенных политических принципов, он стал властью в Афинах исключительно благодаря своему красноречию.

Эсхин очень сильно варьирует длину своих предложений; некоторые из них длинные и состоят из цепочек причастных и относительных оборотов. Однако они встречаются в основном в повествовательных отрывках, где такой дискурсивный стиль вполне оправдан: например, длинные предложения в *de Legatione*, §§ 26-27, §§ 75-77 и § 115, содержат отчеты о предыдущих речах самого Эсхина. Первое из них (§§ 26-27) монотонно из-за серии генитивов *absolute*, которые образуют неумеренно длинный протасис, причем основной глагол появляется только ближе к концу предложения, а затем следует еще одна генитивная клаузула.

В длинном предложении в начале *Ктесифона* дается *резюме* обстоятельств, побудивших оратора говорить; клаузы в основном связаны *καί*, хотя все зависят от относительного глагола в начале. В построении таких предложений нет никакого мастерства, а их возможная длина ограничена только количеством воды в *клепсидре*. До определенной длины они убедительны, но если этот предел превышен, эффект теряется, так как смысл, который оратор хочет донести, слишком долго откладывается, поскольку основная клаузула, содержащая утверждение, которое предшествующие относительные клаузулы иллюстрируют или объясняют, не достигается до тех пор, пока тяжелое скопление относительных клауз не утомит восприятие.

В целом, однако, Эсхин умерен в длине; его предложения в среднем короче, чем у Исократы, и он молчаливо придерживается правила, что период не должен быть настолько длинным, чтобы его нельзя было произнести на одном дыхании.

Не будучи педантом, он отнюдь не был лишен вкуса к композиции. Во всех речах мы находим примеры намеренного избегания хиатусов, а в *de Legatione* он проявил некоторую осторожность в этом вопросе.

Обычно, хотя и не всегда, избегание можно проследить по необычному порядку слов.^[274] Примеры резкого хиатуса редки, хотя есть много малозначительных случаев. Помимо теоретических правил, хороший оратор будет инстинктивно избегать неловких сочетаний букв, ведь благозвучие необходимо для беглой речи. Эсхин, уверенный в том, что владеет идеальной подачей, мог допускать звуки, которые Исократ и другие теоретики считали грубыми; его волновала практическая декламация.

Использование риторических "фигур" - выдающаяся характеристика Эсхина. Словесные контрасты, которыми пользовались Горгий и софисты, многие из которых кажутся нам такими холодными и утомительными, у Эсхина в слишком большой чести; например, чисто формальная антитеза - "Он упоминает имена тех, чьих тел он никогда не видел"^[275], где звук -ὄνόματα, σώματα - более важен, чем смысл. Эффект таких "похожих окончаний" (*homoeoteleute*), как правило, не может быть воспроизведен, хотя иногда игра слов указывает на него: *напр.* οὐ τὸν τρόπον ἀλλὰ τὸν τόπον μόνον μετέλλαξεν - "he has changed, not his habits, but only his habitation."^[276] В таком ассонансе несомненна нацеленность на комический эффект. Насильственный повтор слов встречается в таких предложениях, как: "Что я видел, я доложил вам, как видел; что я слышал, как слышал; что же я видел и слышал о Серсоблептесе? Я видел..." и т. д.^[277] Повторения такого и подобного рода, кажется, временами выходят из-под контроля оратора и теряют всякую меру^[278].

Эсхин, похоже, не уделял внимания ритмическому письму; его стиль слишком свободен, чтобы связывать себя ненужными ограничениями; стихи и метрические отрывки встречаются изредка, но редко. Похоже, что он попал в них случайно, поскольку они встречаются в местах, где нет особых точек, отмеченных необычным ритмом^[279].

Прямые цитаты из поэзии, к которой он питал большую симпатию, напротив, очень часты. Ни один оратор, кроме Ликурга, не может сравниться с ним в этом отношении, причем Ликург использует свою способность к цитированию с гораздо меньшей силой, чем Эсхин, который часто применяет ее метко. Он создает впечатление, что за его цитатой из Гесиода стоит серьезная религиозная убежденность:

"Часто весь город должен страдать за грех одного человека"^[280].

В других случаях цитаты чрезмерно длинны и, как у Ликурга, почти не имеют отношения к сути дела.

Его метафоры иногда яркие и хорошо подобранные - ἀμπελοφυγεῖν τὴν πόλιν - "лишить город виноградника"; ἔναυλον ἦν πᾶσιν - "это вдалбливалось всем в уши". Некоторые из наиболее ярких примеров встречаются в отрывках, которые якобы являются цитатами или пересказами Демосфена: *например.* ἐπιτομίσαι, "укротить" военную партию; ἀπορράψειν τὸ Φιλίππου στόμα, "зашить рот Филиппу".^[281] Это, вероятно, карикатуры на смелые фразы Демосфена.

Переходя от рассмотрения материалов к готовому продукту, мы видим, что Эсхинес может достичь высокого уровня стиля. Его обличение резких практик, преобладающих в его время, впечатляет; мы знаем, что он говорит правду, и не совершает ошибки, преувеличивая. Серьезность смягчается, но не ослабляется легкой нитью сарказма, которая проходит через всю ткань:

"Слушание таких дел, как рассказывал мне отец, проходило совсем не так, как у нас. Судьи были гораздо строже к тем, кто предлагал незаконные меры, чем прокурор, они часто прерывали секретаря и просили его заново прочесть законы и декрет; и виновными признавали не тех, кто перечил всем законам, а тех, кто нарушал один-единственный пункт. Нынешняя процедура смехотворна до невозможности: секретарь зачитывает незаконный декрет, а судьи, словно слушая заклинание или что-то, их не касающееся, сосредотачивают свои мысли на чем-то другом. И вот уже, благодаря приемам Демосфена, вы допускаете позорную практику; вы позволили изменить ход правосудия, так как обвинитель выступает в защиту, а подсудимый ведет свое обвинение; судьи иногда забывают, в каком деле они призваны быть арбитрами, и вынуждены голосовать по вопросам, которые они не должны решать. Обвиняемый, если он вообще ссылается на факты, говорит вам не о том, что его предложение было законным, а о том, что кто-то другой предлагал подобные меры до него и был оправдан"[282].

Следующий отрывок много раз отмечался, и справедливо, как прекрасный пример высокого стиля риторики Эсхина. Взятый в отрыве от контекста и без учета истинности инсинуаций, которые в нем содержатся, он представляет собой выдающийся образец "патетической" мольбы. Римляне, любящие эпиграмматический контраст, приписывали Эсхину больше звука и меньше силы, чем Демосфену. Это верно, если рассматривать их произведения в целом; но в отдельных отрывках, таких как этот, Эсхин встает в один ряд с лучшими аттическими ораторами:

"Фивы, наши соседи Фивы, в течение одного дня были вырваны из среды Греции; справедливо, возможно, потому что в целом она следовала ошибочной политике; но не человеческий суд, а божественное предписание привело ее к ошибке. И бедные лакедемоняне, которые вмешались в это дело только первоначально в связи с захватом святилища, те, кто когда-то мог претендовать на роль вождей греков, теперь должны быть посланы к Александру, чтобы предложить себя в качестве заложников и объявить о своем бедствии; они и их страна должны подчиниться любому обращению, на которое он решится, и быть судимыми милосердием завоевателя, который был пострадавшей стороной. А наш город, общее убежище всех греков, к которому раньше из Греции приходили посольства, чтобы получить от нас безопасность, город за городом, теперь борется не за руководство греками, а за саму почву своего отечества. И это постигло нас с тех пор, как Демосфен взял на себя руководство нашей политикой". В одном из отрывков Гесиода содержится торжественное предупреждение, подходящее для такого случая. Я полагаю, что он говорит об этом с целью просветить народ и посоветовать городам не брать себе злых вождей.

Я процитирую эти строки, поскольку считаю, что в детстве мы заучиваем наизусть изречения поэтов, чтобы в зрелом возрасте применять их на практике.

Часто за грех одного человека страдает весь город,
Который замышляет коварный совет и ходит злыми путями,
На таких Бог посылает разрушение, голод и чуму,
И разрушает их стены и войска, и разбивает их корабли на море"[283].

Мы знаем, что Эсхин очень серьезно относился к образованию - более серьезно, чем к чему-либо другому, - и его ссылка здесь на воспитательное влияние поэтов служит доказательством его серьезности, которая, возможно, была преходящим чувством, но на данный момент - сильным.

Если отбросить несколько таких серьезных пассажей, Эсхинес проявляет себя с лучшей стороны, когда прямо обвиняет Демосфена. Его нападки почти всегда отличаются юмористической манерой, что не делает их менее убедительными, и в них, как правило, содержится достаточно правды, чтобы сделать их злобу эффективной. Тот факт, что сам Эсхин слишком глубоко уважал правду, чтобы быть расточительным в ее использовании, не уменьшает ярости его нападок на правдивость своего соперника, а любой вопрос о точности его утверждений утонул бы в смехе, который последовал за заключительным абзацем:

Когда другие самозванцы говорят ложь, они стараются говорить туманно и неопределенно, боясь быть уличенными в неправде; но когда Демосфен пытается навязать вам свою ложь, он, во-первых, подкрепляет ее клятвой, накликая на себя вечную гибель; Во-вторых, хотя он знает, что вещь вообще никогда не может произойти, он осмеливается говорить, красиво рассчитывая день, когда она произойдет; он произносит имена людей, лиц которых он никогда не видел, обманывая вас, чтобы вы его услышали, и принимая вид правдивости; и таким образом он полностью заслуживает вашего отвращения, поскольку, будучи таким негодяем, как он, он дискредитирует обычные доказательства честности.

Поговорив таким образом, он дает секретарю прочитать указ - нечто более длинное, чем *"Илиада"*, и более пустое, чем речи, которые он произносит, или жизнь, которую он вел; полное надежд, которые никогда не осуществляются, и армий, которые никогда не будут собраны"[284].

Приятный обычай, которому следовали ораторы древности, будь то греческие или римские, осквернять могилы предков своих политических противников и порочить их личную жизнь, может быть так же хорошо проиллюстрирован на примере Эсхина, как и на примере его соперника. Эсхин не проявляет особой оригинальности в конкретных выражениях - у Динарха большее разнообразие оскорбительных слов, - но следующий отрывок из его инсказаний о Демосфене более эффективен, потому что более умерен по тону, чем невероятные оскорбления, которыми последний описывал семейные обстоятельства и карьеру Эсхина:[285]

"Итак, по деду он должен быть врагом народа, ибо ты осудил его предков на смерть; но по матери он скиф, варвар, хотя и говорит по-гречески; так что даже его нечестие не от рода. А что касается его повседневной жизни? Когда-то он был триерархом, потом снова стал спичрайтером, каким-то нелепым образом промотав свое состояние; но так как в этой профессии он попал под подозрение в разглашении речей другой стороне, он связался с трибуналом; и хотя он брал большие суммы денег от своей администрации, он сохранил очень мало для себя. Теперь, однако, сокровища короля утопили его расточительность, но даже этого будет недостаточно, ибо никакое мыслимое богатство не может пережить дурные привычки.

Хуже всего то, что он зарабатывает на жизнь не за счет своих личных источников дохода, а за счет вашей опасности"[286].

Но лучше всего он проявляет себя в тех случаях, когда какой-нибудь незначительный промах оппонента дает ему возможность придать значимость пустяковому инциденту. В следующей

карикатуре нерешительность Демосфена лучше выражена колебаниями, вложенными в его уста, чем это могло бы сделать самое красноречивое описание в третьем лице:

"В то время как я произносил эту речь, Демосфен закричал во весь голос - все наши сограждане могут поддержать мое заявление, ибо, помимо других своих пороков, он является приверженцем Беотии. Он сказал примерно следующее: "Этот парень полон духа буйства и безрассудства; признаю, что я сделан из более мягкого материала и боюсь опасностей вдали. Однако я бы запретил ему поднимать смуту между государствами, ибо считаю, что правильнее всего нам, послам, ни во что не вмешиваться. Филипп идет к Фермопилам; я закрываю лицо. Никто не осудит меня за то, что Филипп взялся за оружие; меня будут судить за любое лишнее слово, которое я произнесу, или за любое действие, в котором я превышу свои инструкции"[287].

Неудача Демосфена, когда ему представилась возможность произнести впечатляющую речь перед Филиппом во время первого посольства, служит основой для превосходной комедии Эсхина. Демосфен, по словам его соперника, обычно был настолько невыносим в качестве собеседника, что его коллеги отказывались оставаться с ним в одном жилище, когда появлялся другой; но он находил возможность внушить им собственное ощущение своей значимости как оратора. Об этих профессиях хорошо сказано в нескольких словах. Рассказ о его неудаче, о покровительственной поддержке Филиппа, о фиаско, которым закончилась вся процедура, набросан с тонкой злобой, которая, должно быть, сделала невозможной любую защиту или объяснение; кажется, Демосфен и не пытался ответить:

Когда эти и другие речи были произнесены, настала очередь Демосфена выступить в посольстве, и все были очень внимательны, ожидая услышать речь исключительной силы; ведь, как мы узнали позже, даже Филипп и его спутники слышали о его честолобивых обещаниях. Когда все приготовились слушать его, грубиян произнес какой-то непонятный экзорцизм, полумертвый от нервозности, и, немного продвинувшись по поверхности темы, вдруг остановился, замешкался и, наконец, совсем сбился с пути. Филипп, видя, в каком он состоянии, призвал его взять себя в руки и не думать, что он потерпел неудачу, потому что, подобно актеру, забыл свою роль; но постараться спокойно и мало-помалу прийти в себя и произнести речь так, как он ее задумал. Но, раз вспылыв и потеряв нить написанной речи, он не мог прийти в себя; он попробовал еще раз и потерпел ту же неудачу. Наступило молчание, после чего герольд отпустил посольство"[288].

Эсхин не только преуспел в этом классе косвенных карикатур, но и мог вызвать смех одной фразой. Известно, что Мидий после различных позорных ссор поставил точку в своей наглости, публично напав на Демосфена, чье лицо он ударил в театре. Демосфен во многих случаях делал капитал из этого нападения; этот факт вдохновляет замечание Эсхина: "Его лицо - это его удача"[289] О его ловкости в репризах можно привести один пример: Демосфен, в порыве негодования, предложил суду отказаться от впечатления, произведенного ораторским искусством человека, заведомо коррумпированного, но скорее предубедить его против него.[290] Эсхин, уловив слова, а не дух, ответил: "Хотя вы, господа, дали торжественную клятву беспристрастно выслушать обе стороны, он осмелился призвать вас не слушать голос ответчика"[291].

§ 5. Обращение с предметами: общая оценка

За время пребывания в должности *ὑραγματεὺς* - секретаря экклесии - Эсхинс, должно быть, приобрел глубокие знания о процедуре этого собрания и о праве. Это проявляется в его

общем отношении к своим предметам, и особенно в его юридических аргументах, которые ясны и убедительны. В речи против Ктесифона, где нарушения в разбирательстве короны Демосфена дали ему хороший повод для спора, он приводит очень веские аргументы.

В структуре своих речей он придерживается хронологического порядка. Он хорошо понимал, что стиль его красноречия естественно ложится на яркое и привлекательное повествование. Его многогранность не позволяет ему стать утомительным; в одно время он может говорить с благородной торжественностью, которая напоминает М. Круазе о красноречии кафедры,[292] в другое - легкость его прикосновений почти скрывает горечь его чувств и серьезность его цели.[293] Он может говорить о себе с достоинством, о своей семье - с истинным чувством; тщательные аргументы сменяются ясным изложением; четкий допрос, усиленный сильным сарказмом, - мастерским изложением. Он может пробудить интерес своих слушателей указанием курса, которым он намерен следовать, и этот интерес поддерживается всеми ресурсами красноречия, которое, хотя иногда и софистическое, и хотя и обезображенное случайными недостатками, имеет больше естественности и показывает меньше следов схоластической проработки, чем у любого другого великого оратора. Он умнее Андокида, разнообразнее Лисия, живее Исея.

Его природные дарования ставят его выше Ликурга, хотя наше понимание высокого характера последнего дает ему весомые основания для нашего рассмотрения. Бласс ставит его ниже Гиперида, но изучение легких отрывков из "Эсхина" заставляет нас поверить, что, если бы он обратил свое внимание на частные случаи, он мог бы сравняться или превзойти этого отточенного оратора на выбранной им самой почве. Единодушное мнение древних и современных людей ставит его гораздо ниже Демосфена, который стоит особняком, не имея соперников; но в одном качестве, по крайней мере, он превосходит этого образчика. Демосфен, по мнению Лонгина, склонен заставлять слушателей смеяться не с ним, а над ним;[294] Эсхин же никогда не обращает смех против себя. Эсхина, возможно, читают меньше, чем он того заслуживает; он пострадал от исторической предвзятости, а распространенное презрение к его качествам государственного деятеля привело к неоправданному пренебрежению его достоинствами оратора. В этом суждении нет ничего необычного; другие ораторы точно так же страдали от рук предвзятых историков[295].

Интересно прочесть рассказ об Эсхине в "Аттической беседе" Бласса; одаренный ученый, очевидно, начинает с сильного предубеждения против своего автора и почти слишком готов настаивать на его недостатках; но раз за разом он вынужден признавать существование положительных достоинств, и в конце концов он, кажется, почти против своей воли был вынужден изменить свое суждение; а тщательность и беспристрастность, с которой он подробно описал все моменты, как хорошие, так и плохие, дает материал для более благоприятной оценки, такой как у Круазе.

§ 6. Содержание речей

Краткое изложение содержания трех речей может завершить эту главу.

1. Против Тимарха.

Речь начинается (§§ 1-2) с изложения мотивов обвинителя; в § 3 излагается позиция, которую он намерен занять, - что Тимарх, нарушив законы, сделал неизбежным возбуждение этого дела. Законы, относящиеся к данному вопросу, зачитываются и полностью обсуждаются (§§ 4-36).

Это предварительное юридическое изложение, не связанное с конкретным делом, ставит обвинение на более прочную основу, чем если бы речь сразу началась с повествования.

§§ 37-76. *Первое обвинение* (безнравственность). Рассказ о личной жизни Тимарха, перемежающийся доказательствами и аргументами в пользу его политических недостатков.

§§ 77-93. Примеры инвалидности, наложенной по другим основаниям. Прецеденты вынесения приговора в соответствии с общепринятыми представлениями даже при недостатках доказательств.

§§ 94-105. *Второе обвинение*. Тимарх - расточитель. Рассказ и доказательства о его расточительности.

§§ 106-115. *Третье обвинение*. Его развращенность в общественной жизни.

§§ 116, пересказ. §§ 117-176, предвосхищение защиты.

§§ 177-195. Эпилог, заранее объявленный (§ 117) как "увещание к добродетельной жизни". § 196, краткое заключение: "Я наставил вас в законах, я изучил жизнь обвиняемого; теперь я удаляюсь, оставляя дело в ваших руках".

2. О посольстве.

Демосфен обвинил Эсхина в измене; его речь, как следует отметить, касается только второго посольства и событий в Афинах после него, хотя он делает некоторые ссылки на третье посольство и подразумевает, что Эсхин был развращен еще до второго. Он не придерживается хронологического порядка, поэтому за его рассказом трудно уследить. Эсхин же, напротив, производит впечатление ясности, излагая все события в хронологическом порядке; но это вводит в заблуждение, поскольку, чтобы отвлечь внимание от периода, когда его поведение было сомнительным, он тратит непропорционально много времени на описание первого посольства, в связи с которым Демосфен не выдвигает никаких обвинений.

В экзордиуме (§§ 1-11) содержится убедительный призыв к беспристрастному рассмотрению дела. События первого посольства к Филиппу являются предметом забавного повествования за счет Демосфена (§§ 12-39); возвращение посланников, их отчеты и т. д. занимают §§ 40-55. В остальной части речи такой же ясности нет. Эсхину приходится защищаться от различных обвинений, выдвинутых против него самого, поэтому простого изложения недостаточно. Главные обвинения заключались в том, что Эсхин находился на службе у Филиппа и что он обманывал народ относительно намерений Филиппа, тем самым подталкивая его к действиям, которые оказались губительными. Первое обвинение Демосфен доказать не смог, как бы ни были сильны его подозрения; факты, касающиеся Филократова мира и задержки с ратификацией соглашения с Филиппом, были общеизвестны; вопрос был только в намерениях. Защита Эсхина заключается в том, что он обманул народ, потому что сам был обманут - признание в легковерии и некомпетентности. Повествование не является непрерывным: подробности о посольстве к Филиппу, посольстве к аркадянам и судьбе Церсоблепта в некоторой степени перемешаны. Также упоминаются некоторые конкретные обвинения, например, дело олинфянки, речь перед амфикионами, пение пазна и т. д. В двух последних случаях защиты нет, но есть попытка оправдания (§§ 55-170). Эпилог начинается с исторического обзора афинских дел, взятого либо у Андокида, либо из какой-нибудь популярной книги, и содержит обычный призыв к судьям спасти оратора от злобы его противников.

В конце он призывает Эвбула и Фокиона говорить за него. (§§ 171-178.)

На этих страницах подчеркивался несколько разрозненный характер разделов, посвященных основным обвинениям, и нельзя отрицать, что защита иногда бывает нечеткой; кажется, что Эсхин стремится не опровергнуть, а уклониться от обвинений. Эти недостатки выявляются при анализе, но в целом речь представляет собой прекрасную защиту и делает оправдание оратора вполне понятным.

3. Против Ктесифона.

Речь начинается с изложения банальной банальности в стиле Андокида о порочной хитрости оппонентов оратора и его собственном простом доверии к законам. Эсхин предлагает доказать, что процедура Ктесифона была незаконной, его заявления ложными, а действия вредными. (§§ 1-8.)

Первое обвинение: "Предложение о даровании короны Демосфену было незаконным, так как Демосфен в то время нес ответственность за εὐθυνα (§§ 9-12). Несмотря на все утверждения об обратном, рассмотрение законов убедительно доказывает, что Демосфен подлежал такой ответственности". (§§ 13-31.)

Второе обвинение: "Провозглашение короны в театре было незаконным". (§§ 32-48.)

Третье обвинение: "Утверждения, на которых было сделано предложение, а именно, что публичный совет и публичные действия Демосфена отвечают интересам народа, являются ложными" (§ 49).

Первые два обвинения рассматриваются с помощью юридической аргументации, в которой Эсхин, как обычно, проявляет значительные способности. Третья и самая длинная часть речи (§§ 49-176) менее удовлетворительна. Оратор предлагает оставить в стороне личную жизнь своего врага, хотя и намекает, что можно привести множество случаев, доказывающих ее общую никчемность (§§ 51-53), и заняться только его государственной политикой. Это он и делает, причем в хронологическом порядке и очень подробно. Описываются многочисленные случаи, когда политика Демосфена была пагубной для Афин. Аргументы, которыми перемежается повествование, часто носят тривиальный характер, иногда состоят из апелляции к суевериям, как, например, когда он рассказывает, что войска были посланы в Хаэронею, хотя не были совершены надлежащие жертвоприношения, и попыток показать, что Демосфен - ἀλιτήριος, за грех которого должен пострадать весь город. Взятые в деталях, некоторые из этих отрывков впечатляют; но слабость всей книги в том, что сам Эсхин не провозглашает никакой серьезной или систематической политики. В этом разделе случайно встречаются отступления, в соответствии со вкусом того времени, о семье и характере Демосфена[296].

В §§ 177-190 содержатся некоторые ссылки на героев древности, в порядке недоброжелательного сравнения; в §§ 191-202 - об ухудшении процедуры в судах[297].

§§ 203-205 - пересказ; §§ 206-212 - дальнейшие обвинения Демосфена и §§ 213-214 - Ктесифона. §§ 215-229, в основном опровержение обвинений против Эсхина. §§ 230-259, дальнейшее общее обсуждение незаконности мер и недостойности Демосфена. Заключительное обращение к прошлому - "Не думаешь ли ты, что Фемистокл и герои, павшие при Марафоне и Платее, и сами могилы наших предков будут громко стонать, если корона будет дана тому, кто вместе с варварами участвует в концертах по разрушению Греции?" - резко и гротескно заканчивается призывом к "Земле и Солнцу, Добродетели, Разуму и Образованию, благодаря которым мы различаем благородных и низких".

Это странным образом напоминает нам призывы, вложенные Аристофаном в уста Еврипида[298].

ГЛАВА IX ДЕМОСФЕНЫ

§ 1. Введение

Искусство риторики не могло идти дальше Исократ, который не только владел стилем, настолько совершенным, насколько его могла сделать техническая сноровка, но и передал своим многочисленным ученикам искусство составлять звучные фразы и связывать их в сложные периоды. Любой молодой претендент на литературную славу мог теперь научиться у него писать беглой легкой прозой, что было бы невозможно для Фукидида или Антифона. Если в некоторых случаях стиль кажется настолько изощренным, что тема отходит на второй план, то это вина не столько художника, сколько человека. Исократ никогда не писал в горячке; его величайшие произведения были написаны во время учебы; он слишком рефлексивен и беспристрастен, чтобы быть по-настоящему жизненной силой.

С Демосфеном и его современниками дело обстоит иначе: они активно занимаются политикой, движимые сильным партийным чувством, обуреваемые личными страстями. Таков был итог политической ситуации: как в поколении, непосредственно следовавшем за правлением олигархического Тридцати в Афинах, чувства были сильны, так и теперь, когда Афины и вся Греция боролись не с олигархией, а с империей суверенного правителя, их глубины были взбудоражены.

Новой особенностью этого периода стала публикация политических речей. Со времен самого раннего оратора - Антифона - профессиональные *логографы* сохраняли свои речи в письменном виде. Большинство из них были произнесены по незначительным делам, имеющим только личное значение, хотя некоторые орации Лисия и других косвенно касаются политических вопросов.

Другой класс речей, которые обычно сохранялись, - *это эпидейктические оратории*, подготовленные для произнесения на каком-либо большом собрании, например, на религиозном празднике или общественных похоронах. Исократ был новатором, написав в форме речей то, что на самом деле было политическими трактатами; но они были написаны только для читателя и никогда не предназначались для произнесения.

Среди современников Демосфена мы находим некоторое разнообразие в практике. Некоторые ораторы, такие как Демадес и Фокион, никогда не публиковали речей и, похоже, даже не готовили их перед произнесением. Они полагались на свое мастерство импровизации.

Другие, например Эсхин, Ликург и Динарх, пересматривали и публиковали свои судебные речи, особенно те, которые имели политическое значение. Гиперид и Демосфен, помимо этого, в некоторых случаях предоставляли миру исправленную версию своих публичных выступлений. Демосфен не всегда публиковал такие речи; есть значительные периоды его политической жизни, которые не представлены ни одной письменной работой; но он,

похоже, хотел сделать постоянную запись определенных высказываний, содержащих объяснение его политики, чтобы те, кто не слышал его речи или не полностью понял ее значение, могли иметь возможность продолжить изучение его взглядов после того, как эфемерный эффект его красноречия пройдет. Вероятно, большинство опубликованных речей относятся к тем временам, когда его партия не была доминирующей в государстве, и оппозиции приходилось подкреплять свои речи письменными. Результат важен в двух отношениях, поскольку речи представляют собой серьезный вклад в литературу, имеющий большое значение для изучения развития греческой прозы; кроме того, они имеют еще большую историческую ценность, поскольку, несмотря на недостоверность некоторых деталей, дают прекрасный материал для понимания политической ситуации, целей и принципов антимакедонской партии.

§ 2. Жизнь и т. д.

Оратор Демосфен родился в Афинах в 384 г. до н. э. Его отец, Демосфен, из дема Пеания, был богатым производителем мечей; его мать была дочерью афинянина по имени Гилон, который покинул Афины из-за обвинения в измене в конце Пелопоннесской войны, поселился в окрестностях Киммерийского Боспора (Крым)[299] и женился на богатой женщине, уроженке этого района. Мы больше ничего не знаем о ней, кроме того, что Эсхин описывает ее как скифку. Возможно, она была эллинского происхождения; даже Плутарх сомневается в утверждении Эсхина, что она была варваром; подозрений, однако, было достаточно для Эсхина, который мог назвать своего врага грекоговорящим скифом.

Демосфен-старший умер, оставив сына семи лет и дочь пяти лет. По его завещанию два племянника, Афобос и Демофон, и друг Териппид были назначены попечителями. Двое первых, как ближайшие родственники, должны были, по аттическому обычаю, жениться на вдове и ее дочери, но эти положения не были выполнены. В годы несовершеннолетия Демосфена его опекуны разорили мечевое дело своей бесхозяйственностью и растратили накопленные доходы.

В восемнадцать лет Демосфен, воспитывавшийся матерью, предъявил претензии на отцовское наследство. Опекуны различными способами пытались помешать ему, и три года ушли на попытки компромисса и экзамены перед третейскими судьями. В это время Демосфен изучал риторику и судопроизводство у Исея, чьим методам он так глубоко обязан своими ранними речами, что современник заметил: "Он проглотил Исея целиком"[300]. Наконец, когда ему исполнился двадцать один год, ему удалось обратиться в суд со своими претензиями; благодаря обучению Исея он смог вести свое дело и выиграл его. Изобретательность его противников позволила им вовлечь его в дальнейшее судебное разбирательство, которое длилось еще, возможно, два года. В конце концов он одержал победу, но к тому времени, когда он вернул свое наследство, от него осталось совсем немного.

Вынужденный искать средства к существованию, он стал писать речи, чем и занимался большую часть своей жизни.[301] Он делал речи для других, как его отец делал мечи, и был таким же хорошим мастером, как и его отец. С помощью этого нового ремесла ему удалось поправить свое пошатнувшееся состояние.

Помимоковки такого оружия для других, он обучал учеников искусству риторики. От этой практики он, по-видимому, отказался вскоре после 345 года до н. э., когда государственные дела стали отнимать у него больше всего сил.[302] С этого времени он с отличием владел мечом собственного изготовления.

Говорят, что, едва достигнув совершеннолетия, он попытался выступить в эkkлeсии и потерпел неудачу. Его голос был слишком слабым, речь несовершенной, а стиль неподходящим. Неудача лишь вдохновила его на тренировки, чтобы преодолеть свои природные недостатки. Мы знакомы с легендами о том, как он произносил речи с камешками во рту и бегал в гору, о его занятиях в пещере на берегу моря, где он пытался сделать свой голос слышным над грохотом волн.

Тренировки, которым он подвергал себя, позволили ему в значительной степени преодолеть все недостатки, от которых он, возможно, страдал, но он никогда не обладал таким голосом и дикцией, как у Эсхина. Легенды, бытовавшие во времена Плутарха, представляют его поглощенным изучением лучших прозаиков. Согласно одной из традиций, он восемь раз переписывал историю Фукидида. Это не обязательно принимать, но можно считать несомненным, что он тщательно изучал стиль автора. Возможно, он не был учеником Исократы или Платона, но у первого он должен был многому научиться в плане построения прозы и ритма, а работы последнего, хотя он и не соглашался с великим принципом Платона, что мудрый человек избегает *агоры* и судов, вполне могли вдохновить его на многие великодушные идеи, которые лежат в основе его политики. Изучив такие отрывки, как Мелианский спор и другие, в которых историк основывает справедливость на праве более сильного, он, возможно, с облегчением обратился к более благородным рассуждениям о справедливости в Республике, и действительно, в своем представлении о том, что есть добро и благо, Демосфен гораздо ближе к философу, чем к историку.

Профессиональный оратор в Афинах может специализироваться на каких-то конкретных делах и, ограничив таким образом свою сферу деятельности, стать настоящим экспертом в одном отделе, как это сделал, например, Иссей в суде по делам о завещаниях; или, с другой стороны, он может заниматься довольно общей практикой. У фермера может возникнуть спор с соседями по поводу границ его участка или ущерба, причиненного разливом поверхностных вод;[303] тихий гражданин может искать защиты у закона в случае нападения, против которого он не мог или не хотел совершить возмездие натурой;[304] страховщик, обманутый в какой-то сомнительной морской сделке, может пожелать привлечь к ответственности другого плута.[305] Но помимо этих частных дел, будь то чисто гражданские[306] или практически, если не технически, уголовные, есть и другая работа, более важная для *логографа*. Государство может пожелать привлечь к ответственности чиновника, злоупотребившего его доверием. Во времена, когда честность встречается реже, чем ум, оно может столкнуться с необходимостью назначить прокурора скорее за его известную честность, чем за его способности в судах. Такому обвинителю потребуется профессиональная помощь, и эта необходимость вызвала к жизни некоторые из ранних политических речей Демосфена "*Против Андротиона, Тимократа и Аристократа*" (355-352 гг. до н. э.). Примечательно, что у нас нет никаких следов его работы между речами против своих опекунов и первой из этой последней группы. Вероятно, эти десять лет он провел частично в учебе, а частично в ведении дел, которые выпадали на долю начинающего. За это время он, должно быть, постепенно приобрел репутацию, но, возможно, не пожелал сохранить записи о своих первых сочинениях, которые, когда он достиг зрелости как адвокат, не могли показаться ему достойными его репутации.

Невозможно преувеличить значение этих разнообразных занятий для карьеры Демосфена. В течение этих ранних лет он должен был познакомиться со многими отраслями права; он был введен в близкие отношения с людьми всех классов и всех оттенков политических взглядов. Чтобы быть полезным в качестве заместителя в политических делах, он должен был тщательно изучить политику. Такие занятия имели огромное значение для воспитания

государственного деятеля, и благодаря полуобщественным делам, в которых он участвовал, хотя и не по своей воле, и, возможно, не всегда в соответствии со своими убеждениями, постепенно должны были сформироваться его собственные политические взгляды.

В 354 году до н. э., на следующий год после суда над Андросионом, Демосфен лично предстал перед дикастерией от имени Ктесиппа в деле против Лептинов. Это было дело определенной политической важности. Через несколько месяцев он выступил в собрании с речью *"О симмориях"*, за которой вскоре последовала еще одна публичная речь *от имени жителей Мегалополиса* (353 г. до н. э.). Два года спустя он выступил уже не как простой глашатай, а как настоящий советник народа и начал великую серию *филиппик*.

С этого момента его карьера естественным образом делится на три периода.

В первый, 351-340 гг. до н. э., он находился в оппозиции к партии, стоявшей у власти в Афинах. Начало этого периода отмечено несколькими знаменитыми речами, *Первым Филиппиком* и первыми тремя *Олинфскими* орациями (351-349 гг. до н. э.). До этого времени афиняне не осознавали значения роста македонской державы. Прошло всего восемь лет с тех пор, как Филипп, взойдя на престол, взял на себя великую задачу - объединить составные части своего царства, долгое время раздираемого гражданской войной, разжечь национальное чувство и создать армию. За несколько лет он добился невероятных успехов. Сочетанием силы и обмана он овладел Амфиполем и Пидной в 357 году до н. э. В следующем году он получил во владение золотые рудники на горе Пангей, которые дали ему неиссякаемый источник богатства и позволили подготовить более амбициозные предприятия. Это был важный кризис в его карьере: взяточничество, которым он славился и которому очень доверял, теперь можно было практиковать в широких масштабах.

В ранних речах Демосфена почти нет упоминаний о Филиппе; он, конечно, не рассматривается как опасный соперник Афин. В *"Лептинах"* (384 г. до н. э.) о нем упоминается вскользь,^[307] в *"Аристократах"* он играет более значительную роль, но относится к нему почти презрительно: "Ты, конечно, знаешь, кого я имею в виду под этим Филиппом Македонским" (Ἰστε δῆπου Φίλιππον τοῦτον τὸν Μακεδόνα) - такова форма, в которой представлено его имя (§ 111). Он рассматривается как враг, но только в одном ряду с другими варварскими князьями, такими как Церсоблепт Фракийский.

Но Филипп не ограничился аннексией городов и областей по соседству, в целостности которых были заинтересованы Афины, - Амфиполя, Пидны, Потидеи, Метона и части Фракии. Он вмешался в дела Фессалии, что приблизило беду к Афинам (353 г. до н. э.). В 352 году до н. э. он предложил пройти через Фермопилы и принять участие в Священной войне с Фокисом, но тут впервые вмешались Афины и остановили его продвижение.

После этого энергичного удара афиняне, несмотря на возобновление деятельности Филиппа во Фракии и на Пропонтиде, впали в апатичное безразличие, от которого их тщетно пытался пробудить Демосфен.

Язык *Первого Филиппика* показывает, что Демосфен полностью осознавал серьезность ситуации и неминуемую опасность, которой подвергает своих соотечественников самодовольство; он хочет заставить их почувствовать, что ситуация, хотя еще и не отчаянная, может стать таковой, если они будут упорствовать бездействии, в то время как усилия всей душой приведут их в безопасное состояние:

§ 2. "Итак, прежде всего, господа, мы не должны отчаиваться по поводу нынешнего положения дел, каким бы серьезным оно ни было; ибо наша величайшая слабость в

прошлом станет нашей величайшей силой в будущем. Что я имею в виду? Я имею в виду, что вы оказались в затруднительном положении только потому, что никогда не прилагали усилий для выполнения своего долга. Если бы все было так, как есть, несмотря на серьезные усилия с вашей стороны, чтобы всегда поступать так, как нужно, не было бы никакой надежды на улучшение. Во-вторых, я хотел бы, чтобы вы задумались над тем, что некоторые из вас помнят, а другим рассказывали, о великой силе, которой обладала не так давно Спарта; однако перед лицом этой силы вы действовали благородно и благородно, вы ни в коем случае не умаляли достоинства своей страны; вы встретили войну непоколебимо в справедливом деле....'

§ 4. "Если кто-нибудь из вас думает, что Филипп непобедим, принимая во внимание, как велика сила в его распоряжении и как наш город потерял все эти места, он имеет основания для своего убеждения; но пусть он подумает, что *мы* когда-то владели Пидной, Потидеей и Метонией и всей этой округой; и многие из племен, которые теперь подчинены ему, были свободными и независимыми и лучше относились к нам, чем к Македону. Если бы Филипп считал, как ты сейчас, что бороться с Афинами - дело серьезное, потому что она владеет столькими крепостями, господствующими над его собственной страной, в то время как он лишен союзников, он никогда бы не одержал ни одного из своих нынешних успехов и не приобрел бы той могущественной силы, которая сейчас тревожит тебя. Но он ясно видел, что эти места - военные призы, предлагаемые в открытом соревновании; что собственность отсутствующего естественно переходит к тем, кто находится на месте и требует ее, а те, кто готов упорно трудиться и рисковать, могут вытеснить тех, кто пренебрегает своими шансами.

§ 8. "Не воображайте, что он, как Бог, надежно защищен в вечном владении. Есть люди, которые ненавидят, боятся и завидуют ему, даже среди тех, кто кажется его ближайшими соратниками. В настоящее время эти чувства сдерживаются, потому что из-за вашей медлительности и небрежности они не могут найти выхода. С этими привычками, говорю я, вы должны порвать".

§ 10. "Когда, спрашиваю я, когда вы пробудитесь, чтобы исполнить свой долг?" - "Когда наступит нужное время, говорите вы. Что вы думаете о нынешнем кризисе? Я считаю, что свободная нация никогда не может испытывать большей нужды, чем когда ее поведение позорит ее. Скажите мне, вы хотите ходить по улицам и спрашивать друг друга: "Есть ли новости на сегодня?" Какие могут быть новости серьезнее, чем то, что македонец громит Афины и диктует политику Греции? "Филипп умер", - говорят одни. "О нет, но он болен", - говорит другой. Какая вам разница? Даже если с ним что-то случится, вы очень скоро вызовете на свет второго Филиппа, если будете соблюдать свои интересы так же тщательно, как делаете это сейчас. Ведь к власти его привела не столько его собственная сила, сколько ваша небрежность".

Далее оратор дает подробные советы по ведению войны; он не требует "бумажных войск"[308], таких, за которые собрание имеет привычку голосовать, независимо от того, можно ли их получить или нет - десять или двадцать тысяч наемников и тому подобное. Ему нужны небольшие, но эффективные экспедиционные силы, основу которых должен составлять контингент граждан-гоплитов, четверть всего войска; небольшой, но эффективный флот, деньги на оплату армии и флота - этот вопрос часто упускался из виду собранием - и афинский генерал, которому хозяева будут доверять. Совет был умеренным и в высшей степени разумным. Демосфен, вероятно, знал, о чем говорил, когда сказал, что для настоящего времени достаточно двух тысяч гоплитов, 600 двухсот конников и пятидесяти трирем. Решительная атака на Филиппа такой силы, вероятно, вселила бы новые силы в многочисленных врагов, которых он еще не до конца покорил.

Есть еще один момент, который отличает нынешний совет от советов предыдущих советников. Армия набирается не только для конкретной экспедиции; она должна сохранять свою первоначальную численность столько, сколько потребуется.^[309] Солдаты будут служить определенное ограниченное время, а по окончании срока их сменят свежие войска.^[310] Армии, которую он предлагает, будет недостаточно, чтобы победить Филиппа без посторонней помощи, но достаточно, чтобы произвести сильное впечатление. Они могли бы послать большое войско, но оно было бы громоздким, и они не смогли бы его удержать^[311].

Первый филиппик не произвел желаемого эффекта. *Олинфские* речи, последовавшие за ним, также не принесли желаемого результата. В 349 году до н. э. Филипп воспользовался предложением для войны с Олинфом, который обратился за помощью к Афинам. Союз, которого тщетно добивались в 357 и 352 годах до н. э., был заключен, по-видимому, без особого сопротивления, и Харес с двумя тысячами наемников отправился на помощь олинфской лиге. Демосфен старается подчеркнуть важность ситуации: помощи, которая была предложена, недостаточно; они должны действовать немедленно, отправив два войска граждан, а не наемников; одно для защиты Олинфа, другое для преследования Филиппа в других местах. Необходимы большие денежные запасы, и он намекает, что у афинян есть такие запасы под рукой. Он упоминает о фестивальном фонде (θεωρικός), но в этом вопросе он находится в щекотливом положении. У власти находилось министерство Эвбула, а закон Эвбула объявлял уголовным преступлением любую попытку подделывать Θεωρικός. Демосфен, будучи одним из слабого меньшинства, мог лишь осторожно действовать, предполагая, что смена администрации желательна, но не предлагая определенного предложения.

Между первыми двумя речами и третьей заметно различие в тоне. В первой Демосфен настаивает на том, что все еще можно сделать, но указывает на то, что в доспехах Филиппа много слабых мест, и энергичная и единая политика еще может его победить. В третьей части он дает понять, что возможность упущена, и вернуть утраченные позиции можно только отчаянными мерами. Он открыто выступает за превращение Фестивального фонда в военный сундук, и это главная тема оратории, к которой поочередно подводят все аргументы^[312].

Усилия Афин были вялыми и недостаточными; Олинф и другие города Халкидской лиги пали в следующем году (349 г. до н. э.); они были разрушены, а все жители обращены в рабов. Попытки объединить пелопоннесские государства против общего врага оказались тщетными, и между Филиппом и Афинами начались переговоры. Сначала они велись неофициально, частными лицами, но в 347 году до н. э., по предложению Филократа, к Филиппу было отправлено посольство. Ответ Филиппа, полученный в 346 году до н. э., требовал исключить из предложенного договора Фокис и Галус. Демосфен оспорил это требование, но Эсхин отстоял его. Было отправлено второе посольство, и подписан дискредитирующий Филократов мир. Результатом стало разорение Фокисы. Хотя Демосфен не одобрял этот мир, позже в том же году в своей речи "О мире" он призвал Афины соблюдать его условия, утверждая, что нарушение мира принесет им еще большее бедствие.

В результате заключения мира Филиппу удалось созвать Амфикионийский совет и проголосовать за осуждение Фокисы. Двадцать два города были разрушены, а голоса фокийцев в Совете перешли к Филиппу, который также стал президентом Пифийских игр. Таким образом, варвар, живший несколько лет назад, получил высшую религиозную санкцию на свое право быть вождем Греции. Только Афины, чье первенство он узурпировал, отказались признать его, и Демосфен понял, что сохранение враждебного отношения может вовлечь все государства в новую амфикионийскую войну. Лучше было отказаться от своих

угрызений совести и рассматривать конвенцию не как постоянный мир, а как перемирие, во время которого можно было бы провести новые приготовления. После этого наступило шесть лет номинального мира, в течение которых Филипп расширял свое влияние дипломатическим путем. То ли из принципа, то ли из политики он обращался с Афинами с подчеркнутой вежливостью и через своих агентов делал туманные предложения о больших услугах, которые был готов оказать. Многие граждане верили в его искренность, в частности Исократ, который в 346 году до н. э. говорил о беспочвенных подозрениях, вызванных утверждениями злонамеренных лиц, что Филипп желает уничтожить греческую свободу.^[313] Демосфен никогда не был обманут этими уверениями. Теперь он был признанным лидером и собирал на своей стороне мощный отряд патриотических ораторов, таких как Ликург и Гиперид. Филипп, организовав правительство Фессалии и заключив союз с Фивами, вмешался в дела Пелопоннеса, поддержав Мессению, Аркадию и Аргос против Спарты.

В эти государства было отправлено афинское посольство во главе с Демосфеном, чтобы сообщить им об опасности, которую они несут в результате своего нового союза. Это произвело некоторое впечатление, и, по-видимому, некоторые из государств отправили посольство в Афины. В ответ на их представления, от которых не сохранилось никаких следов, Демосфен написал *Второй Филиппик*. В нем он разоблачает двуличность царя. Средства, используемые Афинами для противодействия его маневрам, совершенно недостаточны; мы говорим, а он действует. Мы говорим, но ничего не делаем. Каждая сторона превосходит его в той линии, которой она придерживается, но ее линия более эффективна (§§ 1-5). Заверения Филиппа в доброй воле были приняты слишком легко. Он понимал, что Фивы, в обмен на полученные услуги, будут способствовать его планам. Теперь из тех же побуждений он проявляет благосклонность к Мессене и Аргосу. Он оказал Афинам высокую честь, не предложив ей позорную сделку (§§ 6-12). Его прошлые действия выдают его; как он сделал беотийские города подвластными Фивам, так он вряд ли освободит пелопоннесские государства от Спарты. Он знает, что на самом деле нацелен на вас, и что вы знаете об этом; поэтому он всегда на чеку и поддерживает против вас фиванцев и пелопоннессцев, которые, как он думает, достаточно жадны, чтобы проглотить его нынешние предложения, и слишком глупы, чтобы предвидеть последствия" (§§ 12-19). Эпilog содержит обвинительный акт в адрес тех, чья политика виновата в нынешних бедах. В соответствии с общей практикой Демосфена Эсхин и Филократ, на которых он направляет обвинение, не упоминаются по имени.

Антимакедонская партия набрала силу в 343 году до н. э. Гиперид объявил Филократу импичмент, тот удалился в изгнание и был приговорен к смерти. Примерно в это же время Демосфен сам передал в суд иск против Эсхина, который рассматривался уже три года, за предательское поведение в связи с посольством к Филиппу. Положение было сложным по двум причинам: его собственную политику в этом вопросе нельзя было резко отличить от политики Эсхина; обвинение во многом зависело от различия мотивов, а доказательств вины Эсхина у него практически не было. Учитывая техническую слабость обвинителя, неудивительно, что Эсхину удалось спастись; более примечательно, что он был оправдан лишь незначительным большинством голосов.

В 342 году до н. э. Филипп, чье влияние на Пелопоннесе несколько ослабло, начал новую кампанию во Фракии и в 341 году до н. э. достиг Херсонеса. Овладение этим районом означало контроль над Дарданеллами, а так как Афины по-прежнему во многом зависели от черноморской торговли кукурузой, его продвижение представляло угрозу для их существования. Диопейтес, афинский капитан-наемник, в 343 году до н. э. привел поселенцев в Кардию, город в Херсонесе, находившийся в номинальном союзе с

Македонией. Кардия не захотела их принимать, и Филипп послал туда помощь. Диопейтес, , который, по обычаю того времени, чтобы содержать свой флот, беспристрастно требовал "благоденствий" от друзей и врагов, случайно разграбил некоторые области во Фракии, которые подчинялись Македону. Филипп направил в Афины письмо с протестом, а его сторонники в городе потребовали отозвать Диопитеса. Демосфен в своей речи "О Херсонесе" призывал не оставлять Херсонес в такой кризисной ситуации: там должны быть постоянные силы. Он оправдывает действия Диопейта, ссылаясь на необходимость. Афиняне имели привычку голосовать за вооружение для внешней службы, не голосуя за снабжение; следовательно, генералы должны были снабжать себя сами.

Все генералы, когда-либо отплывавшие из Афин, берут деньги на Хиосе, в Эритрее или в любом другом азиатском городе, где только могут. Те, у кого один или два корабля, берут меньше; те, у кого больше войск, берут больше. Те, кто дает деньги, большие или малые, не настолько безумны, чтобы давать их просто так; они покупают защиту для купцов, отплывающих из их портов, иммунитет от разорения, безопасный конвой для своих собственных кораблей и другие подобные преимущества. Они скажут вам, что дают "благоденствия" - так называются эти поборы.

В данном случае, поскольку у Диопейтеса есть армия, очевидно, что все эти люди будут давать ему деньги. Поскольку он ничего не получил от тебя и не имеет личных средств, чтобы заплатить своим солдатам, где еще, по-твоему, он может взять деньги на их содержание? Может быть, они упадут с неба? К сожалению, нет. Ему приходится изо дня в день жить на то, что он может собрать, выпросить и одолжить"[314].

Помимо плана кампании, речь содержит, как и многие оратории, откровенное изложение положения дел и обычные упреки в адрес афинской апатии. Однако заключительный раздел содержит более торжественное предупреждение, чем обычно, показывая, что Демосфен почти отчаялся в успехе.

Если вы поймете ситуацию так, как я указал, и перестанете относиться ко всему легкомысленно, то, может быть, даже сейчас наши дела примут благоприятный оборот; но если вы будете продолжать сидеть на месте и ограничивать свой энтузиазм аплодисментами и голосами одобрения, но уклоняться от решения вопроса, когда от вас требуется какое-либо действие, я не могу представить себе никакого красноречия, которое, не выполнив свой долг, сможет привести наше государство к безопасности"[315].

Третий филиппик был произнесен в том же году (341 г. до н. э.). Ситуация во многом повторяется. Демосфен снова требует послать помощь в Херсонес и обеспечить безопасность Византии; но он не расширяет эти вопросы, которые были рассмотрены предыдущими ораторами. 316 "Мы должны помочь им, это правда, и позаботиться о том, чтобы они не пострадали; но наши рассуждения должны быть посвящены великой опасности, которая теперь угрожает всей Греции"[317]. Именно эта широта взглядов отличает *Третий филиппик* и делает его величайшим из всех публичных выступлений.

В "Херсонесе" Демосфен предлагал направить многочисленные посольства; теперь он расширяет эту тему; интересы Афин должны быть отождествлены с интересами всей Греции, и все государства должны осознать это. Замыслы Филиппа направлены против греческой свободы в целом; Афины должны вооружиться и встать во главе великой лиги в борьбе за свободу.

Я прохожу мимо Олинфа, Метона, Аполлонии и тридцати двух городов Фракийского округа, которые он так жестоко разрушил, что посетителю трудно сказать, были ли они когда-либо населены. Я молчу об уничтожении великого народа, фокийцев. Но как обстоят дела с Фессалией? Разве не лишил он города управления и не установил тетрархии, чтобы поработить не только город за городом, но и племя за племенем? Разве городами Эвбеи не управляют теперь тираны, хотя этот остров находится недалеко от границ Фив и Афин? Разве он не заявляет в своих письмах: "Я в мире с теми, кто будет мне повиноваться"? И его действия подтверждают его слова. Он отправился в Геллеспонт; перед этим он посетил Амбракию; он удерживает в Пелопоннесе важный город Элиду; только на днях он строил козни против Мегары. Ни Греция, ни страны за ее пределами не могут сдержать его честолюбия"[318].

Этот короткий отрывок - хороший пример энергичного использования Демосфеном исторических аргументов, но он не может дать представления о речи в целом. Она изобилует перечислениями недавних событий, имеющих отношение к делу, и контрастами между настоящим и прошлым.

Эта бегущая апелляция к примерам в значительной степени занимает место аргументированных доводов, но эффект от всей речи в целом, с ее объединенными апелляциями к чувствам и разуму, убедительно силен.

Сам оратор, должно быть, придавал большое значение этой речи как изложению своей политики, поскольку, судя по всему, он опубликовал две ее редакции. Обе сохранились в разных семействах MSS. В более коротком тексте, содержащемся в S (*Parisinus*) и L (*Laurentianus*), опущены многие фразы и даже целые отрывки, которые встречаются в другой группе. Считается, что более короткий - это окончательная форма, в которой Демосфен хотел сохранить речь[319].

Четвертый "Филиппик" содержит предложение Афинам обратиться к персидскому царю за помощью против Филиппа. Речь, вероятно, является подделкой, но весьма своеобразной. Около трети текста состоит из отрывков, взятых непосредственно из речи "О Херсонесе", а один из отрывков (§§ 35-45) говорит в пользу распределения Феорического фонда, что совершенно противоположно политике олинфян и херсонесской речи. С другой стороны, некоторые отрывки написаны в стиле и тоне, вполне достойных Демосфена и соответствующих его взглядам. Можно не сомневаться, что перед нами компиляция из реальных речей Демосфена, дополненная определенной долей риторического изобретения. Ответ на письмо Филиппа и речь *περὶ συντάξως* являются, с другой стороны, простыми подделками. На этом список *филиппийских* речей заканчивается.

Наши записи о публичных выступлениях Демосфена заканчиваются с *Третьей Филиппикой*, когда его красноречие достигло наибольшего расцвета. Великие речи относятся к годам оппозиции; теперь, после одиннадцати лет борьбы, он утвердился в качестве главного лидера собрания. Он говорил, несомненно, часто и впечатляюще, но, занятый важной административной работой, он не имел ни досуга, ни необходимости писать.

Годы 340-338 до н. э. стали для Афин временем энергичного возрождения. В течение короткого, но яркого периода казалось, что город-государство может выйти победителем из борьбы с монархией. Энтузиазм вдохновил патриотическую партию на благородные усилия. Эвбея была выведена из-под влияния Филиппа, и Афины основали новую лигу, в которую вошли Акарнания, Ахей, Корсира, Коринф, Эвбея и Мегара. Сам Филипп потерпел поражение перед Византией, которая обратилась за помощью к Афинам, и не напрасно.

Во внутренних делах новый закон о триерархии не только повысил эффективность флота, но и устранил большое социальное недовольство, сделав так, что бремя триерархии легло на все классы пропорционально их средствам, в то время как до сих пор более бедные граждане страдали чрезмерно. Еще более значительной реформой стало осуществление столь долго вынашиваемого проекта по использованию Теоритического фонда на военные расходы (339 г. до н. э.). В 338 году до н. э. Ликург был назначен в министерство финансов - должность, которую ему предстояло занимать с исключительной эффективностью в течение двенадцати лет.

Но Филипп держал в руках множество ниточек и был наиболее опасен, когда, казалось, поворачивался спиной к своим врагам. Потерпев неудачу на Геллеспонте, он отозвал свой флот и предпринял сухопутную экспедицию против обидевшего его скифского князя. Это путешествие не имело прямого отношения к его большим замыслам, и Афины с радостью подумали, что он может быть побежден или даже убит. Он действительно был ранен, но вернулся в Македонию в 339 году до н. э., выполнив то, что, вероятно, было его главной целью - восстановить доверие своих солдат после поражений в недавних столкновениях с греками.

Тем временем события в Греции, которые, возможно, были частично направлены его влиянием, развивались в соответствии с его планами.

В 340 году до н. э. два врага Демосфена, Мидий и Эсхин, представляли Афины как *пилагоры* на Амфикинийском совете. Эсхин описывает, как, не имея никаких политических мотивов, но желая удовлетворить личную неприязнь, он сам разжег страсти амфикитионов до того, что объявил священную войну локрийцам из Амфиссы. Любая война между греками была выгодна Филиппу. Амфикинийская война затягивалась, и осенью 339 года до н. э. совет, все еще находясь под влиянием Эсхина, выдвинул Филиппа для завершения дела. Царь быстро оправился от раны и с радостью принял священную миссию, которая позволила ему пройти через Фессалию и Фермопилы без охраны. Достигнув Эллатей, некогда главного города Фокисы, но теперь опустевшего, он остановился и начал приводить это место в состояние обороны. Эта новость была воспринята в Афинах с большим волнением, как ярко описывает Демосфен.^[320] Было спешно созвано собрание, и Демосфен объяснил всю важность этого действия. Это была угроза как для Афин, так и для Фив. Все мастерское красноречие великого государственного деятеля было использовано на пределе его возможностей, чтобы побудить Афины забыть давнюю вражду и предложить Фивам помощь всей своей боевой силой свободно и без всяких условий. То, что Демосфен добился успеха в своей мольбе, было, вероятно, величайшим триумфом красноречия, который когда-либо был известен. Война рано или поздно была неизбежна, и его заслуга в том, что он добился заключения фиванского союза, хотя он и закончился катастрофически для всех греков в битве при Херонее (338 г. до н. э.).

Отныне влияние Афин на внешние дела было строго ограничено, хотя они сохранили свою независимость, так как Филипп был великодушным противником.^{321]} Демосфен занялся внутренними делами; ему поручили ремонт укреплений, на расходы по которому он выделил 100 минаев. За этот поступок Ктесифон в 337 году до н. э. предложил наградить его золотой короной. Эсхин обвинил Ктесифона в незаконном предложении, и в результате возникло знаменитое дело "*Короны*", вызвавшее громкие речи обоих соперников. Дело, однако, было рассмотрено лишь шесть лет спустя.

В 336 году до нашей эры Филипп был убит. Демосфен подал пример ликования, появившись на публике увенчанным цветами, хотя в это время он был в трауре по своей дочери. Большие

надежды, которые возлагали города-государства, были разрушены энергией Александра, который, хотя ему было всего двадцать лет, показал себя еще большим полководцем и государственным деятелем, чем его отец.

Фивы склонил к восстанию Демосфен, которого поддерживало персидское золото, но Александр разгромил и разрушил Фивы, прежде чем к ним подоспела помощь, и отправил ультиматум в Афины. Он потребовал выдать Демосфена, Ликурга и еще восемь ораторов их партии. Они были спасены, судя по всему, благодаря вмешательству Демадеса[322].

Александр отбыл в Азию, а афинские государственные деятели остались спорить о политике своего города. Именно сейчас на суд было вынесено великое дело, в котором участвовали Демосфен и Эсхин. Номинально спор был лишь предлогом, на самом деле речь шла о том, чтобы проанализировать и вынести приговор политической жизни двух великих антагонистов за последние двадцать лет.

Обвинения в незаконности, выдвинутые против Ктесифона, сводились к трем пунктам: (1) что указ, ложно утверждающий, что Демосфен хорошо послужил государству, означал внесение лжи в государственные документы. (2) Что короновать чиновника, который, как Демосфен, все еще подлежал проверке, было незаконно. (3) Что провозглашение коронации в театре было незаконным.

По пунктам (2) и (3), техническим пунктам, у обвинителя были сильные аргументы, но первый пункт был единственным, имеющим реальное значение, поскольку процесс был действительно направлен против Демосфена. Основная часть речи Эсхина против Ктесифона, соответственно, посвящена обвинительному акту против общественной жизни Демосфена. Рассматриваются четыре периода: (1) От войны с Амфиполем до Филократова мира (357-346 гг. до н. э.). (2) Годы мира (346-340 гг. до н.э.). (3) Служение Демосфена (340-338 гг. до н.э.). (4) Годы после Хаэроanei (338-330 гг. до н. э.).

Ответ Демосфена (*de Corona*) в основном посвящен защите его собственной политики, а технические моменты, от которых номинально зависел вопрос, остаются на заднем плане. Примечательно, что, рассматривая ранние годы, он не пытается присвоить себе заслугу великих речей, с помощью которых он пытался повлиять на свою страну - *Первого Филиппика* и трех *Олинфских речей*. В основном он обсуждает мирные переговоры. Он более подробно рассказывает о втором периоде и делает наибольший акцент на третьем - годах, когда он был признанным лидером народа, так что восхваление национальной политики должно включать в себя дань его собственному патриотизму. На последний период, годы после битвы при Хаэронее, сделаны лишь краткие ссылки.

Порядок не хронологический, и структура, по-видимому, не систематическая; тем не менее "*Де Корона*" - величайшая из всех афинских речей.

Речь нельзя представить в виде отрывков; для того чтобы оценить ее, ее нужно читать целиком. Все, что можно сделать в кратком изложении, - это обратить внимание на особенности структуры, которые, возможно, в какой-то мере обусловлены длиной речи и разнообразием тем, которые приходится затрагивать:[323]

1. §§ 1-8. Обычный экзорцизм, в данном случае как введенный, так и завершенный торжественной молитвой.

2. §§ 9-52. Опровержение клеветы, произнесенной Эсхином. Этот раздел состоит в основном из собственной версии Демосфена о переговорах о мире 346 г. до н. э., показывающей, что Эсхин и его соратники действительно были виновны в измене в отношениях с Филиппом.

3. §§ 53-125. Защита Ктесифона - Демосфен берется доказать (а) что он заслужил корону, (б) что с юридической точки зрения Ктесифон не виноват. (а) Он кратко описывает состояние Греции в годы мира, а сразу после этого рассказывает о своих государственных заслугах и оправдывает свою политику. (б) Он рассматривает вопрос о законности и доказывает, что Ктесифон находится на правильной стороне закона.

4. §§ 126-159. Инвектива против Эсхина. Эту часть можно назвать псевдоэпилогом, но на самом деле это лишь интермедия. В ней рассказывается (а) о рождении и жизни соперника и (б) в частности, о его действиях, вызвавших амфикионийскую войну.

5. §§ 160-251. Демосфен продолжает обсуждение своей прошлой политики, касающейся фиванского союза и последней войны с Филиппом.

6. §§ 252-324. Эпилог исключительной длины, в основном посвященный сравнению Демосфена с Эсхином. Оратор тесно отождествляет себя с городом, политику которого он определял; так что, нападая на него, Эсхин нападает на Афины. Речь заканчивается, как и начиналась, молитвой.

§ 3

В течение следующих нескольких лет Демосфен, вероятно, тратил часть своего времени на составление частных речей для других, хотя сохранившиеся речи этого периода в основном сомнительной подлинности. Он также оставался заметной фигурой в афинской политике. Он не изменил своих взглядов, но, похоже, был отстранен от руководства патриотической партией другими людьми, чей патриотизм был более бурным, чем его, так что теперь его следует считать умеренным. Возможно, именно эта позиция привела его к опасности в 324 году до нашей эры.

Гарпалус, оставленный Александром в качестве наместника в Вавилоне, получив слух о смерти своего господина в Индии, захватил царские сокровища и, сопровождаемый отрядом из шести тысяч человек, сел на корабль и отплыл в Грецию. Он появился у Пирея, и пылкие патриоты предложили Афинам принять его и использовать его сокровища и людей, чтобы помочь им в восстании.

Демосфен выступил против открытого разрыва с Александром, и по его предложению флотию не пустили. Гарпалус прибыл во второй раз без своего войска и был допущен. Вслед за ним прибыли посланцы от Александра с требованием сдаться, но Демосфен и Фокион воспротивились этому. По предложению Демосфена было решено повременить; с Гарпалом стали обращаться как с пленником, а сокровища поместили в Парфенон. Гарпал объявил сумму сокровищ в 720 талантов, но вскоре стало известно, что в Акрополе хранится только 350 талантов. Тем временем Гарпалус сбежал из тюрьмы и исчез, а подозрения пали на всех, кто имел с ним какие-либо дела. Чтобы унять общественное волнение, Демосфен предложил Совету Ареопага расследовать тайну пропавших талантов. Через полгода совет представил свой отчет, опубликовав список из девяти государственных людей, которых он объявил виновными в получении части потерянных денег. Список возглавлял сам Демосфен: ему вменялось в вину получение двадцати талантов за помощь Гарпалусу в побеге. Это заявление не являлось судебным приговором, но в связи с ним было возбуждено судебное преследование, назначены десять обвинителей, и Демосфен был признан виновным. Его приговорили к выплате штрафа в пятьдесят талантов, и, не имея возможности собрать деньги, он был брошен в тюрьму. Вскоре он бежал и скрылся сначала на Эгине, а затем в

Троеzene, где, по словам Плутарха, ежедневно сидел на берегу моря, печальными глазами глядя на далекие берега Аттики.

Все это дело неясно; мы не знаем, как защищался Демосфен, но располагаем двумя речами обвинения - Гиперида и Динарха. Ни одна из них не является однозначной. Считалось, что доклад Ареопага установил факты, так что дальнейших доказательств не требовалось; дело суда состояло лишь в том, чтобы истолковать мотивы и определить степень вины каждого подсудимого.

Гиперид[324] утверждает, что Демосфен начал с признания получения денег, но затем стал отрицать это, заявив, что готов принять смерть, если будет доказано, что он их получил.[325] Несомненно, именно Демосфен предложил Ареопагу расследовать это дело.

Две детали в этом деле вызывают недоумение: штраф, наложенный в два с половиной раза больше суммы, чем было в деле, был незначительным, учитывая, что закон требовал десятикратного возмещения; во-вторых, трудно понять, когда Демосфен мог получить деньги. Гарпалус не мог заплатить ему во время побега или в любое другое время после ареста, так как он не взял деньги с собой в тюрьму. Кажется невероятным, что деньги должны были быть выплачены раньше, ведь Демосфен все время действовал против Гарпала. Профессор Батчер предположил, что оплата могла быть произведена, когда Демосфен сопротивлялся выдаче Гарпала Александру[326].

Для полного или частичного оправдания оратора были предложены две теории: одна - что он был абсолютно невиновен, но стал жертвой комбинации своих политических врагов, крайних патриотов, недовольных его умеренной политикой, и его древних врагов - македонской партии. Другая точка зрения заключается в том, что он получил деньги и потратил их или намеревался потратить на секретные услуги, на которые тратит деньги каждое государство, хотя подробный отчет о таких расходах, как правило, невозможен. Даже если бы он не смог доказать такое использование, преступление в виде получения взятки, как признает даже его обвинитель Гиперид, являлось бы преступлением мелким, если бы она не была получена против интересов государства. В пользу Демосфена говорит позднейшее свидетельство Павсания, который утверждает, что агент Гарпала, когда Александр допрашивал его по этому делу, разгласил список имен, в котором не было Демосфена.

Небольшое обвинение во взяточничестве выдвигает Динарх, утверждающий, что Демосфен получил 300 талантов от Великого царя за спасение Фив в 335 году до н. э., но принес Фивы в жертву собственной алчности, потому что хотел оставить себе десять талантов, обещанных аркадянам за их помощь. История эта нелепа.

В 323 году до н. э. Александр умер; надежда на свободу возродилась, и Демосфен сразу же отправился в путешествие по Пелопоннесу, чтобы убедить города в необходимости совместных действий. Он примирился с партией Гиперида и был отозван из изгнания. Его доставили домой на триреме, и процессия сопровождала его от гавани до города. С помощью закона общественность оплатила его штраф. Ламийская война успешно началась при Леостене, но в битве при Кранноне Антипатр разбил греческие войска. Афины были вынуждены принять македонский гарнизон, лишиться демократической конституции и отдать своих вождей на растерзание завоевателю. Демадес провел указ о смерти Демосфена и Гиперида. Демосфен уже бежал и укрылся в храме Посидона на острове Калаурия. Здесь его преследовал агент Антипатра, некий Архиас, известный как охотник за изгнанниками, который был актером. Этот человек пытался выманить его щедрыми

обещаниями, но Демосфен ответил: "Твоя игра никогда не была убедительной, и твои обещания так же неубедительны". Тогда Архиас прибег к угрозам, но получил спокойный ответ: "Теперь ты говоришь, как македонский оракул; до этого ты только играл; подожди немного, чтобы я мог написать несколько строк домой". Делая вид, что пишет, он высосал яд с конца пера, а затем опустил голову на руки, как бы в раздумье. Когда Архиас снова подошел, он посмотрел ему в лицо и сказал: "Пришло время тебе сыграть роль Креона и выкинуть это тело непогребенным". Теперь, обожаемый Посидон, я покидаю твой участок, пока жив; но Антипатр и его македоняне не оставили неоскверненным даже твоё святилище". Он попытался выйти, но упал и умер на ступенях алтаря[327].

Лукиан в своём *"Энкомиуме Демосфена"* приводит причудливый рассказ о том, как Антипатр получил известие от Архиаса; вот заключительные слова:

"Итак, он ушел, чтобы жить с героями на Островах блаженных или по пути тех душ, которые поднимаются на небеса, чтобы быть духом-сопровождающим Зевса, дарующего свободу; но его тело мы отправим в Афины, как более благородный памятник для этой земли, чем тела тех, кто пал при Марафоне"[328].

§ 4. Литературная репутация

По приговору античности, который, как правило, принимается и в наше время, Демосфен считался величайшим из ораторов. В его собственную эпоху у него были соперники: Эсхин, как мы уже видели, во многих отношениях достоин сравнения с ним; из других его современников Фокион впечатлял своим достоинством, искренностью и краткостью - "он мог сказать больше в меньшем количестве слов"; энергичные экстемпорализации Демадеса иногда были более эффективными, чем отточенные тонкости Демосфена; Эсхин утверждает, что предпочитает ораторское искусство Леодамаса из Ахамеи, но тон, которым он это говорит, почти апологетический, а изнурительная критика, которой Эсхин постоянно подвергает своего соперника, практически считает само собой разумеющимся, что последний считался самым выдающимся оратором того времени.

Более поздние греческие авторитеты, которые достаточно отделились, чтобы увидеть в правильной перспективе ораторов домакедонской эпохи, беззастенчиво восхищаются Демосфеном. Автор *"Возвышенного"* видел в нем множество недостатков и признавал, что во многих деталях Гиперид превосходил его.[329] Тем не менее он находит в Демосфене некие божественные дары, которые выделяют его среди других в отдельный класс; он превосходит ораторов всех поколений; его громы и молнии сотрясают и испепеляют любую оппозицию; невозможно встретить его ослепительный блеск, не дрогнув. Но Гиперид никогда никого не заставлял трепетать.

В более поздние времена Демосфена называли "оратором", так же как Гомера - "поэтом". Лукиан, чьи литературные оценки всегда заслуживают внимания, написал *"Энкомий"* Демосфена, содержащий воображаемый диалог, в котором главным оратором является Антипатр. Он отдает щедрую дань своему мертвому врагу, который "пробудил своих соотечественников от одурманенного сна";[330] филиппики сравниваются с таранами и катапультами, а Филипп, как сообщается, радовался, что Демосфен так и не был избран полководцем, поскольку речи оратора сотрясали царский трон, а его действия, будь у него такая возможность, опрокинули бы его.

Из римских критиков Цицерон во многих местах в *"Бруте и ораторе"* выражает крайнее восхищение совершенством Демосфена в каждом стиле ораторского искусства; он считает его намного превосходящим всех остальных, хотя в некоторых деталях ему не удалось достичь совершенства. Похвала Квинтилиана разборчива, но искренна; на самом деле можно сказать, что греческий и римский миры были практически единодушны в оценке достоинств оратора.

Трудно составить общее представление о стиле Демосфена, поскольку он чрезвычайно разнообразен; три класса речей - судебные речи по частным и публичным искам и публичные речи, обращенные к собранию, - все имеют свои особенности: тем не менее есть определенные характеристики, которые можно выделить во всех классах.

Первая из них - это тщательность в составлении. Известно, что Исократ потратил годы на шлифовку эссе, которые он намеревался сделать постоянным вкладом в науку политики; Платон писал, стирал и снова писал, прежде чем был удовлетворен формой, в которой его философия должна была быть представлена миру; Демосфен, без многолетних трудов, мог произносить речи для определенных случаев, чей законченный блеск делал их достойными звания великой литературы совершенно помимо их достоинств как вклада в практическую политику.

Про него хорошо известно, что его речи пахнут полуночным маслом, но он должен был обладать удивительной природной беглостью, чтобы уметь так хорошо сочинять столько речей. С другой стороны, вполне возможно, что сохранившиеся речи не совсем в той форме, в которой они были произнесены. По-видимому, среди ораторов того времени было принято редактировать для публикации свои речи, произнесенные по важным делам, чтобы большая аудитория имела возможность ознакомиться с постоянной записью взглядов оратора на политические или юридические вопросы, которые представляли более чем преходящий интерес.

У нас есть косвенные свидетельства того, что Демосфен имел привычку вносить исправления в свой текст. Эсхин приводит и высмеивает некоторые выражения, в основном преувеличенные метафоры, которые не встречаются в дошедших до нас речах, хотя некоторые из них, очевидно, должны были бы встречаться, если бы текст не был подвергнут переделке.^[331] Мы можем отметить замечание Эратосфена^[332] о том, что во время речи он иногда терял контроль над собой и говорил как одержимый, а также замечание Деметрия Фалеронского о том, что в одном случае он оскорбил хороший вкус, процитировав метрическую клятву, которая носит печать комедии:

"Землей и фонтанами, реками и ручьями"^[333].

Эта цитата не встречается ни в одной сохранившейся речи, но можно заметить, что формулы такого рода, обычно представленные знакомым ὦ γῆ καὶ θεοί - "Да, земля и боги" - часто встречаются у Демосфена, как, впрочем, и у его современника Эсхина.

Очевидно, аттический вкус претерпевал изменения; такие выражения чужды достойным гармониям Исократа и редко встречаются в сдержанном стиле Лисия; но они начинают чаще появляться у Исея, чей стиль послужил образцом для ранних речей Демосфена. Некоторые другие выражения, принадлежащие к народной речи и, вероятно, избегаемые Исократом как слишком разговорные, встречаются в публичных речах Демосфена - например, ὁ θεῖνα и ὦ τᾶν.

К этой же категории следует отнести употребление грубых выражений и личных оскорблений. Во многих речах, связанных с публичными судебными процессами, Демосфен позволяет себе всю ту свободу, которая была разрешена вкусом его времени. В фактическом использовании оскорбительных эпитетов - *θηρίον*, *κατάρατος* и тому подобных - он не выходит за рамки обычной практики Эсхина и даже опережает Динарха; но в накоплении оскорбительных ссылок на предполагаемый частный характер своих политических противников он снисходит до таких излишеств, что мы удивляемся, как приличная публика вообще могла его терпеть.^[334] Очевидно, афинская публика любила вульгарность ради нее самой, помимо юмора.

В частных речах порой присутствует некоторая грубость - неизбежно, ведь судебные дела полиции часто касаются гнусных подробностей. Иногда приходится описывать оскорбительные действия;^[335] но это совсем другое дело, чем неуместное введение оскорбительной информации.

В речах, произнесенных перед экклесией, Демосфен ставил перед собой более высокий идеал. В вопросы государственной политики не должна вторгаться частная вражда, и на протяжении всех "*Филиппиков*" и "*Олиньянок*" Демосфен соблюдает это правило. Под воздействием волнения он не опускается до личностей; его политические противники на данный момент не оскорбляются, даже не упоминаются по имени. Вежливость дискуссии соблюдается полностью и справедливо.

§ 5. *Стиль и композиция*

Хотя Демосфен писал на чистом аттическом греческом языке, именно Лисию и Исократу, а не ему Дионисий приписывает похвалу за совершеннейшую чистоту языка. Вероятно, Демосфен был ближе к живой речи. Даже в своих совещательных речах он использует такие привычные выражения, как *ὦ τᾶν, ὁ θεῖνα* и такие восклицания, как *νῆ Δία*, частое употребление которых показалось бы Исократу принадлежностью лексикона Комедии. Эпидейктический стиль также избегал таких энергичных штрихов, как *λαγῶ βίον ἔζης* - "ты прожил заячью жизнь", или, чтобы дать правильный эквивалент, "собачью жизнь".^[336] или знаменитое как *ἡ ἱλιάς* - "Двадцать четыре книги страданий".^[337] Разговорная энергичность проявляется в некоторых метафорических употреблении отдельных слов, *напр.* *ἔωλα καὶ ψυχρά* - "черствый и холодный" (применительно к преступлениям),^[338] *προσηλῶσθαι* - "быть прижатым",^[339] или в череде грубых метафор в рассказе о том, как Аристогитон в тюрьме поссорился с новичком; "Он, недавно пойманный и свежий, доставал Аристогитона, который попал в сеть некоторое время назад и долго сидел в маринаде; так что, обнаружив, что ему досталось больше всех, он откусил ему нос".^[340] Смелое олицетворение абстракций - "Мир, который разрушил стены твоих союзников и теперь строит дома для твоих послов",^[341] а такие фразы, как *τεθνῶσι τῷ δέει τοῦς τοιοῦτους ἀποστόλους* - "they are frightened to death of so and so," являются скорее энергичными, чем литературными.^[342]

Демосфен, кажется, отказывается от метафоры в самые торжественные моменты. В духе сарказма он может использовать такие выражения, как процитированные выше о беспорядочной сцене в тюрьме, а в порыве негодования он может говорить о соперничающих политиках как о "извергах, которые изуродовали трупы своих отцов и подарили свободу на день рождения сначала Филиппу, а теперь снова Александру; которые измеряют счастье своим животом и самыми низменными удовольствиями";^[343] но в серьезных случаях, будь то повествование или совет, он возвращается к простоте, не

уступающей Лисию. Простота языка, на котором он описывает волнение, вызванное известием о захвате Филиппом Элатеи, вошла в поговорку;^[344] а заключительные фразы *Третьего Филиппика* служат еще одним хорошим примером:

Если каждый будет сидеть на месте, надеясь получить желаемое и ничего для этого не делая, то, во-первых, он никогда не найдет того, кто сделает это за него, а во-вторых, я боюсь, что мы будем вынуждены делать все то, что нам не нужно. Вот что я вам говорю, вот что я предлагаю; и я верю, что если это будет сделано, то наши дела, может быть, даже снова наладятся. Если кто-то может предложить что-то лучшее, пусть назовет это и настаивает на нем; и что бы вы ни решили, я молю небеса, чтобы это было к лучшему".

Простота языка уступает лишь трезвости тона. Самые простые слова, если их правильно использовать, могут произвести большой эффект, который иногда усиливается повторением - прием, который Демосфен находит полезным по случаю -ἀλλ' οὐκ ἔστιν, οὐκ ἔστιν ὅπως ἡμάρτετε- 'Но, конечно, конечно, ты не ошибся.'^[345] Мы ощущаем легкое повышение голоса, когда слово произносится во второй раз. Динарх, подражатель Демосфена, копирует его в использовании этой "фигуры", но использует ее слишком часто и неуместно. В этом, как и в других деталях, его стиль - неудачная пародия на великого оратора.

Дионисий поочередно сравнивает Демосфена с несколькими другими писателями. Например, он находит отрывки, которые напоминают стиль Фукидида.^[346] Он цитирует первый раздел из *Третьего Филиппика* и с помощью гениального анализа показывает точки сходства. Главная особенность, которую замечает критик, заключается в том, что писатель не представляет свои мысли в какой-либо естественной или обычной последовательности, а использует аффектированный порядок слов, который привлекает внимание тем, что избегает простоты.

Так, парентетическая относительная клаузула вклинивается между подлежащим и глаголом главной относительной клаузулы, а нас долго держат в напряжении относительно того, какими должны быть глаголы, как в относительных клаузулах, так и в самой основной клаузуле. Отмеченные им своеобразные эффекты невозможно воспроизвести в таком неинфлексирующем языке, как английский.

В других случаях, особенно в повествовании, Демосфен подражает ясности Лисия в его лучшие времена. Дионисий с заслуженным одобрением цитирует яркое изложение истории, на которой основано обвинение против Конона. Поскольку речь дает нам прекрасную картину лагерной жизни недисциплинированного ополчения, стоит привести некоторые выдержки:

"Два года назад, получив задание нести гарнизонную службу, мы отправились в Панактум. Сыновья Конона заняли палатку рядом с нами; я хотел бы, чтобы было иначе, ибо это было главной причиной нашей вражды и столкновений между нами. Вы услышите, как она возникла. Они пили каждый день и весь день, начиная сразу после завтрака, и этого обычая они придерживались все время, пока мы находились в гарнизоне. Мы же с братьями, напротив, жили там так же, как и дома. Так что к тому времени, когда остальные из нас назначали ужин, они неизменно разыгрывали пьяные фокусы, сначала со слугами, а потом и с собой. За то, что, по их словам, слуги пускали им дым в лицо, когда готовили еду, или были с ними невежливы, или еще что-нибудь, они били их и выливали помои им на головы... и всячески вели себя жестоко и отвратительно. Мы увидели это и обиделись, и прежде всего сделали им замечание; но так как они насмехались над нами и не останавливались, мы все

пошли и доложили о случившемся генералу - не я один, а весь отряд. Он сделал им строгий выговор, не только за их оскорбительное поведение по отношению к нам, но и за их общее поведение в лагере; однако они так далеко не остановились и не почувствовали никакого стыда, что, как только стемнело в тот вечер, они бросились на нас и сначала оскорбили нас, а затем избили меня, и устроили такой переполох и шум вокруг палатки, что генерал, его штаб и некоторые другие солдаты вышли и не дали им причинить нам серьезный вред, а нам - отомстить за их пьяное насилие"[347].

Другой отрывок, процитированный из той же речи, дает представление о поведении обвиняемого в гражданской жизни:

"Когда мы их встретили, один из них, которого я не могу назвать, навалился на Фанострата и крепко держал его, а обвиняемый Конон, его сын и сын Андромена навалились на меня и сначала раздели меня, а потом поставили подножку и повалили в грязь. Там они набросились на меня и стали бить, и так издевались надо мной, что рассекли мне губу и закрыли оба глаза. Они оставили меня в таком слабом состоянии, что я не мог ни встать, ни говорить, и, лежа на земле, я слышал, как они произносили отвратительные слова. То, что они говорили, было гнусной клеветой, и кое-что из этого я не хотел бы повторять, но упомяну одну вещь, которая является примером жестокости Конона и доказывает, что он был виновником всего этого инцидента: он начал ворковать, как петух после победы, и остальные велели ему в знак триумфа хлопать себя по бокам руками. После этого некоторые прохожие отнесли меня домой голым, а обвиняемые сняли с меня плащ"[348].

Дионисий замечает, что экклесия и суды состояли из смешанных элементов;[349] не все были умны и тонки умом; большинство составляли фермеры, купцы и ремесленники, которых больше устраивала простая речь; от чего-либо необычного у них сводило желудок; меньшее число, лишь малая часть от общего числа, составляли люди высокого образования, с которыми нельзя было говорить так, как с толпой; и оратор не мог позволить себе пренебречь ни одной из этих групп. Поэтому он должен стремиться удовлетворить и тех, и других, и, следовательно, ему следует придерживаться среднего курса, избегая крайностей в любом направлении.

По мнению Дионисия, и Исократ, и Платон дают хорошие примеры этого среднего стиля, достигая кажущейся простоты, понятной всем, в сочетании с тонкостью, которую может оценить только эксперт; но Демосфен превзошел их обоих в совершенстве этого искусства. В доказательство своих слов он приводит отрывок из *"Мира"*, который сам Исократ выбрал для цитирования в качестве благоприятного примера своего собственного стиля в речи об *Антидосе*. С этим отрывком контрастирует отрывок из третьего *"Олинфа"*, в значительной степени в пользу Демосфена, который оказывается благороднее, величественнее, решительнее и избегает фригидности чрезмерной утонченности, в которой обвиняют Исократ.

Критика утверждает, что основана на накоплении мелких деталей, но нет сомнений, что Дионисий опирался, в основном, не на анализ, а на субъективные впечатления. Перечислив моменты, в которых каждый из писателей преуспел или не преуспел, он описывает свои собственные ощущения:

"Когда я читаю речь Исократ, я становлюсь трезвым и серьезным, как будто слушаю торжественную музыку; но когда я берусь за речь Демосфена, я вне себя, меня ведет то туда, то сюда, мной движут одна страсть за другой: подозрение, огорчение, страх, презрение, ненависть, жалость, доброта, гнев, зависть - проходя последовательно через все страсти, которые могут овладеть человеческим разумом;и я иногда думал про себя, какое

впечатление он производил на тех, кому посчастливилось его услышать? Ведь если нас, столь отдаленных во времени и ничуть не заинтересованных в реальных событиях, уводят и подавляют, заставляя следовать туда, куда ведет нас речь, то как же должен был вести афинян и других греков сам оратор, когда дела, о которых он говорил, представляли для них живой интерес и касались их почти вплотную?..."[350].

Дионисий, как мы знаем из многих его критических статей, обладал необычайно острым чувством стиля; кроме того, у него было сильное воображение. В том же трактате он рассказывает, как формы предложений подсказывают ему тон, в котором были произнесены слова, сами жесты, которыми они сопровождались[351].

Хотя мы, современные студенты, не можем рассчитывать на то, что сможем соперничать с ним в этих особых дарованиях, мы все же можем сопереживать его чувствам. Читая такую речь, как, например, *Третий филиппик*, мы не можем не оценить, насколько полно Демосфен реализует платоновский идеал, выраженный в "*Горгии*", о том, что риторика - это искусство убеждать. Нам не нужно останавливаться на анализе средств, с помощью которых он достигает своей цели; в один момент он может быть похож на Лисия в простом повествовании, в другой - на Фукидида или даже на Горгия; он может быть очень Протеем, как говорит Дионисий, в своих изменениях формы; но в какой бы форме он ни появлялся, наивной, тонкой, патетической, возмущенной, саркастической, он убедителен. Причина проста: в его голове всегда присутствует одна цель - заставить слушателей почувствовать то же, что чувствует он сам. От читателей Исократа ожидали, что, следя за изложением темы, они будут рассматривать красоту формы, в которой она была выражена; в Демосфене нет и мысли о подобной демонстрации. Хорошая речь для него была успешной речью, а не тем, что может вызвать восхищение критиков как произведение литературы. То, что его речи обладают литературным качеством, которое ставит его в один ряд с выдающимися писателями аттической прозы, - случайность; как оратор он был независим от этого качества.

Сильное практическое чувство Демосфена отказывалось быть ограниченным какими-либо теоретическими правилами схоластических риторов. Он не стремится к той сложности периодов, которая делает стиль Исократа однообразным, несмотря на удивительную изобретательность писателя. Длинные и короткие, сложные и простые предложения используются поочередно и без систематического порядка, так что мы не можем назвать какой-либо один вид характерным; форма предложения, как и язык, подчинена его цели[352].

Он был умеренно осторожен в избегании хиатуса между словами, но в этом вопросе он изменил правило Исократа в соответствии с требованиями речи; он руководствовался слухом, а не глазом; таким образом, мы видим, что хиатус часто опускается между *колами* или отрезками периода; фактически любой паузы в произнесении достаточно, чтобы оправдать неэлиминацию открытой гласной перед паузой. Исократ, напротив, обычно избегает даже появления хиатуса в таких случаях.

Есть еще одно формальное правило композиции, которому Демосфен следует с некоторой строгостью; это избегание чередования коротких слогов. Примечательно, что он очень редко допускает трибрах (три кратких слога) там, где этого можно избежать, а случаи, когда последовательно произносится более трех кратких гласных, являются исключительными.[353] Необычный порядок слов часто может быть объяснен ссылкой на эту практику.[354]

От Аристотеля и других критиков мы знаем, что ранние авторы художественной прозы, начиная с Фрасимаха, уделяли некоторое внимание метрической форме слов и определенным сочетаниям долгих и кратких слогов. В частности, Фрасимах изучал использование *паэния* (-???) или (???-) в начале и конце предложения[355].

Увеличение количества коротких слогов, будь то в стихах или прозе, приводит к тому, что движение строки или периода становится более быстрым. Частое использование трибрахов Еврипидом постоянно производит такое впечатление, а крайним случаем является структура галлиамбического метра, как, например, в "*Attise*" Катулла.[356] И наоборот, умножение длинных слогов замедляет движение и создает эффект торжественности.[357]

Демосфен, по-видимому, был первым прозаиком, обратившим внимание на то, чтобы избежать трибраха; Платон, похоже, сознательно предпочитал последовательность коротких слогов там, где это было возможно. Разница между этими двумя точками зрения, вероятно, заключается в том, что Платон стремился воспроизвести естественную быстроту разговора, а Демосфен - более торжественный и достойный стиль, подходящий для впечатляющих речей перед большим собранием.

Это единственное метрическое правило, которое Демосфен когда-либо соблюдал, и один из самых здравых современных критиков считает, что даже это соблюдение было скорее инстинктивным, чем сознательным.[358] Он никогда не использовал метрические формулы для окончания предложений, сравнимые со знаменитым *esse videatur* Цицерона или двойным *trochee* -? в начале предложения, одобренным более поздними авторами. Изучение показывает, что у него почти бесконечное разнообразие как в начале, так и в конце предложений. Кажется, он никогда не следовал какой-либо механической системе.

Много труда было потрачено, особенно в Германии, на анализ ритмического элемента в стиле Демосфена. Несомненно, что многие ораторы, начиная с Горгия, стремились добиться приблизительного соответствия между параллельными или контрастными отрезками своих периодов. В некоторых случаях мы находим равное количество слогов в двух клаузулах и даже более или менее полное ритмическое соответствие. Такие приемы служат для подчеркивания своеобразных фигур речи, которыми восхищался Горгий, и, возможно, были уместны в ораторском искусстве, предназначенном прежде всего для демонстрации, но трудно поверить, что подобная проработка была когда-либо сознательно проведена через длинную судебную речь.

Приложение к третьему тому "Аттического ораторского искусства" Бласса представляет собой монументальный труд. Оно состоит из анализа первых семнадцати разделов *de Corona*, а также всей *Первой Олинфской* и *Третьей Филипповой* речей, и создает впечатление, что эту демосфенскую прозу можно сканировать почти с такой же уверенностью, как и сравнительно простую форму композиции вроде пиндарической оды. Трудно высказываться по такому вопросу без очень долгого и тщательного изучения этой сложной темы; но теория ритмического соответствия, кажется, была разработана слишком детально. Во многих случаях приходится вносить изменения; мы вынуждены разделять слова посередине, а клаузы разбиваются на части произвольным и неестественным образом. Я далек от мысли, что анализ можно оправданно доводить до такой степени; разумнее предположить, что Демосфен от природы обладал острым слухом и что практика так развила его способности, что определенный ритм был естественным для всей его речи. Я не убежден, что все его эффекты были спланированы[359].

§ 6. Риторические приемы

Исай, учитель Демосфена, был мастером аргументации и демонстрации; Демосфен в своих ранних речах обнаруживает сильные следы влияния Исай, но в своих поздних работах он развил разнообразные дарования, которые позволяют ему превзойти своего учителя. Понимая недостаточность для популярной аудитории одних лишь рассуждений, он подкреплял свою логику вспомогательными средствами, апеллируя многочисленными косвенными способами к чувствам и предрассудкам. Одним из ценных методов пробуждения интереса было его поразительное использование парадокса:

"Что касается денежных ресурсов, имеющихся в нашем распоряжении, то, что я хочу сказать, покажется парадоксальным, но я должен это сказать, ибо уверен, что, если рассматривать мое предложение в правильном свете, оно окажется единственно верным и правильным. Я говорю вам, что нам вовсе не нужно поднимать вопрос о деньгах: у нас есть огромные ресурсы, которые мы можем честно и благородно использовать, если они нам понадобятся. Если мы будем искать их сейчас, мы будем думать, что они никогда не будут в нашем распоряжении, настолько мы далеки от желания распоряжаться ими в настоящее время; но если мы позволим делам ждать, они у нас будут. Что же это за ресурсы, которых нет сейчас, но которые появятся позже? Это похоже на загадку. Я объясню. Рассмотрим наш город в целом. В нем почти столько же денег, сколько во всех остальных городах вместе взятых; но люди, владеющие ими, настолько апатичны, что если бы все ораторы попытались запугать их, говоря, что король идет, что он близко, что вторжение неизбежно, и даже если бы ораторы были усилены равным количеством прорицателей, они не только отказались бы вносить свой вклад; они отказались бы даже объявить или признать обладание своим богатством. Но если предположить, что ужасы, о которых мы сейчас говорим, действительно осуществились, никто из них не настолько глуп, чтобы с готовностью не предложить и не сделать взносы..... Поэтому я говорю вам, что у нас есть деньги, готовые к моменту острой нужды, но не раньше"[360].

Точно так же в *Третьей Олинфии* он возбуждает любопытство слушателей, предлагая загадку, на которую после некоторой заминки сам дает ответ. Речь идет о необходимости послать помощь в Олинф. Как обычно, возникает сложность с деньгами.

"Хорошо, - скажете вы, - мы все решили, что должны послать помощь, и мы ее пошлем, но как мы это сделаем, скажите мне?" Итак, господа, не удивляйтесь, если то, что я скажу, окажется для большинства из вас неожиданностью. *Назначьте законодательный совет*. Поручите этому совету не принимать никаких законов (у вас их и так достаточно), а отменить те, которые вредны в нынешних условиях. Я имею в виду законы о Феорическом фонде"[361].

Это упоминание о Фестивальном фонде наводит на некоторые размышления о стойкости и настойчивости оратора. Он не довольствуется тем, чтобы сказать один раз то, что он хочет предложить, и оставить свои слова под собственным весом. Как внимательный лектор, он повторяет свои слова, подчеркивая их различными способами, пока не убедится, что аудитория действительно осознала их важность. Стены, которые он атакует, не рухнут от звука трубы; его настойчивые тараны должны пробить брешь, его катапульты должны согнать защитников с их позиций. Таков смысл комментария Лукиана в словах, приписываемых Филиппу[362].

Речь "О Херсонесе", например, можно разделить на три части, в которых последовательно рассматривается обращение с Диопейцем, превосходство Афин и вина сторонников

Филиппа; но во всех частях мы видим настоятельную необходимость энергичных действий. Это, собственно, и есть тема речи; остальное важно лишь в той мере, в какой оно подкрепляет главный тезис.

Последний приведенный отрывок[363] показывает, с какой ловкостью он вводит диалоги, в которых задает вопросы воображаемому критику или отвечает ему. Этот прием часто используется с большим эффектом. Следующий отрывок представляет собой скорее другой тип:

"Если Филипп захватит Олинф, кто помешает ему пойти на нас? Фиванцы? Неприятно говорить об этом, но они охотно присоединятся к нему во время вторжения. Или фокийцы? Ведь они не смогут защитить даже свою собственную землю, если вы им не поможете. Вы можете подумать о ком-нибудь еще? "Мой дорогой друг, он не захочет нападать на нас". Воистину, было бы величайшим удивлением в мире, если бы он не сделал этого при первой же возможности; ведь даже сейчас он достаточно глуп, чтобы заявить о своих намерениях"[364].

Повествование тоже может занять место аргументации; перечисление злодеяний Филиппа за последние несколько лет может гораздо больше убедить афинян в необходимости действий, чем любые аргументы по поводу конкретного союзника, которому в данный момент угрожает опасность[365].

Знания Демосфена в области истории были глубоки и обширны. Превосходство его достижений над достижениями Эсхина проявляется в более философском использовании им апелляции к прецедентам; его примеры уместны и не надуманны; он может осветить настоящее не только ссылками на древние факты, но и острым проникновением в дух, который одушевлял людей прежних времен[366].

Уже приведенные примеры риторического диалога с воображаемыми оппонентами дают некоторое представление о том, как он использует саркастический тон. Тонко скрытый сарказм может иногда проходить через отрывок значительной длины, как в следующем анекдоте. Заметим мимоходом, что он обычно скуп в использовании анекдота, который никогда не применяется без веских причин. В данном случае его можно оправдать тем, что он представляет собой исторический прецедент процедуры, которую он с иронией рекомендует своим современникам.

Выступая против безрассудной процедуры афинских политиков, которые почти каждый месяц предлагают законы для собственной выгоды,[367] он рассказывает об обычаях локрийцев и с напускной серьезностью выражает пожелание, чтобы подобные ограничения были введены и в Афинах:

"Я хотел бы рассказать вам, господа, как ведется законодательство у локрийцев. Вам не повредит иметь перед глазами пример, особенно пример хорошо управляемого государства. Там люди настолько убеждены, что должны придерживаться установленных законов и беречь свои традиции, а не принимать законы в угоду своей фантазии или чтобы помочь преступнику скрыться, что любому, кто хочет принять новый закон, нужно накинуть веревку на шею, пока он его предлагает. Если они сочтут, что закон хорош и полезен, то его автор остается жив и идет своей дорогой; если же нет, то они дергают за веревку, и на этом все заканчивается. Ибо они не выносят принятия новых законов, но неукоснительно соблюдают старые. Нам говорят, что за многие годы был принят только один новый закон. Если раньше

существовал закон о том, что если человек выбивает глаз другому, то он должен подчиниться, чтобы ему в ответ выбили его собственный, причем денежная компенсация не предусматривалась, то некий человек пригрозил своему врагу, уже потерявшему глаз, выбить оставшийся у него глаз. Одноглазый, встревоженный угрозой и решив, что жизнь не будет стоить того, чтобы ее исполнять, рискнул предложить закон о том, что если человек выбьет глаз тому, у кого есть только один, то он должен согласиться, чтобы ему выбили оба, чтобы оба пострадали одинаково. Нам говорят, что это единственный закон, который локрийцы приняли за последние двести лет"[368].

Это, однако, относится к речи перед судом; она превосходна на своем месте, но не соответствовала бы более достойному и торжественному стилю, в котором он обращается к собранию. Столь же неподходящей для его публичных выступлений была бы и злобная сатира, которую он допускает в "*Короне*", вульгарные личные оскорбления и грубые карикатуры на Эсхина и его предшественников. [369] Единственным оправданием для них может служить то, что, хотя они и были злонамеренными, они настолько преувеличены, что кажутся совершенно невероятными. Их можно сравнить с сатирой Аристофана на Клеона в "*Рыцарях*", которая была достаточно грубой, но не могла нанести Клеону серьезного вреда. Демосфен действительно становится поистине аристофановским, когда говорит об игре Эсхина:

Когда со временем ты был освобожден от этих обязанностей, сам совершив все те преступления, в которых обвиняешь других, я клянусь, что твоя последующая жизнь ничуть не уступала твоим прежним обещаниям. Ты нанялся к игрокам Симилу и Сократу, "беллоурам", как их называли, на второстепенные роли, и собрал урожай смокв, винограда и оливок, как плодород, получающий свои запасы из чужих садов; И вы зарабатывали на этом больше, чем на своих пьесах, которые вы играли всерьез, рискуя жизнью; ведь между вами и зрителями шла беспристрастная и беспощадная война, от которой вы получили столько ран, что вы, естественно, смеетесь над трусостью тех, кто никогда не имел такого большого опыта.'[370]

Его обычно описывают как человека, не обладающего остроумием, и, похоже, в этом отношении он уступал Эсхину, хотя в одном или двух случаях он мог метко ответить.[371] Как говорит Дионисий:

"Не всем людям дается любой дар"[372].

Если, как утверждает его критик,[373] он был в опасности обратить смех против себя, у него были серьезные дары, которые с лихвой компенсировали этот недостаток.

Не следует думать, что он был полностью свободен от софистики. Как и многие ораторы, выступающие по хорошим или плохим поводам, он время от времени старался придать слабому аргументу видимость сильного, и в этих попытках часто был абсолютно неискренен. Вся история *де Корона* - это попытка сбить судей с толку, пустив их по ложному следу. В его защиту можно возразить, что в данном случае справедливость действительно была на его стороне, но, обнаружив, что Эсхинес на законных основаниях занимает неприступную позицию, он практически отбросил обсуждение законности и направил ход процесса на решение совершенно других вопросов. В данном случае, конечно, технические моменты были лишь поводом для возбуждения дела и, вероятно, не имели большого значения для суда. На самом деле суд был посвящен политическим принципам и действиям двух великих противников, а Ктесифон был лишь когтем. Но изучение других речей позволяет обнаружить множество незначительных моментов, в которых, точно оценив интеллект своей аудитории, он намеренно вводил ее в заблуждение. Так, его собственные познания в истории были

глубоки; но опыт доказал, что знания, которыми обладает любая аудитория об истории своего поколения, скорее всего, будут отрывочными и неточными. События не уложились в правильную перспективу; мы должны полагаться либо на собственные воспоминания, которые могут быть искажены предрассудками, либо на высказывания историков, которые находятся слишком близко во времени, чтобы иметь возможность получить справедливое представление. Это дает политикам возможность так сгруппировать или исказить факты, чтобы создать неверное впечатление.

Случаи такой недобросовестности со стороны Демосфена, вероятно, многочисленны, даже если они не имеют большого значения.

В речи "О посольстве"[374] он утверждает, что Эсхин, не возражая против притязаний Филиппа на признание его Амфикионом, был единственным, кто высказался в его пользу; однако сам Демосфен советовал подчиниться. В речи "Против Тимократа" есть явные преувеличения в ущерб обвиняемому. Тимократ предлагал дать некоторым должникам время для уплаты долгов; Демосфен утверждает, что он восстановил их в гражданских правах без уплаты.[375] В конце речи делается заявление, которое противоречит заявлению на ту же тему в exordium.[376]

Но подобные риторические приемы - лишь незначительные недостатки, которым подвержено большинство политиков[377]. Сам оратор, вероятно, считал бы оправданными даже более сомнительные действия во имя дела, которое он отстаивает. Мы должны помнить, что все действительно важные дела, в которых он принимал участие, имели политическую подоплеку, и на протяжении всей своей государственной карьеры он никогда не ослаблял усилий по поддержанию тех принципов, которые излагал в своих публичных проповедях. До самого конца он возлагал надежды на свободу Греции, свободу Афин, не основанную на недостойном компромиссе, но зависящую от нового рождения старого афинского духа. Возрождение, которое он представлял, должно было произойти благодаря возрождению духа личного самопожертвования. Каждый человек должен осознать, во-первых, что у города есть славная миссия, что он призван воплотить в жизнь идеал свободы, основанный на принципах справедливости; во-вторых, что для достижения этой цели каждый должен жить не для себя или своей партии, а исключительно для города. Именно сознание того, что в голове Демосфена постоянно присутствуют эти просвещенные идеи, заставляет нас выделить его среди других ораторов. Ликург, второсортный оратор, впечатляет своей искренностью и неподкупностью; Демосфен, великий среди ораторов, выделяется из толпы еще больше благородством своих устремлений.

§ 7. Структура речей

Структура речей дает нам последний пример многогранности композитора и его свободы от общепринятой формы.

Действительно, мы видим, что у него регулярно присутствуют экзордиум и эпилог, но в расположении других частей речи он предоставляет себе полную свободу; мы не можем рассчитывать на то, что изложение аргументов будет находиться в одном месте, за ним будут регулярно следовать доказательства, опровержение аргументов оппонента и т. д. Все элементы могут перемежаться, поскольку он излагает свои аргументы не в хронологическом и даже не обязательно в логическом порядке, а в таком, который кажется ему наиболее решающим. Он не связан никакими общепринятыми правилами ведения войны и может оставить фланги незащищенными, пока наносит сокрушительный удар по центру. В некоторых случаях практически невозможно провести регулярное деление по техническим

правилам; так, в "*Де Короне*" возникает спор о том, где на самом деле начинается эпилог[378].

Большинство речей фактически заканчивается, согласно аттическому обычаю, который управлял и трагедией, и ораторским искусством, несколькими предложениями умеренного тона, контрастирующего с предыдущим волнением; буря страстей сменяется затишьем. В судебных речах в самом конце обычно содержится призыв к вынесению справедливого приговора или выражение убежденности оратора в том, что теперь дело можно спокойно оставить на усмотрение суда; так, "*Лептины*" заканчиваются с простотой, достойной Лисия:

"Я не вижу необходимости говорить больше, ибо полагаю, что нет такого вопроса, по которому вы не были бы достаточно проинструктированы"; *Мидий* более торжественно: "Ввиду всего, что я изложил перед вами, и особенно в знак уважения к богу, чей праздник Мидий осквернил, накажите его, вынеся вердикт в соответствии с благочестием и справедливостью".

В *de Falsa Legatione* больше личных чувств: "Вы не должны отпускать его, но сделайте его наказание примером для всех Афин и всей Греции". В "*Тимократе*" все примерно так же: "Милосердие в этих обстоятельствах неуместно; вынести легкий приговор - значит приучить и воспитать в дурном поведении как можно большее число из вас". *Андротион* заканчивает речь личным мнением об аспекте преступления, и *Аристократ* выдержан в том же тоне. Первая речь против Аристогитона напрямую обращается к личным интересам всех присяжных: "Его преступление касается каждого, каждого из вас, и все вы хотите избавиться от его злодеяния и увидеть его наказанным".

Речь *де Корона* замечательна во всех отношениях; эта великая речь, которая, возникнув по почти ничтожным причинам, отказывается от более мелких вопросов и превращается в великолепную защиту патриотической политики, начинается с торжественного призыва: "Я начинаю, афинские мужи, с молитвы ко всем богам и богиням, чтобы вы проявили ко мне в этом деле столько же доброй воли, сколько я проявил и продолжаю проявлять к Афинам и ко всем вам". Она заканчивается уникальным образом - обращением не к суду, а к высшему трибуналу, обращением, которое тем более впечатляет, что его язык напоминает священные формулы религиозных изречений. Никогда, боги небесные, никогда не давайте своего одобрения их поведению; но, если это возможно, пусть вы дадите даже моим врагам более здравый ум и сердце. Если же они не поддаются исправлению, повергните их в полное и абсолютное уничтожение на суше и на море; а остальным даруйте, как можно скорее, освобождение от ужасов, которые нависли над нами, и непоколебимое спасение".

Речи перед собранием, естественно, отличаются по своей концовке от судебных речей; здесь нет преступника, на которого можно напасть, и нет преступления, которое можно заклеить; слушатели как бы сами встают на защиту, и Демосфен свободно указывает на их недостатки, но, как уже было замечено, отдельные противники убегают; если были дурные советчики, ответственность за следование дурным советам лежит на публике, и ее можно только увещивать следовать лучшим путем. Речи о *Симмориях* и о *Мегалополе* заканчиваются кратким изложением советов оратора. Так же, как и речь "*О свободе Родоса*", последние слова которой содержат прекрасное обращение к уроку древности. Подумайте, что ваши предки посвятили эти трофеи не для того, чтобы вы восхищенно взирали на них, а в надежде, что вы сможете подражать добродетелям тех, кто их посвятил".

Несколько речей, посвященных македонскому вопросу, заканчиваются короткой молитвой о наставлении: Так, в *Первом Филиппике*: "Пусть возобладает тот совет, который будет выгоден всем"; в *Первом Олинфии*: "Пусть ваше решение будет здоровым, ради всех вас"; в *Третьем Филиппике*: "Что бы вы ни решили, я молю небо, чтобы это было вам на пользу"; в *Третьем Олинфии*: "Я сказал вам, что я считаю выгодным для вас, и я молю, чтобы вы выбрали то, что будет выгодно государству и всем вам самим."

Иногда уверенность выражается сильнее, как, например, во *Втором Олинфее*: "Если вы поступите таким образом, вы не только похвалите своего нынешнего советника, но и будете иметь повод похвалить свое собственное поведение впоследствии, когда обнаружите общее улучшение ваших перспектив".

Второй "Филиппик" заканчивается молитвой, похожей на ту, что в *"Короне"*, хотя и менее выразительной; речь в *Херсонесе* - обличением и предупреждением.^[379] В *"Мире"* эпилог вообще отсутствует, а обрывается сарказмом.

Указание на характер тем подлинных речей может оказаться полезным для справки. Их можно разделить на три группы: А. Частные, В. Публичные, С. Делиберативные речи.

А. - Речи по частным поводам

Против Афоба, i. и ii., 363 г. до н. э., произнесенные в ходе судебного процесса, который Демосфен возбудил против своего опекуна, чтобы вернуть свое имущество.

Против Фаноса против Афоба, 363 г. до н. э. Афоб, осужденный по первому делу, обвинил свидетеля, Фаноса, в лжесвидетельстве: Демосфен защищает последнего.

Против Онетора, i. и ii., 362 г. до н. э. Еще одно дело, возникшее в связи с опекой. Когда Афоба осудили, выяснилось, что он передал часть имущества своему тестю Онетору, против которого Демосфен был вынужден возбудить дело о δίκη ἐξούλης.

О триерархической короне, между 361-357 гг. до н. э. Аполлодор, получив корону, которая ежегодно давалась тому триерарху, который первым ввел в строй свой корабль, требует вторую корону за то, что дал лучше всего оснащенный корабль.

Против Спудия (дата неизвестна). Некий Полиэкт умер, оставив свое имущество в равных долях двум дочерям. Муж старшей утверждает, что обещанное за ней приданое никогда не было выплачено полностью, и что Спудий, муж младшей дочери, не имеет, следовательно, права на половину всего имущества. Долг истца должен быть погашен в первую очередь.

Против Калликла (дата неизвестна). Калликл, фермер, утверждает, что отец ответчика построил стену, перекрывающую водоток, в результате чего земля истца в дождливую погоду была затоплена. Ответчик отрицает обвинение и высмеивает его на том основании, что естественным водотоком была шоссейная дорога^[380].

Против Конона (возможно, 341 г. до н. э., см. издание Палея и Сэндиса). Аристон преследует Конона за нападение. Ссора произошла в то время, когда обе стороны несли гарнизонную службу, а Конон и его сыновья намеренно досаждали Аристону и его друзьям. Впоследствии обвиняемый, при поддержке своих сыновей и других членов неблаговидного клуба "Мохоx" под названием "Трибалли", жестоко напал на оратора^[381].

Для Формиона, 350 г. до н. э. Формион, главный клерк Пасиона, знаменитого афинского банкира, сменил его в этом деле. Несколько лет спустя Аполлодор, старший сын Пасиона, потребовал денежную сумму, причитавшуюся ему по завещанию отца; Формион, однако,

доказал, что было заключено компромиссное соглашение, сделавшее данный иск недействительным.

Против Стефана, i., 349 или 348 г. до н. э. Аполлодор обвиняет Стефана, свидетеля Формиона в предыдущем деле, в лжесвидетельстве. Заметно, что Демосфен, профессиональный составитель речей, теперь переходит на другую сторону - поступок довольно сомнительной морали, если судить по строгим стандартам.

Против Беота, i., 348 г. до н. э. У Мантия, афинского политика, было три сына: Мантией (законный), Беот и еще один незаконнорожденный. Беот претендовал на имя Мантией, а истинный Мантией подал иск, чтобы запретить ему использовать это имя.

Против Пантаенета, 346 г. до н. э. Иск (параграфі) некоего Никобула против Пантаенета, который обвинил первого в повреждении его горного имущества. Дело трудно проследить, так как рудник, о котором идет речь, находился во владении не менее шести различных сторон, как собственников, залогодержателей или арендаторов.

Против Наусимаха (около 346 г. до н. э.). Сироты Наусимах и Ксенопейтес подали иск против своего опекуна Аристахма по поводу их имущества, но согласились на компромисс за три таланта, которые были должным образом выплачены. После его смерти они подали иск против четырех его сыновей, повторив свои первоначальные требования. Сыновья подали параграфі, чтобы прекратить иск на основании компромисса.

Против Эвбулида, 345 г. до н. э. Эвксифей, которому "возразили" при пересмотре списка граждан, утверждает, что он является гражданином по праву, но был злонамеренно исключен из списка Эвбулидом. Настоящее дело - это его апелляция (ἔφεσις) в суд против этого решения.

Остальные частные речи, вполне возможно, были написаны не Демосфеном, хотя доказать это, как правило, невозможно. Тем не менее, они кажутся подлинными речами, составленными для произнесения каким-то автором или авторами демосфеновского периода, и представляют огромный интерес и важность для всех изучающих частную жизнь в Афинах.

Против Каллиппа, 369 г. до н. э. ἔφεσις или апелляция в суд из арбитража, который, по словам истца Аполлодора, сына Пасиона, был неофициальным, так как арбитр не принес присягу. Дело возникло в связи с претензией Каллиппа на деньги, вложенные в банк Пасиона и выплаченные им некоему Кефисиаду.

Против Никострата, 368-365 гг. до н. э. Аполлодор объявил, что Аретусий, должник государства, владеет двумя рабами, которые подлежат конфискации в счет уплаты долга. Никострат, брат Аретусия, заявил, что рабы принадлежат ему. Аполлодор в этой речи должен доказать, что это утверждение ложно.

Против Тимофея, 362 г. до н. э. Аполлодор требует от Тимофея деньги, которые, как он утверждает, тот занял у Пасиона.

Против Поликса, 358 г. до н. э. Аполлодор был вынужден исполнять обязанности триерарха дольше назначенного срока, так как Поликс, его преемник, не был готов взять на себя эту обязанность. Первый требует возмещения ущерба.

Против Стефана, ii. См. *Против Стефана, i.*, к которому это дополнение.

Против Эврга и Мнесибула, 356-353 гг. до н. э. Обвинение в лжесвидетельстве по делу бывших триерархов, задолжавших государству.

Против Зенотемиса, дата неизвестна. Запутанная история мошенничества и сговора в связи с деньгами, взятыми в долг под залог корабля, и попыткой списать корабль.

Против Беота, ii., 348-346 гг. до н. э. (см. первую речь "*Против Беота*"). Мантитей требует от своих братьев выплаты приданого матери в дополнение к своей доле наследства отца.

Против Макартата, ок. 341 г. до н. э. Дело о поддельном завещании и противоречивых претензиях на наследство.

Против Олимпиодора, ок. 341 г. до н. э. Олимпиодор и Каллистрат, родные братья, получили наследство Конона. Их право собственности было поставлено под сомнение, и решение было вынесено против них по умолчанию. Они подали новый иск, причем Олимпиодор претендовал на всю долю, а Каллистрат - на половину, но они тайно договорились разделить добычу поровну. Олимпиодор получил всю добычу и оставил ее себе, поэтому Каллистрат подал иск на основании их соглашения.

Против Лакрита, дата неизвестна. Лакрит отказывается от ответственности за долги своего брата Артемона, имущество которого он унаследовал.

Против Фениппа, 330 г. до н. э. (?). Проситель, избранный на триерархию, утверждал, что Фенипп имеет больше средств и должен подчиниться *антидоту*, или обмену имуществом. Он обвиняет Фениппа в том, что тот сделал ложное заявление.

Против Леохареса, дата неизвестна; еще одно дело о спорном наследстве.

Против Апатурия, 341 г. до н. э. (?). Апатурий утверждает, что оратор имеет перед ним определенные обязательства в соответствии с договором, который он потерял. Оратор утверждает в параграфѣ, что договор был выполнен некоторое время назад, а документ разорван.

Против Формиона, ок. 326 г. до н. э. Формион, заняв деньги под залог груза корабля в плавании к Боспору и обратно, на обратном пути не отправил никакого груза, но так как корабль погиб, уклонился от своих обязательств. Когда должник Хрисипп потребовал возврата долга, Формий подал параграфѣ о том, что он выполнил свой договор.

Против Дионисодора, 323-322 гг. до н. э. Еще один иск о нарушении договора по аналогичному делу.

В.- Речи по общественным делам

Против Андротиона, 355 г. до н. э., написана для Диодора. Андротион предложил наградить Буле золотой короной за их заслуги в течение года. Эвктемон и Диодор осудили это предложение как незаконное, поскольку в течение года флот не был увеличен. Демосфен в этой речи нападает на ретроградную военно-морскую политику, указывая историческими аргументами на важность флота, и в целом осуждает коррумпированность партии, которую представляет Андротион, а также его личный характер.

Против Лептинеса, 354 г. до н. э. Это первое выступление Демосфена в публичном суде. Лептиний предложил отменить наследственные иммунитеты от налогов (ἀτέλεια), предоставляемые общественным благотворителям. Это была спасительная мера в связи с

существующими финансовыми затруднениями, но Демосфен выступил против нее как против нарушения веры. "Вы должны позаботиться о том, чтобы не быть уличенными в том, что, будучи государством, вы совершаете такие поступки, от которых вы бы уклонились, будучи частными лицами"[382] Это обесценивание государства сравнивается с обесцениванием монеты, что является смертным преступлением[383].

Против Тимократа, 353 г. до н. э. Другая речь, написанная для Диодора, содержит несколько отрывков, повторенных из "Андротиона". Этот человек и другие, не вернувшие присвоенные деньги, подлежали тюремному заключению. Тимократ предложил продлить срок, в течение которого они могли расплатиться. Демосфен утверждает, что закон был принят неофициально и неконституционен. Многие аргументы софистичны или тривиальны, но некоторые весомы, и в целом речь о том, что ретроспективное законодательство в интересах отдельных лиц вредно, очень здравая. В прологе содержится панегирик афинским законам[384].

Против Аристократа, 352 г. до н. э., является важным авторитетом для афинского закона об убийстве. Аристократ провел постановление о неприкосновенности личности Харидема. Этот человек, эвбейский по происхождению, был предводителем наемников, который помог потерять Амфиполь и теперь собирался его вернуть. В настоящее время он командовал войсками фракийского вождя Церсоблепта. Демосфен написал эту речь для Эвтикла, который осуждал это предложение. Она содержит необычайно тщательное изложение в трех частях: (1) предложение незаконно, (2) оно противоречит нашим интересам, (3) Харидем - недостойный человек. Демосфен показывает себя с лучшей стороны, когда апеллирует к законодательному принципу, использует исторические аргументы, описывает условия службы наемников и политику варварских окраин. Доводы против Харидема убедительны: он служил Афинам, Олиффу, Азии и Фракии, и со всеми играл быстро и свободно.

Против Мидия, 347 г. до н. э. Прекрасная речь на тривиальную тему, которую не может украсить все красноречие Демосфена. Сильные эмоции очевидны на всем протяжении, тон возвышен, есть патетические и юмористические пассажи, и все это о коробке для уха!

Мидий, который имел давнюю личную неприязнь к Демосфену, был также его политическим противником. Когда в 348 году до н. э. Демосфен взялся организовать хор для своего племени на Больших Дионисиях, Мидий сделал все возможное, чтобы сорвать представление. В сам день представления он ударил Демосфена по лицу в присутствии всего народа в театре.[385] Демосфен подал жалобу, и Мидий был объявлен виновным в "неуважении" в религиозном смысле (ᾠδίκηῖν περὶ τὴν ἑορτήν). Это предварительное голосование не предполагало никакого наказания, и Демосфен решил довести дело до крайности. Мидий, напавший на должностное лицо при исполнении служебных обязанностей и, кроме того, совершивший при этом святотатство, мог быть приговорен к смерти или конфискации имущества. Однако в конце концов, как мы узнаем от Эсхина,[386] был достигнут компромисс, и Демосфен принял полталанта в качестве компенсации за нанесенные ему увечья. Эта сумма была совершенно недостаточной, но есть все основания полагать, что Демосфен уступил по политическим причинам, поскольку в конце этого года мы находим понимание между ним и партией Эвбула, к которой принадлежал Мидий.

О посольстве (de Falsa Legatione), 344 г. до н. э.

Теперь мы переходим к двум великим речам, возникшим в результате политической вражды Демосфена и Эсхина, - речам "О посольстве", 344 г. до н. э., и "О короне", 330 г. до н. э.

История ссоры была изложена в предыдущих главах, а сами речи в какой-то мере описаны, поскольку рассказ о жизни двух ораторов должен быть очень неполным без полного упоминания их вражды.^[387] Однако несколько дополнительных замечаний могут быть здесь уместны.

В "*Посольстве*" Демосфену приходится вести нелегкую борьбу; он обвиняет Эсхина в том, что тот из порочных побуждений заключил бесчестный и гибельный мир. Он не может привести прямых доказательств вины своего соперника, но его предположительные доказательства сильны. У него есть один неоспоримый факт, на который он может опираться: Эсхин, вернувшись из второго посольства, сделал ряд заявлений и обещаний, которые ввели народ в заблуждение и привели к захвату Фермопил и разорению Фокисы. Сам Эсхин, должно быть, был либо одурачен, либо подкуплен Филиппом, и поскольку он никогда не признавал себя глупцом, становится ясно, что он был плутом. Длинный раздел речи (§§ 29-97) посвящен описанию последствий политики Эсхина, а другой (§§ 98-149) - выводу о его виновности на основании указанных и других эпизодов его карьеры. Предположения о виновности Эсхина возникли уже во вступительных разделах (§§ 9-28), где описывается внезапная смена фронта Эсхина. Это впечатление усиливается после обзора событий второго посольства (§§ 150-178). Обвинение теперь установлено, насколько позволяют обстоятельства; остальная часть речи, почти такая же длинная, как и первая, на самом деле является дополнением. Она более дискуссионна, а в некоторых местах, благодаря изложению общих принципов, напоминает тон совещательного ораторского искусства.

Речь "*О короне*",^[388] 330 г. до н. э., превосходит даже предыдущую речь по внешнему беспорядку, что, вероятно, объясняется глубоким замыслом. Единство и последовательность целого сохраняется благодаря пронизывающей все разделы мысли, что оратор должен отождествлять себя с городом; его политика ее; личные интересы сливаются с интересами общества, и дело должно быть выиграно не на технических пунктах закона, а путем обоснования более широких принципов, которые лежали в основе всех действий государства.

Речи *против Аристогитона*, 325-4 гг. до н. э.,^[389] обычно считаются поддельными; Вейль, однако, отстаивает подлинность первой, отказываясь от второй. Процесс представляет собой попытку подавить злобного и опасного подхалима.

Еще две публичные речи, написанные современными авторами, ошибочно включены в издания Демосфена: *Против Нееры*, написанная для Аполлодора между 343 и 339 гг. до н. э. по вопросу о правовом статусе *гетеры*, и *Против Теокринов*, около 340 г. до н. э. Теокрины были еще одним подхалимом, которого Демосфен заклеил навечно, используя его имя в качестве оскорбительного термина, называя Эсхина "Теокрином с повадками трагического актера"^[390].

С.-Делиберативные речи

Речь "*О симмориях*", 354 г. до н. э., посвящена слухам о том, что Персия намеревается вторгнуться в Грецию. Демосфен указывает, что эти опасения беспочвенны, и отговаривает от опрометчивых шагов; но признает, что в будущем следует ожидать неприятностей, и находит возможность представить план реформы военно-морского флота. Деньги можно было получить, когда опасность была неминуема;^[391] теперь же необходимо было усовершенствовать механизм. Стиль - фукидидовский.

Для жителей Мегалополя, 353 г. до н. э. Мегалополь, город Аркадской лиги, учрежденной Эпаминондасом, оказался под угрозой разгрома со стороны Спарты и обратился к Афинам. В это же время Спарта отправила посольство. Демосфен, исповедуя нейтралитет, на самом деле поддерживал аркадян, желая сохранить их целостность ради баланса сил. Он не достиг своей цели.

Первый Филиппик, 351 г. до н. э., см. выше, стр. 206-210.

За свободу родосцев", 351 г. до н. э., поддерживает претензии жителей острова против притеснений со стороны Артемисии, вдовы Мавсола Карийского. Демосфен снова потерпел неудачу, в основном из-за предубеждения против Родоса, который восстал против Афин в 357 году до н.э.

Первая, вторая и третья Олинфия, все в 349 г. до н. э., см. выше, с. 210.

О мире, 346 г. до н. э., *vide supra*, р. 212.

Второй Филиппик, 344 г. до н. э., см. выше, с. 213-214.

О Херсонесе, 341 г. до н. э., *vide supra*, pp. 215-216.

Третий Филиппик, 341 г. до н. э., см. выше, с. 216-218.

Поддельный Четвертый Филиппик (341-340 гг. до н. э.) уже обсуждался (выше, с. 218). Речь о *Галоннесе* (342 г. до н. э.) приписывается Гегесиппу. Это ответ на предложение Филиппа подарить Афинам остров Галоннес, который он захватил, очистив от занимавших его пиратов[392].

О договоре с Александром, дата неопределенная, вероятно, 335 г. до н. э., также написан современником Демосфена. Тема такова: "Договоры должны соблюдаться всеми, но Македон нарушил обещания, поэтому для Афин это возможность вернуть себе свободу".

Ответ на письмо Филиппа и речь *περί συντάξεως* (о финансовой организации) обычно считаются риторическими подделками.

Две эпидейктические речи, "*Эпитафия*" и "*Эротика*", почти наверняка написаны не Демосфеном, а шесть "*Писем*" вызывают сомнения. Пятьдесят шесть *проэмий*, или вступлений к речам, вероятно, являются подлинными упражнениями ранних лет оратора.

ГЛАВА X ФОКИОН, ДЕМАДЕС, ПИФЕЙ

Хотя, как правило, оратор не мог надеяться на успех в Афинах четвертого века без профессиональной подготовки, иногда находились люди, которые благодаря силе характера или природным дарованиям могли обойтись без риторического образования.

Среди людей мирной партии лидировал Фокион, аристократ по инстинкту, если не по рождению; человек, которым восхищались как за способности, так и за честность, так что,

хотя он и не был великим оратором, его речи всегда вызывали уважение. Он, как и Перикл, стремился быть одновременно государственным деятелем и полководцем, и в первом качестве ему приходилось иногда выступать в собрании. Различные анекдоты Плутарха указывают на его старания достичь краткости, которая была почти лаконичной. Его речи были столь же язвительными, сколь и краткими - Демосфен называл его "ножом, который режет мои речи"; он обладал живым остроумием, которое, должно быть, нравилось слушателям, даже если его политика была непопулярной. Однажды, когда народ зааплодировал ему - что случалось редко, поскольку он не стремился к популярности и не ожидал ее, - он сделал паузу в своей речи и спросил: "Не сказал ли я чего-нибудь абсурдного?"

Яростный критик демократии, он, будучи, тем не менее, ее верным слугой, из самых чистых побуждений продолжал призывать к миру, хотя лучшие годы его жизни прошли в войне. Его уважали за высокий характер Филипп и Александр, он согласился с правительством, учрежденным Антипатром в 322 году до н. э., но пал жертвой ненависти крайних демократов и был вынужден выпить болиголов в возрасте восьмидесяти лет в 317 году до н. э.

Демадес, его современник и член той же политической партии, представляет собой идеальный тип вульгарного демагога. Его успех зависел от живого остроумия и неиссякаемого потока слов. После битвы при Херонее, где он попал в плен, он стал явным агентом Филиппа и Александра.^[393] Вследствие его предполагаемых заслуг перед Афинами после разрушения Фив он приобрел большую популярность, его статуя была установлена на рыночной площади, а более материальные блага - вечные трапезы в Пританеуме - были ему узаконены. Он был предан смерти Кассандром, сыном Антипатра; его сограждане переплавили его статуи и использовали металл для еще более низких целей.^[394] Его записанные изречения показывают воображение: "Александр не умер; если бы он умер, весь мир провонял бы его трупом"; или еще: "Македон без Александра был бы как циклоп без глаза";^[395] наконец, Афины для него - "не тот морской боец, которого знали наши предки, а старуха, носящая тапочки и питающаяся ячменной водой".^[396] За высокое мнение о его красноречии мы можем сослаться на вердикт Теофраста: "Демосфен - оратор, достойный Афин; Демадес находится на более высоком уровне, чем Афины".^[397] У нас нет других возможностей составить какое-либо представление о его стиле.

Пифей, еще один оратор, поднявшийся благодаря своим талантам из скромного положения, был намного моложе двух предыдущих, которые были примерно современниками Демосфена.^[398] Он был одним из обвинителей Демосфена в деле Гарпала в 324 году до н. э. Вскоре после смерти Александра он был изгнан, перешел на службу к Антипатру и работал его агентом в Пелопоннесе, используя свое влияние, чтобы помешать усилиям Демосфена по объединению сопротивления. После этого мы теряем его из виду. Считается, что он обладал талантом, но ему мешало отсутствие образования. Он был автором знаменитой фразы о речах Демосфена, что они "пахнут лампой", и другой, не менее меткой, хотя и менее известной фразы, что Демосфен "проглотил Исея целиком"^[399].

ГЛАВА XI

ЛИКУРГ, ГИПЕРИД, ДИНАРХ

§ 1. Жизнь

Ликург, по словам Либания, был старше Демосфена,^[400] хотя они были практически современниками. Он принадлежал к прославленному роду Этеобутадов, которые вели свое происхождение от Бутеса, брата Эрехтея. Жречество Посидона-Эрехтея и другие религиозные должности были наследственными в этой семье.

Дед оратора, также называемый Ликургом, был предан смерти Тридцатью; его отец, Ликофрон, известен только по имени.

В сохранившихся речах оратора и в записанных его деяниях мы находим множество доказательств искренней набожности и глубокого религиозного чувства, которые были естественны для истинного представителя такой семьи. Традиции его дома вполне могли обратить его мысли к суровым добродетелям древних дней, дней афинского величия, когда от гражданина ожидалось самопожертвование. Он выражает дружеские чувства по отношению к Спарте.

О его ранней политической жизни мы знаем только то, что он был союзником Демосфена.^[401] Он стал более заметным после Хаэроanei и был одним из десяти ораторов, чьей сдачи потребовал Александр после разрушения Фив.

В 338 году до н. э., когда к власти пришла партия войны, он сменил Эвбула, выдвиженца партии мира, на важном финансовом посту. В декрете, цитируемом Псевдо-Плутархом, он назван "управляющим государственными доходами" (τῆς κοινῆς προσόδου ταμίης), что, вероятно, не является его правильным титулом, хотя и справедливо отражает его назначение.^[402] Он занимал этот пост в течение двенадцати лет. Его долгое правление, отличавшееся абсолютной честностью, привело финансы Афин в тщательно продуманное состояние. За время своего правления он построил театр и одеон, достроил арсенал, увеличил флот и улучшил гавань Пирея. Он также украсил город произведениями искусства - статуями великих поэтов, установленными в общественных местах, золотыми фигурами Победы и золотыми сосудами, посвященными в храмах. Его уважение к поэтам проявилось в том, что он распорядился сделать официальную копию произведений трех великих трагиков - копию, которая впоследствии перешла в собственность Александрийской библиотеки^[403].

Своей миссией он считал повышение уровня общественной и частной жизни. Будучи почти аскетом,^[404] он принимал законы о роскоши; будучи религиозным человеком по инстинкту и традиции, он строил храмы и поощрял религиозные праздники; будучи горячим патриотом по убеждению, он считал своим долгом взять на себя неблагодарную роль общественного обвинителя, преследуя всех, кто не выполнил свой священный долг по отношению к своей стране. Таким образом он провел множество судебных процессов, которые почти все были успешными. Он никогда не был платным адвокатом и не писал речей для других; более того, он считал бы преступным писать или говорить против своих убеждений.^[405] Его обвинительные заключения отличались такой непреклонной суровостью, что современники сравнивали его с Драко, говоря, что он писал свои обвинения пером, обмакнутым в смерть вместо крови.^[406]

Он умер естественной смертью в 324 году до н. э.^[407] и был удостоен публичных похорон. Его враг Менезехм, сменивший его на посту, обвинил его в том, что он оставил недостачу, хотя, согласно одной истории, Ликург, находясь под угрозой смерти, был перенесен в эkkлeсию и успешно защищался по этому поводу. Его сыновья были приговорены к возмещению ущерба, но, не имея возможности заплатить, были брошены в тюрьму, несмотря на умелую защиту Гиперида. Они были освобождены по апелляции Демосфена, находившегося в то время в изгнании.

§ 2. Сочинения

В античности сохранилось пятнадцать речей Ликурга, почти все - по серьезным обвинениям. Он преследовал Евксениппа, которого защищал Гиперид; выступал против оратора Демадеса и, в союзе с Демосфеном, против подхалима Аристогитона. Другие известные нам по именам речи: *"Против Автолика"*, *"Против Леократа"*, две речи *против Ликофрона*, *против Лисикла*, *против Менесехма*, *защита себя против Демадеса*, *против Исихирия*, *πρὸς τὰς μαρτυρίας* (неясное название), *"О своем управлении"*, *"О жреце"* и *"О жречестве"*^[409].

До наших дней дошла только одна речь - об импичменте Леократа.

Афинянин Леократ во время паники, последовавшей за битвой при Херонее, бежал из Афин на Родос, а оттуда перебрался в Мегару, где в течение пяти лет занимался торговлей. Около 332 года до н. э. он вернулся в Афины, думая, что его дезертирство будет забыто; но Ликург преследовал его как предателя.

Лишь небольшая часть речи посвящена доказательству этого обвинения. К § 36 Ликург считает его общепризнанным. Остальные 114 разделов состоят в основном из комментариев и отступлений, цель которых - подчеркнуть серьезность преступления и создать прецедент для применения сурового наказания в подобных случаях.

Анализ

1. *Введение*. Справедливость и благочестие требуют, чтобы я привлек Леократа к суду (§§ 1-2); роль обвинителя непопулярна, но мой долг - взять ее на себя (§§ 3-6). Это дело исключительной важности, и ты должен вынести свое решение без предубеждения и пристрастия, подражая Ареопагу (§§ 7-16).

2. *Повествование*. Бегство Леократа на Родос. *Свидетельства* (§§ 17-20). Его переезд в Мегару и занятие ее. *Доказательства* (§§ 21-23).

3. *Аргументация*. Комментарии к повествованию. Возможная линия защиты (§§ 24-35). Дело доказано. Остается описать обстоятельства Афин в то время, когда Леократ покинул ее (§ 36).

4. Паника после битвы при Херонее (§§ 37-45). Восхваление павших в битве (§§ 46-51). Оправдание невозможно (§§ 52-54). Еще одно основание для защиты отсечено (§§ 55-58). Дальнейшие оправдания не принимаются (§§ 59-62). Попытка его защитников принизить его преступление опровергается апелляцией к принципам Драко (§§ 63-67). Они апеллируют к прецеденту - эвакуации города перед битвой при Саламине: этот прецедент может быть обращен против них (§§ 68-74). Святость клятв и наказание за лжесвидетельство. Апелляция к древней истории. Кодр (§§ 75-89). Леократ говорит, что уверен в своей невинности - *quem deus vult perdere, prius dementat* (§§ 90-93). Провидение (§§ 94-97). Примеры

самопожертвования; цитаты из Еврипида и Гомера (§§ 97-105). Восхваление Спарты. Влияние Тиртея на патриотов. Фермопилы (§§ 106-110). Суровость наших предков к предателям (§§ 111-127). Спарта была столь же сурова (§§ 128-129). Должная суровость препятствует вероломству, а вероломство Леократа - самого низкого рода (§§ 130-134). Его защитники так же плохи, как и он сам (§§ 135-140). Призыв к праведному негодованию судей (§§ 141-148).

Эпилог (§§ 149-150):

"Я пришел на помощь своей стране, ее религии и ее законам, и изложил свое дело прямо и справедливо, не клевета на Леократа за его общий образ жизни и не выдвигая никаких обвинений, не относящихся к данному делу; но вы должны учесть, что, оправдывая его, вы обрекаете свою страну на смерть и рабство. Перед вами стоят две урны: одна - для предательства, другая - для спасения; голоса, положенные в первую, означают гибель вашего отечества, голоса, положенные во вторую, даются для гражданской безопасности и процветания. Если вы отпустите Леократа, вы проголосуете за предательство Афин, их религии и кораблей; если же вы предадите его смерти, вы побудите других охранять и защищать вашу страну, ее доходы и ее процветание. Так представьте же, афиняне, что земля и ее деревья призывают к вам, что гавани, верфи и стены города умоляют вас, что храмы и святые места призывают вас прийти к ним на помощь; и покажите пример Леократу, помня, какие обвинения выдвинуты против него, и что милосердие и слезы сострадания не имеют для вас большего значения, чем безопасность законов и содружества"[410].

§ 3. *Стиль и т. д.*

Ликург называется учеником Исократы; был ли он на самом деле учеником великого мастера, мы не можем сказать точно, но, несомненно, он изучал его работы. Влияние *панегирика* прослеживается то тут, то там в формах предложений и в некоторых выражениях, характерных для эпидейктического стиля. Бласс и другие обратили внимание на отдельные предложения в речи против Леократа, которые могли быть намеренно смоделированы, с необходимыми изменениями слов в зависимости от обстоятельств, на предложениях Исократы.[411] Использование пары синонимов или слов с похожим смыслом, где достаточно одного, также относится к этому стилю[412] - например, охранять и защищать, § 3; позорный и бесславный, § 91; великодушные и благородство, § 100.

К ним следует отнести такие фразы, как τὰ κοινὰ τῶν ἀδίκημάτων для τὰ κοινὰ ἀδικήματα[413] (§ 6), и использование абстрактных слов во множественном числе, как εὔνοιαί, φόβοι, § 48, 43.

Ликург очень изменчив в отношении hiatus. В некоторых случаях он намеренно избегает его, слегка искажая естественный порядок слов;[414] в некоторых отрывках ему удается избежать его без нарушения порядка - работа большего мастерства;[415] но опять же есть предложения, где последовательности открытых гласных часты и резки.[416] Другие примеры небрежного письма можно найти в неумелом соединении предложений и клаузул, например, в §§ 49-50, где несколько последовательных клаузул соединены ἄρ, [417] или в неуклюжем накоплении причастий, как в § 93.[418] Мы должны заключить, что Ликург, хотя и был настолько знаком с особенностями исократовской прозы, что воспроизводил их путем бессознательного подражания, был слишком заинтересован в своей теме, чтобы заботиться о стилистике; и что, хотя, подобно Демосфену, он записывал свои речи, на самом деле он скорее принадлежит к классу импровизационных ораторов, как Фокион.

Его склонность к эпидейктическому стилю видна и в обращении с темой; так, §§ 46-51 - это не что иное, как сжатая похоронная речь о тех, кто погиб в Хаэронее. Речь начинается с извинения (§ 46); она может показаться неуместной, говорит он, но она откровенно

представлена, чтобы указать на контраст между патриотом и предателем. Заключительные разделы панегирика таковы:

"И если позволите мне использовать парадокс, смелый, но тем не менее верный, они победили в смерти. Ведь для храбрецов наградой на войне являются свобода и доблесть, а мертвые могут обладать и тем, и другим. И далее, мы не можем сказать, что наше поражение произошло благодаря им, чей дух никогда не падал перед ужасом приближения врага; ибо тем, кто благородно падает в бою, и только им, никто не может справедливо приписать поражение; ведь спасаясь от рабства, они выбирают благородную смерть. Доблесть этих людей - доказательство того, что только они одни из всех в Греции имели свободу в своем теле, ибо с их уходом из жизни вся Греция перешла в рабство, так как свобода остальных греков была похоронена в одной могиле с их телами. Таким образом, они доказали всем, что воюют не ради своих личных целей, а подвергаются опасности ради общей безопасности. Поэтому, господа, мне не стыдно сказать, что их души - это гирлянда на челе их страны"[419].

Это, за исключением уже замеченного небольшого несовершенства стиля, по-своему хорошо, в том стиле, который традиция установила как подходящий для подобных тем. Она менее условна и, несмотря на смелые метафоры, менее неискренна, чем у Горгия, избегая экстравагантности его антитетического стиля.

Но, несмотря на извинения оратора, мы чувствуем, что она неуместна, и ее эффект портится из-за того, что она используется в аргументированном отрывке, который следует сразу за ней:

И поскольку они проявили разум в проявлении своей храбрости, вы, афиняне, одни из всех греков, умеете чтить благородных людей. В других государствах на рыночных площадях вы найдете памятники атлетам, в Афинах - хорошим полководцам и тем, кто сразил тирана. Обыщите всю Грецию, и вы едва ли найдете несколько таких людей, в то время как в любом квартале вы легко найдете тех, кто получил гирлянды за успехи в атлетических состязаниях. Так что, одаривая высочайшими почестями своих благодетелей, вы вправе подвергать жесточайшим наказаниям тех, кто бесчестит и предаёт свою страну"[420].

Он использует примеры из древней истории, как и Исократ, например, в *"Филиппах"* и *"Панегирике"*; но многие из этих эпизодов насильно втягиваются в судебное разбирательство того рода, которым занимался Ликург, тогда как у Исократа они всегда помогают передать урок, который он пытается преподнести. Так, в следующем отрывке после цитаты из Гомера следует отступление о Тиртее, сопровождаемое пространными цитатами из его произведений. При этом делается лишь видимость того, что все это имеет какое-то отношение к делу:

"Слыша эти строки и подражая таким поступкам, наши предки были настолько расположены к мужественной отваге, что готовы были умереть не только за свое отечество, но и за всю Грецию, как их общую родину. Те, кто, во всяком случае, столкнувшись с варварами при Марафоне, победили вооружение всей Азии, своей индивидуальной жертвой обеспечили безопасность для всех греков в целом, гордясь не своей славой, а делами, достойными своей страны, выставили себя поборниками греков и повелителями варваров; ведь они не номинально исповедовали мужество, а на деле демонстрировали его всему миру"[421].

Здесь Ликург возвращается к антитетическому стилю Антифона, противопоставлению "слова" и "дела", "частного" и "общественного" и т. п. Об Антифоне нам время от времени

напоминает и то, что в *"Леократе"* религиозным соображениям уделяется большое внимание. Отступления от темы можно отчасти объяснить тем, что оратор ввел некоторые из них, желая стать просветителем. Он вводит очень нравоучительную историю о молодом сицилийце, который во время извержения Этны остался, чтобы спасти своего отца, и по счастливой случайности спасся, в то время как все остальные погибли. Это его оправдание: "История может быть легендарной, но всем молодым людям будет уместно услышать ее сейчас";[422] и манера лектора очевидна в других местах: "Есть три влияния, которые прежде всего охраняют и защищают демократию и благосостояние города" и т. д. "Есть две вещи, которые воспитывают нашу молодежь: наказание злодеев и награды, даруемые хорошим людям"[423].

Совершенно не считая этих декоративных отступлений, Ликург допускает в свою обычную речь поэтические фразы и метафоры, которые более строгий вкус Исократа исключил бы. Смелые олицетворения в его эпилоге и других местах являются тому примером:

"Представьте себе, афиняне, что земля и ее деревья взывают к вам; что гавани, верфи и стены города умоляют вас; что храмы и святые места призывают вас прийти к ним на помощь"[424].

Должно быть, Ликург испытывал терпение слушателей своими пространными цитатами из поэтов. Ни один другой оратор, возможно, не осмелился бы процитировать пятьдесят пять строк Еврипида, а после короткого отрывка из Гомера - тридцать две строки Тиртея. Эсхин, несомненно, любил цитировать, но его отрывки сравнительно коротки и, как правило, к месту; он может хорошо использовать одно двустигхия. Демосфен тоже, обрывая цитаты своего великого противника, соблюдал умеренность и сезонность. Но длинные цитаты у Ликурга излишни; цитата из Еврипида - просто отрывок, ведь он уже в полудюжине строк подытожил историю, из которой извлекает мораль; и единственная цель рассказа этой истории - ввести рефрен "Леократ - человек совсем другого рода".

В этом вопросе Ликургу не хватает вкуса, то есть чувства меры; но при всем том чувствуется, что он говорит естественно, в соответствии со своим характером; он достигает высшего *этоса*, оставаясь самим собой. Мы знаем о его интересе к трагикам по тому факту, что он распорядился сохранить официальную копию пьес; и хотя для объяснения этого указа достаточно религиозных мотивов, вероятно, личные чувства, частная привязанность государственного деятеля к произведениям, которые он таким образом увековечил, в какой-то степени повлияли на его суждения.

Хотя Ликург может быть неумелым, если судить по техническим стандартам, он поражает нас своими достойными манерами. Он не опускается ни до каких риторических приемов, которые могли бы умалить это достоинство. У него нет личных оскорблений в адрес своего оппонента; он обещает придерживаться конкретного обвинения, по которому ведется судебный процесс,[425] и в конце речи может с полным правом утверждать, что он это сделал.[426] Хотя это может вызвать подозрение в подхалимстве, он отказывается от личной вражды к Леократу; он утверждает, что им движут исключительно патриотические мотивы, и мы ему верим.[427] Нам он может показаться излишне суровым; мы можем считать преступление Леократа не более чем трусостью; но мы убеждены, что Ликургу оно казалось величайшим из всех преступлений; и афинское собрание тоже, видимо, было в этом убеждено[428].

Провал в патриотизме был для Ликурга преступлением против религии, и религии в его речи уделяется самое пристальное внимание. Не может быть никаких сомнений в его искренности. Суд Ареопага, который находился под непосредственной религиозной защитой и был более тесно связан с религиозными вопросами, чем любой другой суд, упоминается им с почти преувеличенной похвалой.^[429] Ареопаг был очень уважаем всеми афинянами, но это не был демократический суд; он сохранился с додемократических времен. Оратор, желающий лишь умиловить добрую волю своей народной аудитории, восхвалял бы не старый аристократический суд, а современное народное собрание, перед которым он выступал. Ликург воздает хвалу и порицание там, где считает нужным. Его отнюдь не устраивают демократические суды.

Я тоже буду следовать справедливости в своем обвинении, ничего не подделывая и не говоря о посторонних делах. Ведь большинство тех, кто предстает перед вами, ведут себя самым неподобающим образом; они либо дают вам советы относительно общественных интересов, либо выдвигают обвинения, правдивые или ложные, всех возможных видов, а не те, по которым вы должны вынести свой вердикт.

Ни в том, ни в другом нет ничего сложного: высказать свое мнение по вопросу, который вы не обсуждаете, так же легко, как и выдвинуть обвинения, на которые никто не собирается отвечать. Но не справедливо просить вас вынести вердикт в соответствии со справедливостью, когда они не соблюдают никакой справедливости при выдвижении своих обвинений. И вы ответственны за это злоупотребление, ибо это вы дали такую лицензию тем, кто предстал перед вами....^[430].

Вся речь пронизана ссылками на религию; Реданц отмечает, что слово θεός встречается не менее тридцати трех раз; очень часто встречаются и другие слова религиозного значения, хотя оратор никогда не использует таких восклицаний, как ὦ γῆ καὶ θεοί Демосфена. Это повторение имеет меньшее значение, чем серьезный тон отрывков, в которых встречаются такие ссылки; его вступительные фразы указывают на отношение, которое он должен поддерживать:

Справедливость и благочестие будут удовлетворены, афиняне, обвинением, которое я предъявляю от вашего имени и от имени богов обвиняемому Леократу. Ибо я молю Афину и других богов, и героев, чьи статуи стоят в городе и в стране, чтобы, если я справедливо обвинил Леократа, если я привлекаю к суду предателя их храмов, их святынь и их святилищ, и жертвоприношений, предписанных законами, переданными вам вашими предками, они сделали меня сегодня обвинителем, достойным его преступлений, как того требуют интересы народа и города; И чтобы вы, помня, что ваши рассуждения касаются ваших отцов, ваших детей, ваших жен, вашей страны и вашей религии и что вы отдали на милость вашего голоса человека, который предал их всех, оказались неумолимыми судьями, как сейчас, так и на все времена, в обращении с преступниками такого рода и степени. Если же человек, которого я представляю на суд этого собрания, не является тем, кто предал свою родину и покинул город и его святыне заповеди, я молю, чтобы он был спасен от этой опасности как богами, так и вами, его судьями"^[431].

Более поздние отрывки речи углубляют это впечатление и содержат определенные утверждения веры, которые мы не можем игнорировать:

"Ибо первое деяние богов - сбить с пути разум нечестивца; и я думаю, что некоторые из древних поэтов были пророками, когда оставили для будущих поколений такие строки, как эти:

Ибо когда гнев Божий постигает любого человека,
По собственной воле его разум сбивается с пути,
И прямые суждения искажаются до кривых путей,
Чтобы, согрешив, он не знал о своем грехе.

Старшие из вас помнят, а младшие слышали историю Каллистрата, которого город приговорил к смерти. Он бежал из страны и, услышав, как бог в Дельфах заявил, что если он отправится в Афины, то получит положенное, пришел сюда и прибег к алтарю двенадцати богов; но тем не менее город предал его смерти.

Это было справедливо, ибо преступник должен понести наказание. И бог справедливо предоставил преступнику наказывать тех, кого он обидел; ведь было бы странно, если бы он являл одни и те же знаки благочестивым и нечестивым".

"Но я считаю, господа, что бог следит за каждым человеческим поступком, особенно за тем, что касается наших родителей и умерших, и за нашим благочестивым долгом по отношению к ним; и это естественно, ведь они - авторы нашего бытия и одарили нас бесчисленными благами, так что грешить против них, я не скажу, что это чудовищная нечестивость, но даже отказаться растратить собственную жизнь на благо им - это поступок"[432].

Следующий фрагмент заслуживает цитирования в качестве примера его достойной суровости:

"Ты был полководцем, Лисикл; тысяча твоих сограждан погибла, две тысячи попали в плен, наши враги установили трофей победы над Афинами, и вся Греция поработщена; все это произошло под твоим руководством и полководцем; и все же ты смеешь жить, смотреть на свет солнца и вторгаться на рыночную площадь - ты, который стал памятником позора и упрека для своей страны?"[433]

ГИПЕРИДЫ

Гиперид, выходец из семьи среднего класса, родился в 389 г. до н. э. и был почти ровесником Ликурга, чьи политические взгляды он разделял. По словам его биографа, он также был учеником Исократы и Платона, но влияние последнего нигде не прослеживается в его работах.

Человек легкого нрава и самовлюбленных привычек, он представляет собой поразительный контраст со строгостью Ликурга. Поэты-комики высмеивали его обжорство и пристрастие к рыбе, а Псевдо-Плутарх пишет, что он каждый день своей жизни прогуливался по рыбному рынку; но погоня за удовольствиями не мешала его деятельности.

Сначала он писал речи для других, как Демосфен в начале своей карьеры;[434] но еще до достижения тридцатилетнего возраста он начал лично участвовать в судебных процессах политического значения. В 360 г. до н. э. он вел дело полководца Автокла по обвинению в предательстве; выступал против оратора Аристофона из Азении и Диопитеса. В 343 г. до н. э. он подверг импичменту Филократа, заключившего мир с Филиппом.[435] Он был послан делегатом на Амфикиционный совет[436] и показал себя энергичным сторонником политики Демосфена; в 340 г. до н. э., когда ожидалось нападение Филиппа на Эвбею, он собрал флот из сорока трирем, две из которых он предоставил за свой счет. Незадолго до Хаеронеи он предложил указ о чествовании Демосфена; после битвы он принял крайние меры для обеспечения общественной безопасности, включая предоставление прав

метекам и освобождение рабов. Демадес обвинил его в принятии незаконного указа, на что он ответил: "Из-за оружия Македонии слишком темно, чтобы видеть законы; не я предложил этот указ, а битва при Хаэронее"[437]. Демадес предложил присвоить титул *проксена* Эвтикрату, который предал Олинф Филиппу. Сохранившийся фрагмент речи Гиперида на эту тему показывает, что он был мастером сарказма[438].

Мы ничего не знаем наверняка о причинах разрыва между ним и Демосфеном; возможно, он был вызван неодобрением политики бездействия последнего, когда Спарта в 330 году до н. э. захотела воевать с Антипатером; во всяком случае, его речь в 334 году до н. э. показывает, что он был непримиримым противником Македона. Никанор направил грекам прокламацию с просьбой признать Александра богом и принять обратно своих изгнанников. В то же время Гарпалус, казначей Александра, дезертировал с царской стороны и прибыл в Афины с большим сокровищем. Демосфен был за переговоры с Александром; Гиперид хотел отклонить предложения Никанора и использовать сокровища Гарпала для продолжения войны с Македонией. Гарпала арестовали, но ему удалось бежать, а многие видные государственные деятели попали под подозрение в получении от него взятки. Одним из обвинителей был выбран Гиперид, а Демосфен был сослан.

После смерти Александра Гиперид взял на себя главную ответственность за Ламийскую войну и был выбран для произнесения погребальной речи по своему другу, полководцу Леостену, и другим афинянам, павшим в этой войне. Демосфен вернулся из изгнания; оба патриота примирились и продолжали политику сопротивления, от которой благоразумие Фокиона долго пыталось отговорить Афины. После битвы при Кранноне Антипатр потребовал выдачи лидеров партии войны; Гиперид бежал, был схвачен и предан смерти в 322 г. до н. э. Говорят, что он выкусил себе язык из страха, что под пытками может предать своих друзей. Его тело оставалось непогребенным, пока благочестивый родственник не нашел его и не похоронил в семейной гробнице у Всаднических ворот. На протяжении всей своей общественной жизни он проявлял последовательность, и какой бы ошибочной ни была его политика, особенно в последние годы, честь ему и хвала за непоколебимый патриотизм, который привел его к мученической смерти в тщетной борьбе за честь своей страны.

До середины XIX века Гиперид был известен современному миру только по критике Дионисия и других античных ученых, а также по нескольким незначительным фрагментам, сохранившимся то тут, то там в виде цитат у схолиастов и лексикографов. Считается, что рукопись существовала в библиотеке в Буде, но когда этот город был захвачен турками в 1526 году, библиотека была уничтожена или рассеяна, и Гиперид был утерян.

В 1847 году фрагменты его речей стали вновь появляться среди папирусов, обнаруженных в Египте. В том же году в Англию был привезен свиток, содержащий фрагменты речи "*Против Демосфена*" и первой половины "*Защиты Ликофрона*"; второй свиток, обнаруженный в том же году, оказался содержащим вторую половину "*Ликофрона*" и всю "*Евксениппу*". В 1856 году были обнаружены значительные фрагменты "Погребальной речи". В 1890 году некоторые фрагменты речи "*Против Филиппида*" были приобретены Британским музеем, а самой важной находкой стала речь "*Против Афиногена*". Массив был приобретен для Лувра в 1888 году, но полный текст был опубликован только в 1892 году. Его значение можно оценить по тому факту, что Дионисий объединяет эту речь и "Защиту Фрины" как лучшие образцы стиля, в котором Гиперид превзошел даже Демосфена. Сам папирус представляет интерес как один из самых ранних классических MSS, которыми мы располагаем; он датируется II веком до н. э.[439].

Во многих вопросах Гиперид оспаривает сравнение с Лисиасом. Критика Дионисия заслуживает нашего внимания: "Гиперид уверен в цели, но редко превозносит свой предмет; в технике дикции он превосходит Лисия, в тонкости (структуры) - всех. Он крепко держится за предмет, о котором идет речь, и тщательно прорабатывает основные детали. Он хорошо оснащен умом и полон обаяния; он кажется простым, но не чужд хитрости"[440].

Первое предложение раз и навсегда противопоставляет Гиперида его современнику Ликургу, который, хотя и менее уверен в своей цели, обладает личным достоинством, придающим возвышенность любой теме.

Мы не располагаем достаточным количеством работ Гиперида, чтобы судить о достоинствах его дикции по сравнению с дикцией Лисия. Ему, действительно, присущи та же простота и естественность, но вряд ли, насколько мы можем судить, та же изысканность выражения.

Гермоген обвиняет его в небрежности и недостаточной сдержанности в употреблении слов, приводя в пример такие выражения, как *μονώτατος*, *γαλέαγρα*, *ἐπὶ ῥόλος* и т. д., которые кажутся ему неподходящими для литературной прозы. Как мы уже имели случай заметить, редкие и необычные слова можно встретить время от времени у каждого оратора, почти у каждого писателя. Гиперид не был пуристом; он оживлял свой стиль словами, взятыми из лексикона комедии и улицы. Он не ждал авторитета, чтобы использовать любое выражение, которое могло бы придать смысл его речи.

Критики, ожидавшие достойной сдержанности в ораторской прозе, возможно, были шокированы прилагательным *θριπὴδεστος*, "изъеденный червями", которое он применил к Греции; нам же оно кажется удачной метафорой. Из других его просторечий некоторые напоминают язык комедии - например, *κρόνος* ("старая окаменелость"), уменьшительное *θεραποντίον* и *ὀβολοστάτης*[441] ("весовщик мелочи" = "ростовщик"), *προσπερικόπτειν* ('получить дополнительную добычу' - метафора, очевидно, от обрезки дерева), *παῖδα ὠγχεῖν* в смысле 'водить за нос'. Другие кажутся просто разговорными, частью того большого и нетрадиционного словарного запаса, который вскоре должен был стать основой эллинистического греческого; ведь мы должны помнить, что уже находимся на пороге эллинизма и что аттический диалект вскоре должен уступить место распространению более свободного языка. К этому классу можно отнести *ἐποφθαλμιᾶν* ("жадно смотреть"), *ὑποπίπτειν* ("поставить себя под контроль кого-либо"), *ἐνσεῖω* ("завлекать"), *κατατέμνειν* ("злоупотреблять"), *ἐπεμβαίνω* (поэтическое или разговорное, "попирать").

В некоторых своих речах, связанных с *гетаῖрами*, он, по-видимому, использовал грубые выражения, которые оскорбляли его критиков; в его дошедших до нас речах нет ничего оскорбительного[442].

Другие метафоры и уподобления изобилуют; он любит сравнивать жизнь государства с жизнью человека, как это делает и Ликург - *ἐν μὲν σῶμα ὁ θάνατος ὑπείληφας ἔσεσθαι, πόλεως δὲ τηλικαύτης θάνατον κατέγνωσ*, 'Ты воображаешь, что один человек (*т. е. Филипп*) может жить. *т. е. Филипп*) может жить вечно, и вы вынесли смертный приговор городу, столь же древнему, как наш'. Гомеровская фраза *ἐπὶ γήρως ὁδῶ* (= *ἐπὶ γήραος οὐδῶ* "на пороге старости") любопытно введена в серьезный пассаж *Демосфена* без всякой подготовки или извинения. Мы можем только предположить, что оно было настолько знакомо его слушателям, что не показалось бы им неуместным в обычной речи. Аналогичным образом его использует Ликург.[443] В той же речи ("*Против Демосфена*") Гиперид говорит о том, что у народа отняли корону, но метафора подсказана тем фактом, что Демосфену были дарованы настоящие короны. Такие метафоры, как "другие строят свое поведение на фундаменте, заложенном Леостеном", хотя и менее распространены в греческом, чем в английском, но

вполне понятны. Счастливый пример его "уверенности в цели", которую высоко оценил Дионисий, сохранился во фрагменте о его современниках:

"Ораторы подобны змеям; все змеи одинаково ненавистны, но некоторые из них, гадюки, вредят людям, в то время как большие змеи поедают гадюк"[444].

Он использует симиле, однако, с переменным успехом; следующее, хотя концепция хороша, не проработано должным образом, поскольку параллелизм разрушается:

Как солнце обходит весь мир, отмечая времена года и упорядочивая все в должной пропорции, и для благоразумных и умеренных людей заботится о росте их пищи, плодов земли и всего остального, что полезно для жизни; так и наш город всегда продолжает наказывать злых и помогать праведным, сохраняя равные возможности для всех и сдерживая любостяжание, и своим риском и потерями обеспечивая общую безопасность для всей Греции."[445]

Эпитафия, из которой взята последняя цитата, представляет собой речь формального характера, составленную в *эпидейктическом* стиле, и, естественно, напоминает аналогичные речи Исократ и других. В ее композиции прослеживается гораздо большая тщательность, чем в других речах; так, в ней мало примеров резких хиатусов, на которые автор, как правило, не обращал внимания. Во всех других сохранившихся речах гораздо больше случаев несовпадения гласных.[446] Антитетические предложения соответствуют стилю, а периодическая структура похожа на исократовскую, только предложения в целом короче и проще.

В других речах он по своему усмотрению смешивает периодический и свободный стили. Возражение против длинного периода состоит в том, что для его понимания требуется время; мы не можем в полной мере оценить важность какой-либо одной части, пока не дойдем до конца и не сможем оглянуться на целое. Для практического ораторского искусства гораздо лучше сделать короткое заявление, которое может быть в периодической форме, и усилить его последующими дополнениями, слабо связанными καί, δέ, γάρ и подобными частицами. Так с успехом поступает Гиперид, например, в начале "*Эвксениппа*", аргументативного отрывка.[447] В повествовательных отрывках ожидается свободный стиль.[448]

В противоположность этому плавному стилю мы должны заметить быструю резкую последовательность коротких предложений, которую он иногда использует, либо в форме вопроса и ответа, как в следующем фрагменте, либо иначе:

"Вы предлагали сделать рабов свободными?" "Да, чтобы спасти свободных людей от превращения в рабов". "Предлагали ли вы, чтобы лишенные гражданских прав граждане были лишены их?" - "Предлагал, чтобы все в согласии могли сражаться бок о бок за свою страну"[449].

Еще более действенным является следующее:

"Именно поэтому вы приняли законы, отдельно рассматривающие каждое возможное преступление, которое может совершить гражданин. Человек совершает святотатство - его преследуют за святотатство перед королем-архонтом. Он пренебрегает своими родителями - архонт рассматривает его дело. Человек предлагает незаконную меру - есть совет фесмотетов. Он подвергает себя аресту - "одиннадцать" являются постоянными чиновниками"[450].

Гиперид обладал активным остроумием, которое позволяло ему во многих случаях уходить от спора, выставляя оппонента в смешном виде. Эвтиас, обвиняя Фрину в нечестивости, заставил своих слушателей содрогнуться, описывая мучения нечестивцев в Аиде. "Чем виновата Фрина, - спрашивал Гиперид, - в том, что над головой Тантала висит камень?"[451] В "Евксениппе" он жалуется, что к данному делу был применен процесс импичмента перед собранием:

"Импичмент до сих пор применялся к таким людям, как Тимомах, Леостен, Каллистрат, Филон и Теотим, которые потеряли Сестос - некоторые из них за предательство кораблей, которыми они командовали, некоторые за предательство городов, а один за то, что, будучи оратором, давал дурные советы народу Нынешнее положение дел просто смехотворно - Диогнид и Антидор подвергаются обвинению за то, что нанимали флейтистов по более высокой цене, чем позволял закон; Агасикл из Пирея подвергается обвинению за то, что был зарегистрирован как Галим; а Евксенипп подвергается обвинению из-за сна, который, по его словам, ему приснился"[452].

Его сарказм иногда игрив, даже в серьезных отрывках; например, в следующем:

Этих эвбейцев Демосфен записал в афинские граждане, и он относится к ним как к своим близким друзьям; это не должно вас удивлять; вполне естественно, поскольку его политика всегда то меняется, то меняется, он заручился друзьями людей из Эврипы"[453].

Другой хороший пример его саркастического юмора появляется в защите Евксениппа от обвинения в македонских симпатиях:

"Если бы твое утверждение (обвинителя) было правдой, ты был бы не единственным человеком, который это знает. Что касается всех остальных, кто словом или делом благоволит Филиппу, то их тайна не принадлежит им самим; ее разделяет весь город. Дети в школах знают имена ораторов, которые находятся у него на службе, имена частных лиц, которые развлекают и приветствуют его эмиссаров, и выходят на улицы, чтобы встретить их по прибытии"[454].

Этот же сарказм во многих местах является мощным орудием нападения, как, например, в следующем отрывке из обвинительного заключения Демосфена:

"Ты, по чьему указу он был заключен под стражу, кто, когда стража была ослаблена, ничего не сделал для ее обеспечения, а когда она была полностью отменена, не привлек виновных к суду - несомненно, ты напрасно использовал эту возможность с такой выгодой". Неужели мы должны поверить, что Гарпалус постепенно раздавал свои деньги мелким политикам, которые могли только шуметь и поднимать шум, и упускал из виду вас, который был хозяином положения?"[455]

Следующий фрагмент содержит самый яркий пример иронии, который можно найти в его произведениях; ситуация объясняется сама собой:

"Причины, которые привел Демадес, не являются истинным основанием для назначения Эвтикрата, но если он должен быть твоим *проксеном*, я составил и теперь выдвигаю декрет, в котором излагаю истинные причины, по которым он должен быть назначен: -Решено: назначить Евтикрата *проксеном* за то, что он действует и говорит в интересах Филиппа; за то, что, будучи назначен предводителем конницы, он предал Филиппу олинфскую конницу; за то, что этим он привел к разорению жителей Халкидики; За то, что после взятия Олинфа он

выступал в качестве оценщика при продаже пленных; за то, что он действовал против Афин в вопросе о храме на Делосе; за то, что, когда Афины потерпели поражение при Херонее, он не похоронил ни одного погибшего и не выкупил ни одного пленного.'[\[456\]](#)

Мы уже видели, как он мог направить свое остроумие против целого класса ораторов, к которому принадлежал сам; приятно обнаружить, как он в речи, которую написал за вознаграждение, так описывает Афиногена: "Обычный парень, профессиональный сочинитель речей"[\[457\]](#). Дело *логографа* - погрузить собственную личность в личность своего клиента, и Гиперид, который был художником по инстинкту, сделал это успешнее, чем любой другой сочинитель речей, за исключением, возможно, Демосфена. В данном случае он, должно быть, испытывал особое удовлетворение от своей работы.

В частных речах он вводит много вопросов, не относящихся к делу; так, в "*Афиногене*", хотя речь идет всего лишь о сомнительной деловой сделке, он вызывает одиозную реакцию, ссылаясь на политические преступления своего противника. Несомненно, многие слабые дела увенчались успехом благодаря таким приемам, вызвавшем справедливое негодование Ликурга.[\[458\]](#) В государственных делах у него более высокий идеал. Когда Ликург выступал адвокатом на другой стороне, Гиперид обращался к нему со всем уважением, приличествующим его характеру. Даже речь против Демосфена полностью свободна от личных оскорблений, если не считать легкого подтрунивания над строгими привычками Демосфена к трезвости.[\[459\]](#) Обвинение общественных действий Демосфена достаточно энергично, но сдерживается в рамках хорошего вкуса, и это не ради древней дружбы, которую Гиперид отвергает:

"После этого ты осмелишься напомнить мне о нашей дружбе? ... (как будто) не ты сам разорвал эту дружбу, когда получил деньги, чтобы причинить вред своей стране, и переметнулся на другую сторону? Когда вы выставили себя на посмешище и навели позор на нас, которые до сих пор были в вашей партии? В то время как мы могли бы пользоваться глубочайшим уважением народа и иметь на протяжении всей жизни почетную репутацию, вы разрушили все эти надежды и в вашем возрасте не стыдно предстать перед молодым поколением за получение взятки. Напротив, молодые политики должны получать образование от таких людей, как вы; если они совершают какие-то поспешные действия, их следует упрекать и наказывать. Совсем другое дело, когда молодым приходится исправлять тех, кому уже перевалило за шестьдесят. И поэтому, господа, вы вполне можете сердиться на Демосфена, ведь благодаря вам он получил свою долю богатства и славы, а теперь, ступив на порог старости, он показывает, что ему нет никакого дела до своей страны"[\[460\]](#).

Дионисий одобряет разнообразие манеры Гиперида вести повествование: "Он рассказывает свою историю разными способами, иногда в естественном порядке, иногда возвращаясь от конца к началу"[\[461\]](#). У нас нет возможности судить; "*Евксенипп*", единственная полная судебная речь, практически не содержит повествования; история *Афиногена*, очевидно, рассказана сразу, без перерыва, а затем следуют доказательства, критика и юридические аргументы. Затем следует попытка очернить характер Афиногена посторонними аргументами.

Завершить этот раздел можно несколькими фразами из трактата "*О возвышенном*", выражающими оценку общего характера его ораторского искусства:

"Если бы успехи оценивались по числу, а не по величине, Гиперид был бы абсолютно выше Демосфена. У него больше тонов в голосе и больше хороших качеств. Он почти во всем первоклассный, как пятиборец, так что, хотя другие участники в каждом состязании бьют его за первый приз, он лучший из всех, кто не является специалистом"... "Когда Демосфен

пытается быть забавным и остроумным, он вызывает смех, но это против него самого. Когда он пытается быть изящным, он терпит еще более значительную неудачу. Во всяком случае, если бы он попытался сочинить маленькую речь о Фрине или речь против Афиногена, он бы еще прочнее утвердил репутацию Гиперида". Но... красоты последнего, хотя и многочисленные, невелики; его трезвость делает их неэффективными и оставляет слушателя невозмутимым - никто, во всяком случае, не приходит в ужас, читая Гиперида"[462].

И завершается этот отрывок искренней данью уважения титанической силе Демосфена.

Гипериду приписывают семьдесят семь речей, из которых пятьдесят две греческий биограф считает подлинными.[463] Бласс собрал названия не менее шестидесяти пяти, в дополнение к пяти, сохранившимся в папирусах; таким образом, только семь неизвестны по именам. Некоторые цитаты были приведены из обвинительного акта Демосфена;[464] тема была объяснена,[465] а обработка, насколько мы можем судить по фрагментам, подвергнута критике.[466] Дата - 324 г. до н. э. "*Защита Ликофрона*" - это речь на суде εἰσαγγελία, в котором Ликург был одним из обвинителей. Ликофрон, афинский аристократ, командовал конницей на Лемносе и был обвинен в соблазнении лемнийской женщины из хорошей семьи, жены афинянина, который умер до начала рассмотрения дела. Дата неясна, возможно, около 338 г. до н. э. Дело Евксениппа связано с тем, что Филипп после Хаэроanei вернул Афинам территорию Оропа. Она была разделена на пять участков, по одному участку досталось двум племенам. Возник вопрос, не является ли часть, отданная племенам Гиппопонтидов и Акамантидов, священной для Амфиарая, и Евксениппу и двум другим было поручено спать в святилище героя и получить из своих снов предсказание на этот счет. Они сообщили о сне, который можно было истолковать в пользу их племени. В данном случае они обвиняются в том, что дали ложный отчет о своих снах. Обвиняемый и другой адвокат уже предшествовали Гипериду, так что настоящая речь посвящена в основном препирательствам с обвинителями, одним из которых был Ликург. Датируется около 330 г. до н. э.

Речь "*Против Филиппида*"[467] сильно изуродована. Это ὑραφὴ παρὰ νόμων против Филиппида, неизвестного в других местах, который предложил благодарственное голосование коллегии πρόεδροι или председателей экклесии за их действия при принятии определенного постановления, которое, кажется, было почетным голосованием Филиппа. Он был принят по принуждению, и Филиппидес попытался впоследствии снять с них всю возможную вину указом, который здесь объявлен незаконным.

Эпитафия, или погребальная речь, представляет собой сочинение в хорошо известной условной форме. Темы для таких речей уже были определены давним обычаем. Мастерство оратора проявляется в его оригинальном подходе к традиционным общим местам. Прежде всего, это сильная личная нота. Он был связан в политике с Леостеном и вместе с ним отвечал за Ламийскую войну, в которой тот погиб.[468] Его личные чувства к полководцу очень заметны в речи; Леостен - фактически главная тема; он поставлен, как замечает М. Круазе, почти на первое место. Леостен, как замечает М. Круазе, почти на одном уровне с Афинами: "Леостен, видя, что вся Греция унижена и труслива, доведена до гибели предателями, которых купили Филипп и Александр; видя, что нашему городу нужен человек, а всей Греции нужен город, чтобы взять на себя руководство, свободно отдал себя за свою страну и отдал наш город, чтобы греки завоевали свою свободу"[469]. Он рисует причудливую картину, как герои древности встречают Леостена в Аиде. Это знамение времени - так возвеличить отдельного человека; мы далеко ушли от холодной безликости

Перикла, для которого безымянные герои, жертвующие своими жизнями, - лишь часть представления, проходящего перед глазами не знающего смерти города. Утешение живых примечательно тем, что содержит ссылки на будущую жизнь, что совершенно беспрецедентно: "Трудно утешить тех, кто в такой горе; ведь ни речи, ни законы не могут отправить горе в сон"... (далее следуют замечания о вечной похвале, которые не особенно характерны; но он заканчивает в более высоком напряжении):- "Кроме того, если мертвые как будто никогда не были, наши друзья освобождены от болезней и боли и других несчастий, которые причиняют страдания человечеству; но если мертвые имеют сознание и находятся под опекой Бога, как мы верим, мы можем быть уверены, что они, которые защищали честь богов, когда она была под угрозой, теперь являются объектами любящей доброты Бога.'^[470] Воистину, Сократ жил не напрасно.

Речь "*Против Афиногена*"^[471] - восхитительный пример легкого стиля оратора. Ее главным достоинством является то, как оратор излагает события.

Клиент Гиперида, молодой афинянин, хотел заполучить в собственность юную рабыню, которая работала в парфюмерной лавке. Афиноген, владелец лавки - "вульгарный болтун, а хуже всего - египтянин", - увидев возможность выгодной сделки, поначалу отказался продать раба. Возникла ссора. В этот момент пришла Антигона, некогда самая искусная куртизанка своего времени, но теперь отошедшая от дел, и предложила свои услуги молодому человеку. Она ухитрилась забрать себе вознаграждение в 300 драхм, просто как доказательство его хорошего мнения. Позже она рассказала юноше, что уговорила Афиногена отпустить мальчика не отдельно, а вместе с его отцом и братом за сорок мин. Юноша занял деньги; последовала трогательная сцена примирения, в ходе которой Антигона увещевала двух противников впредь вести себя как друзья. Я сказал, что так и сделаю, а Афиноген ответил, что должен быть благодарен Антигоне за ее услуги; "и теперь, - сказал он, - ты увидишь, какую любезность я окажу тебе ради нее". Он предложил, вместо того чтобы освободить рабов, продать их формально истцу, который мог бы освободить их, когда захочет, и таким образом заслужить их благодарность. Что же касается долгов, которые они наделали, то ты можешь взять их на себя; они незначительны, и оставшиеся в лавке запасы легко их покроют". Получив согласие, Афиноген предъявил договор на этих условиях, который он принес с собой, и он был подписан и скреплен печатью на месте. Через три месяца несчастный покупатель обнаружил, что несет ответственность за долги и вклады в размере пяти талантов. Афиноген нелепо оправдывался тем, что ничего не знал об этом огромном долге. Его подзащитный оказался в неловком положении, поскольку формально принял на себя все дела и обязательства. Он пытается доказать, что договор должен быть признан недействительным. Его юридические притязания весьма незначительны; в действительности он обращается к справедливости. Вторая часть речи посвящена политическим отношениям Афиногена. В эпилоге судьи призывают воспользоваться случаем и наказать такого негодяя на общих основаниях, даже если в действительности его нельзя подвести под какой-либо конкретный закон.

ДИНАРХ

Динарх, последний из десяти ораторов Александрийского канона, был коринфянином по происхождению. Он жил в Афинах в качестве *метека*, но так и не получил гражданства и поэтому не мог выступать в судах и собраниях. Он родился около 360 г. до н. э.; по приезде в Афины он, как говорят, учился у Теофраста, а писать речи, как профессиональный *логограф*, начал около 336 г. до н. э. Он стал известен только после дела Гарпала, а самый расцвет его

творчества пришелся на период после смерти Александра, при олигархической конституции, установленной Кассандром. За эти пятнадцать лет, 322-307 гг. до н. э., он написал большое количество речей. В 307 году до н. э. демократическая реставрация угрожала опасностью всем, кто процветал при олигархии, и он удалился в Халкис на Эвбее, где прожил пятнадцать лет.^[472] Он вернулся в Афины в 292 году до н. э. и некоторое время жил у одного Проксена, который, воспользовавшись его возрастом и немощью, ограбил его на большую сумму денег. Он привлек своего хозяина к суду и, по словам Дионисия и других биографов, сам впервые выступил в суде. Мы ничего не знаем о результатах этого дела и не имеем сведений о дальнейшей жизни Динарха или его смерти^[473].

Динарх написал, по словам Деметрия Магнеса,^[474] более ста шестидесяти речей. Многие из них были отвергнуты Дионисием, который, однако, признает подлинность достаточно большого числа - шестидесяти из восьмидесяти семи известных ему.^[475] До нас дошли только три, и подлинность самой длинной из них - *"Против Демосфена"* - была поставлена Деметрием под сомнение. Однако мы будем считать ее подлинной, поскольку по стилю и тематике она очень похожа на остальные. Три речи - *"Против Демосфена"*, *"Аристогитон"* и *"Филокл"* - связаны с делом Гарпала. Коррупция, связанная с этим делом, была настолько глубокой, что прежде всего необходимо было найти людей с честным характером для ведения судебного преследования, и это были бы не известные ораторы, поскольку большинство видных политиков были привлечены в качестве обвиняемых по этому делу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что были наняты профессиональные ораторы или что один писатель написал речи, которые должны были прозвучать в трех из многочисленных судебных процессов.

Динарх, последний из истинно аттических ораторов, сам по себе имеет очень малое значение, но должен занять место в любой истории такого рода как представитель начала упадка ораторского искусства. Он достиг наибольшего расцвета, - говорит Дионисий, - после смерти Александра, когда Демосфен и другие ораторы были осуждены на вечное изгнание или преданы смерти, и после них не осталось никого, о ком стоило бы упоминать". Это довольно справедливая оценка заслуг человека, который, по словам того же критика, "не изобрел собственного стиля, как Лисий, Исократ и Исайя, и не усовершенствовал чужие изобретения, как, по нашему мнению, Демосфен, Эсхин и Гиперид"^[476] Его достоинства и недостатки совершенно очевидны. Он знает всю технику прозаического сочинения; он умеет ловко избегать hiatusов и пишет в легко понятном стиле, даже когда его предложения неумеренно длинны. Он обладает некоторым мастерством в использовании новых слов и метафор - μετοικνίσσασθαι τὴν τύχην, 'auspicate your fortunes anew'-ἐκκαθάρατε, 'purge him away from the State'-δευσσοποιοῦς πονηρία, 'ingrained wickedness'. Он обладает некоторой энергией и живостью: резкие высказывания, подобные следующим, достаточно лаконичны и наглядны - "Вы выбрали обвинителей в свое время; он предстал перед судом; вы оправдали его";^[477] он хорошо использует риторические вопросы, обращенные к обвиняемому: "Вы предложили какое-нибудь ходатайство об этом? Давали ли вы адвоката? Вносили ли вы деньги? Оказали ли вы хоть в малейшей степени услугу тем, кто работает ради общей безопасности? Ни в малейшей степени"... и т. д.^[478] Его сарказм, который встречается редко, потому что он обычно слишком прямолинеен, чтобы быть саркастичным, иногда бывает остроумным: "Прочтите еще раз постановление, которое Демосфен предложил против Демосфена"^[479] Он знает ораторские приемы: он может польстить присяжным, ссылаясь на их ум, восхваляя Ареопаг, перечисляя добродетели их предков. Он может апеллировать к древним и современным прецедентам в пользу беспристрастности судей и их строгости к злодеям.

Лучше всего он проявляет себя в длинном опровержении защиты, которое он предвосхищает у Демосфена[480] - в целом оно упорядоченное и эффективное, - и в коротких отрывках, подобных следующим из речи "Против Филокала":

"Размышляя над этими фактами, афиняне, и помня о нынешнем кризисе, который требует чести, а не разврата, ваш долг - ненавидеть злодеев, истребить из вашего города таких зверей и показать всему миру, что нация не разделяет деградацию некоторых своих политиков и полководцев и не является рабом общепринятого мнения; зная, что, по милости Божьей, с помощью справедливости и согласия, мы легко защитим себя, если какие-либо враги несправедливо нападут на нас, но что в союзе с коррупцией, предательством и другими подобными пороками, заражающими человечество, ни один город никогда не может быть спасен."[481]

Итак, он был вполне компетентен; но он был небрежен. Он переходит от раздела к разделу без логической и почти формальной связи; инвектива занимает место аргументации, и даже его оскорбления бессвязны. Все перегружено; другие авторы добивались поразительных эффектов легкими изменениями порядка слов; Динарх же нарушает порядок, не улучшая акцента.[482] Опять же, повторение одного слова может придать акцент, как, например: "Наемник, люди Афин, наемник он есть и был"; но этот прием используется *ad nauseam*. [483] Его предложения, большие соединения причастий и родственников, тянутся за ним, как раненые змеи.[484]

Инвективы занимали свое место в афинском ораторском искусстве, но когда на каждой странице мы встречаем такие выражения, как чудовище, поганая тварь, мерзавец, обманщик, проклятый, вор, предатель, лжесвидетель, получатель взяток, наемник, нечистый, мы чувствуем, что оратор скорее плюется, чем говорит.[485] Аналогичный недостаток порядочности проявляется и в том, что он приписывает порочные мотивы всем публичным действиям Демосфена, хорошим или плохим, и в том, что он преувеличивает проступки последнего. Он становится просто смешным, когда описывает первое заключение Аристогитона - первое из многих. Аристогитон, худший человек в Афинах, вернее, во всем мире... провел в тюрьме больше времени, чем на свободе... когда он попал туда в первый раз, он вел себя так отвратительно, что другие заключенные, отбросы всего мира, отказывались есть с ним или общаться с ним на равных условиях".[486] Это оскорбление человека, находящегося под судом за чисто политическое преступление, грубо перекрашено и, вероятно, так же ложно, как и его описание бессердечия Демосфена: "Он ходил и ликовал в несчастьях города; его везли на тележке по дороге в Пирей, насмехаясь над страданиями бедняков". Наконец, его плагиаты у Демосфена, Эсхина и других ораторов слишком многочисленны, чтобы их перечислять; он заимствует целые отрывки, не обладая ни мастерством, ни уместностью.[487] Он заимствует даже у самого себя.[488] Древние прозвища его, ἄγροϊκὸς Δημοσθενῆς, κριθινὸς Δημοσθενῆς - "хамоватый Демосфен", "малопьющий Демосфен", - настолько меткие, насколько это вообще возможно[489].

Подведем итог: весьма заметный упадок, характерный для Динарха, объясняется не отсутствием технических способностей, а отсутствием оригинальности с интеллектуальной стороны, и еще больше - моральными причинами: отсутствием литературной совести, проявляющимся в плагиатах; отсутствием должного внимания, проявляющимся в бессвязности целых речей; и отсутствием всякого чувства меры и сдержанности, проявляющимся в многочисленных преувеличениях разного рода, которые были описаны выше.

ГЛАВА XII

УПАДОК ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА

Благодаря необычайным успехам македонского оружия эллинская культура быстро распространилась на значительную часть мира, но в ходе этого процесса она была изрядно потрепана^[490].

В поколениях, последовавших за смертью Александра, условия жизни в Греции претерпели большие изменения. Афины, которые так долго были интеллектуальной штаб-квартирой мира, теперь были лишь станцией второстепенного значения. Александрия, основанная самим царем, под божественным покровительством Птолемеев стала не только великим торговым центром мира, но и величайшим центром обучения; Пергам со временем соперничал с Александрией, во всяком случае, по литературным ресурсам; Антиохия и Тарс также заняли видное место в истории образования.

С ранних времен гениальные люди, родившиеся в других частях Греции, в ионийских городах и в Магна-Греции, обращались в Афины за признанием своих способностей. С первого взгляда легко понять, сколь многим Афины обязаны этим пришельцам в своем интеллектуальном развитии - Горгию из Леонтины, Протагору из Абдеры, Анаксагору из Клазомен, Фрасимаху из Халкидона. Ее драматические поэты были ее собственными, как и ее великие ораторы, за исключением Лисия; но это отчасти объясняется тем, что конституция ее законов не давала иностранцам возможности отличиться на трибуне или сцене. Из ее великих историков один не был афинянином по происхождению и даже писал на иностранном диалекте; в философии ни один афинянин до Платона не добился настоящего признания. В эпоху Македонии у выдающегося чужеземца было больше перспектив не только на признание, но и на материальное продвижение в одном из царских городов, чем в городе-государстве, который стал не более чем мелкой сатрапией в одной из великих империй и торговал лишь угасающими воспоминаниями о своем былом великолепии. Жизнь в великих городах также сильно отличалась от жизни в демократических Афинах. Со времен Перикла и до Демосфена у всех граждан было, по крайней мере, сильное корпоративное чувство; все граждане знали друг друга. Скульптор сражался бок о бок с кожевником, Алкмеонид встречался в споре с продавцом ламп; существовало множество общих площадок, на которых все могли встречаться на равных условиях. В суде оратор должен был удовлетворить не только ученых, но и неграмотных; в театре поэт и его актеры обращались ко всем классам, от верховного жреца, которому нельзя было позволить дремать на своем центральном троне, до людей, которые ели сладости в задних рядах и, если были недовольны, с истинно афинским духом бросали эти безобидные ракеты в артистов.^[491] Более того, все говорили на одном языке. Дикция трагедии постепенно утрачивала свою искусственность, а ораторы все больше приближались к идиоматике обычной речи.

В Александрии же, если взять один типичный пример, такого единства не было. Среди греческих жителей было много сословий - придворные, ученые Музея, купцы, наемные войска, все с разными целями и занятиями; и все они составляли лишь меньшинство. Кроме того, были тысячи евреев, египтян, финикийцев, месопотамцев и других, для которых греческий язык сначала был чужим, а когда они овладели им, то говорили на κοινή, диалекте, испорченном бесчисленными чужеродными элементами. Таким образом, хотя ученость сохранялась и процветала, всегда существовало резкое различие между сословием литераторов и простым народом.

Ораторское искусство, как и все другие искусства, угасло в Афинах после смерти Александра, отчасти по указанным общим причинам, отчасти в силу особых условий афинской жизни.

Вынужденные подчиниться Антипатру в 322 году до н. э., Афины существовали на унижительных условиях. Она приняла македонский гарнизон в Мунихии, демократия была свергнута; 12 000 беднейших граждан были не только лишены прав, но и изгнаны, и была установлена олигархия. Пять лет спустя произошло временное возрождение, когда Полисперхон (317 г. до н. э.) сверг олигархию; но через несколько месяцев после этого Кассандр овладел городом и снова установил более узкое правительство, поставив правителем человека с большой эрудицией и культурой, Деметрия из Фалерума. Этот Деметрий, хотя и был фактически сатрапом Кассандра, мудро управлял городом в течение десяти лет, но в 307 году до н. э. он бежал перед приближением Деметрия Полиоркета, сына Антигона. Бесигер провозгласил свободу, которой афиняне к тому времени были недостойны пользоваться; они приписали ему божественные почести, и в 301 году до н. э. он занял свои покои в Парфеноне. Неудивительно, что Паллас Афина с отвращением бежала, когда ее святилище было осквернено развратными оргиями этого нового бога войны.

Фокион, Демадес и Динарх, современники Демосфена, дожили до того времени, когда их город оказался под властью македонян, но не оставили после себя преемников. Для оратора оставалось мало возможностей. Экклесия, когда собиралась по принуждению, могла обсуждать только внутренние вопросы; а предложения улучшить водоснабжение или воздвигнуть статуи тирану давали меньше возможностей для красноречия, чем великие вопросы мира и войны, которые раньше были предметом их обсуждения. У людей, обладающих политическими способностями, не было никакой возможности, когда политика была мертва. В судах также не могло быть публичных дел, представляющих большой интерес, сравнимых с делом *короны* или импичментом Демосфена. Частные дела, в которых начинающие политики до сих пор находили удобным пробовать свои силы, больше подходили для профессиональных юристов, и эти дела должны были значительно сократиться в количестве и значении, когда все зависимые Афины были отняты у нее.^[492] Ораторское искусство, доведенное до совершенства Исократом, также имело мало возможностей. Ни один оратор не мог подняться на Олимпийском фестивале, чтобы призвать всех греков к братству в оружии; ни одна похоронная речь не могла довести народ до слез или возвысить его до энтузиазма, когда битвы велись наемниками, а война была объявлена не нацией, а иностранным принцем. Искусство риторики все еще практиковалось, но уже Аристотель, вернувшись к первым принципам, написал первый и последний научный трактат на эту тему и показал, что она должна занять свое истинное место в качестве отрасли философии, которую следует изучать в сочетании с ее аналогом - диалектикой.^[493] Политическая теория, которая занимает видное место у Исократа и Демосфена, также стала достоянием философских школ.

Деметрий из Фалерума, регент Кассандра, считается Квинтилианом последним из ораторов. Все время, которое он мог выделить на управление городом и созерцание 360 статуй, воздвигнутых ему восхищенным или покорным населением,^[494] он посвящал изучению философии, истории и ораторского искусства. Он написал больше, чем любой другой известный эпикуреец^[495] - философские диалоги, исторические труды, эрудированные исследования, литературные и риторические изыскания, речи - все это свидетельствовало о его трудолюбии и широте интересов. Его "*Риторику*", содержащую личные воспоминания о Демосфене, цитирует Плутарх; трактат "*Демагогия*" содержит его идеи о политической науке; его история регентства (περὶ τῆς δεκαετίας) могла бы, если бы мы смогли ее восстановить,

пополнить наши скудные знания о том периоде. Сохранившиеся фрагменты его работ настолько коротки, что для оценки его значимости мы должны обратиться главным образом к Цицерону и Квинтилиану. Мы узнаем, что он был прекрасным примером "сдержанного стиля", превосходящего по изяществу и блеску, но лишенного энергичности и настоящей страсти. Философское отношение к предмету своего творчества было одной из его характерных черт.[\[496\]](#)

Несколько фактов о его жизни известны главным образом от Диогена. Он был сыном Фанострата, бесправного раба. Он учился у Теофраста и вступил в политическую жизнь около 324 г. до н. э. Принадлежа к македонской партии, он принимал участие в переговорах после Ламийской войны. В 317 году до н. э., когда Фокион был предан смерти, он бежал, но был избран гражданами, с одобрения Кассандра, своим правителем и правил с 317 по 307 год, когда его сменил Деметрий Полиоркет. Он удалился в Фивы, а через двадцать лет отправился в Египет. Изгнанный Филадельфом из Александрии, он умер от укуса змеи в одном из отдаленных владений Египта около 280 года до нашей эры.

Демохарес и Харисий также относятся к этому периоду; первый, один из немногих афинян, сохранивших независимость духа, был племянником Демосфена, стилю которого он подражал; Харисий подражал и преувеличивал простоту Лисия[\[497\]](#).

С этого времени ораторское искусство практически умерло; декларации на выдуманные темы заняли место настоящих речей в собрании или суде; ораторское искусство стало элементом образования и не более того. Нам нужно упомянуть только Гегезия из Магнезии (ок. 250 г. до н. э.), основателя того, что впоследствии было известно как "азиатская" школа риторики, характерными чертами которой были пораженческие выражения, гротескная метафора, игра слов, несочетаемые ритмы и общее отсутствие идей.[\[498\]](#) Дионисий приводит отрывок, отмечая, что он выглядит так, как будто был написан для шутки. Гегесий важен только в связи с разлагающим влиянием, которое он оказывал на своих греческих и римских последователей.

Для подлинного возрождения ораторского искусства мы должны дождаться последних лет Римской республики.

ССЫЛКИ:

[\[1\]](#) *Илиада*, ix. 443.

[\[2\]](#) *Ibid.*, ix. 502 *sqq.*

[\[3\]](#) *Herod.*, viii. 83.

[\[4\]](#) *Thuc.*, i. 138.

[\[5\]](#) § 42.

[\[6\]](#) *Brutus*, § 28.

[\[7\]](#) *Themistocles*, ch. ii.

[\[8\]](#) *Ibid.*, ch. xi.

[\[9\]](#) Ch. xxix.

[10] Plato, *Republic*, i. 330 A.

[11] Plato, *Alcibiades*, 1., 118 C.

[12] Plut., *Pericles*, ch. iv., который цитирует Платона (comicus): σὺ γάρ, ὥς φασι, Χείρων ἐξέθρεψας Περικλέα.

[13] p. 270 A, перевод Jowett.

[14] Антифон, *Тетрал.* ii.

[15] 1. 2. 40.

[16] Plato, *l.c.*

[17] Bothe, *Comic Frag.*, i. 162. См. также Аристофан, *Ахарн.* 530.

"Тогда Перикл Олимпийский в гневе своем

Светил, гремел и смущал Грецию".

[18] Thuc., ii. 65.

[19] Plut., *Pericles*, ch. vii.

[20] Arist., *Rhet.*, iii. 10. 7 D.

[21] Thuc., i. 115-117; Arist., *Rhet.*, iii. 4. 3.

[22] Arist., *ibid.*

[23] Herod., vii. 162; Arist., *Rhet.*, i. 7. 34. В более позднюю эпоху оратор Демадес заимствовал его. (Athenaeus, iii. 99 D.)

[24] Plato, *Protag.*, 317 C.

[25] Plato, *Protag.*, 337 A-C, где Платон пародирует его стиль.

[26] Цицерон, *Брут*, § 46.

[27] Arist., *Rhet.*, ii. 24. 11.

[28] *Soph. Elench.*, 183 p. 28 sqq.

[29] *Vide infra*, p. 36.

[30] Цитируется Платоном, *Phaedrus*, 273 г. до н.э.

[31] Schol. on Hermogenes; также Sext. Empir. *adv. Mathem.*, ii. 96.

[32] какоῦ Κόρακος καὶ ὠά.

[33] *Soph. Elench.*, 184 a. 1.

[34] Ср. Платон, *Горгуас*, 453 A; *Федр*, 259 E.

[35] Isocr., *Antid.*, § 155.

[36] Если верно, как говорит Филострат, *Ер.* ix., что Аспазия "отточила язык Перикла" в горгианском стиле, он должен был посетить Афины в частном порядке в более ранний

период, если только его *Ολυμπιαδα* и другие речи не были широко распространены и прочитаны.

[37] Πολλαχοῦ τῶν ἰάμβων γοργιάζει, Philost., *Lives of the Sophists*, ix. 493.

[38] Plato, *Meno*, 70 B; Philost., *Epist.* ix. 364.

[39] περὶ φύσεως ἥ τοῦ μὴ ὄντος, Sext. Emp., vii. 65. Цицерон (*Brut.*, § 46) упоминает также собрание *communes loci*, составленное в учебных целях.

[40] Arist., *Rhet.*, iii. 14. 12.

[41] *Symposium*, 194 E, *sqq.*, 197 D; последний содержит несколько прекрасных примеров: πρᾶύτητα μὲν πορίζων, ἀγριότητα δ' ἐξορίζων- φιλόδωρος εὐμενείας, ἄδωρος δυσμενείας, etc.

[42] Введение к тейбнеровскому изданию "Антифона" (1908), с. xxviii.

[43] Ps.-Plut., *Lives of the Orators*, Antiphon, § 9.

[44] Thuc., viii. 68.

[45] *Eth. Eudem.*, iii. 1232 b. 7.

[46] Софистический элемент очень заметен, особенно в тетралогиях. Как и Тисий, он широко использует аргументы от вероятности.

[47] *De comp. verborum*, ch. 22.

[48] Такими словами являются, например, ἀνατροπεύς; μήνιμα и ἀλιτήριος, отдельно, как μήνιμα ἀκέσασθαι, δεινοὺς ἀλιτηρίους ἔξομεν, или вместе, μήνιμα τῶν ἀλιτηρίων προστρίψομαι; θεία κηλὶς, γεγωνεῖν, ὀπτήρ, ἀείμνηστος.

[49] Редкими, но не поэтическими словами являются, напр. ὑπῆρκτο, χωροφιλεῖν, καταδοχθεῖς, ἐπίδοξος, и, из утраченных Речей, μοιρολογχεῖν, τριβωνεύεσθαι, ἀστοργία, и многие другие, цитируемые лексикографами за их особенность.

[50] Например, οἶδαμεν, ἦδεις, и замечательное εἰκότερον.

[51] *Vide supra*, p. 16. Яркий пример глагольной перифразы находится в Антифоне, *Геродос*, § 94: νῦν μὲν οὖν γνωριστὰί γίνεσθε τῆς δίκης, τότε δὲ δικαστὰι τῶν μαρτύρων- νῦν μὲν δοξαστὰί, τότε δὲ κριτὰι τῶν ἀληθῶν.

[52] *Rhet.*, iii. 9. 1-2.

[53] *Rhet.*, iii. 9. 3: λέξιν ἔχουσαν ἀρχὴν καὶ τελευτὴν αὐτὴν καθ' αὐτὴν καὶ μέγεθος εὐσύνοπτον. Там же, 5: εὐανάπνευστος.

[54] Herod., i. 16-17.

[55] *Id.*, iii. 80-81.

[56] Arist., *Rhet.*, iii. 9. 3.

[57] Dion., *de Lysia*, 6; ἡ συστρέφουσα τὰ νοήματα καὶ στρογγύλως ἐκφέρουσα λέξις.

[58] См. Verrall, *Rhyme and Reason*, in *The Bacchantes of Euripides*.

[59] *Supra*, p. 20.

[60] Arist., *Rhet.*, i.

[61] Например, о законах, *Herodes*, § 14, и *Choreutes*, § 2, где один и тот же отрывок длиной около восьми строк встречается только с изменением двух или трех несущественных слов.

[62] Джебб (*Аттические ораторы*, т. i. с. 40-41) настаивает на том, что значимость такого рода аргументов указывает на глубокое религиозное чувство в сердце оратора. Однако мы встречаем тот же тип аргумента у Эсхина, которому обычно не вменяют такой глубины чувств.

[63] Ср. демосфеновский сборник проοίμια.

[64] *προκατασκευή*.

[65] *διήγησις*.

[66] *πίστις*.

[67] *ἐπίλογος*.

[68] Это еще одна характерная черта ранних риторов; см. выше, с. 12.

[69] *Herodes*, § 26.

[70] Вступление составляет одну пятую часть всей речи.

[71] Ps.-Plut., *Lives of the Ten Orators*.

[72] *Attische Beredsamkeit*, vol. i. pp. 104-105.

[73] В аналогичном случае, обсуждавшемся Периклом и Протагором, рассматривалась третья возможность - вина копья. (Plut., *Pericles*, ch. 36.)

[74] *ἐνδειξις κακούργιας*.

[75] *Supra*, p. 38 sqq.

[76] *Soph. Elench.*, 183 b. 32.

[77] 267 C.

[78] x. 416 A.

[79] *Rhet.*, iii. 1. 7.

[80] Слово, по-видимому, означает *мощный* или *убедительный*; является ли слово τόποι (общие места или отрывки) или λόγοι (аргументы), мы не можем даже предположить.

[81] *de Isaeo*, ch. xx.

[82] *de Demosthene*, ch. iii.

[83] *Phaedrus*, 267 C (Jowett).

[84] Book I., 336B.

[85] *Rhet.*, iii. 8. 4; iii. 1. 7. Παэон = -παэон или παэон-.

[86] Ср. Аристоф, *Лягушки*, 866: ἐβουλόμην μὲν οὐκ ἐρίζειν ἐνθάδε.

[87] *Aesch. in Ctes.*, § 2.

[88] Ссылка Ариста, *Pem.*, ii. 23. 28 на ἡ πρότερον Θεοδώρου τέχνη - более ранний трактат Т. - подразумевает и другие.

[89] Ср. Арист, *Pem.*, iii. 13. 4: διήγησις, ἐπιδιήγησις, προδιήγησις; ἔλεγχος, ἐπεξέλεγχος.

[90] *Phaedrus*, 266 C, λογοδαίδαλος.

[91] Aristoph., *Clouds*, 109.

[92] Thuc., vi. 60.

[93] *de Myst.*, §§ 61 sqq.

[94] *Ibid.*, § 4.

[95] Dion., *de Lysia*, ch. 2.

[96] Quint., xii. 10, 21.

[97] Philostratus, *vita Her. Att.*, ii. 1, § 14.

[98] Hermogenes, περὶ ἰδεῶν, ch. xi. p. 416. Шпенгель (*Rhetores Graeci*).

[99] Ps.-Plut., *Lives of the Ten Orators*.

[100] Ниже приводится список некоторых поэтических или необычных слов и фраз, встречающихся в речах де *Μυστα*: § 29 ταῦτα τὰ δεινὰ καὶ φρικῶδη ἀνωρθίαζον. § 67 πίστιν ... ἀπιστοτάτην. § 68 ὁρῶσι τοῦ ἡλίου τὸ φῶς. § 99 ἐπίτριπτον κίναδος. § 130 κληδῶν. § 146 (γένος) οἴχεται πᾶν πρόρριζον.

de Pace: § 7 τὸν δῆμον ... ὑψηλὸν ἦρε. § 8 и в трех других отрывках κατηγοράσατο (обеспечивать, приводить в порядок, ср. Eur. *Her.*, 646 πόλει σωτηρίαν κατεργάσασθαι). § 18 κρατιστεύειν. § 31 ἐκτεῖναι τὸν θυμὸν, ἀρχὴν πολλῶν κακῶν.

De Pac отличается повторением двух грамматических форм, которые не встречаются в других речах, использованием τοῦτο μὲν, τοῦτο δέ на манер Геродота для простых μὲν и δέ; и повторением δέ с резюмирующей силой, как, *напр.*, § 27 ἃ δὲ πρὸς τούτους μόνους ἐκεῖνοι συνέθεντο, ταῦτα δ' οὐδεπώποτ' αὐτοὺς φασὶ παραβῆναι.

Нелогичное употребление множественного числа οὐδεῖς в том же значении, что и единственного (*de Myst.*, § 23 οὐδένας, § 147 οὐδένα), возможно, является разговорным. Есть много примеров использования этого множественного числа у поздних ораторов, что Лидделл и Скотт не заметили или, во всяком случае, не прояснили. Другая фраза, которая может быть разговорной, - τῇ γνώμῃ καὶ ταῖν χεροῖν ταῖν ἑαυτοῦ (*de Myst.*, § 144).

[101] *de Myst.*, §§ 48-50.

[102] *de Myst.*, §§ 37-39.

[103] *de Myst.*, §§ 1-3 и 8.

[104] *Ibid.*, § 150.

[105] *de Myst.*, §§ 4, 5.

[106] *de Myst.*, § 57.

[107] *de Myst.*, § 126.

[108] *Ibid.*, § 95.

[109] ὦ συκόφαντα καὶ ἐπίτριπτον κίναδος, к.т.λ., *de Myst.*, § 99.

[110] *Ibid.*, § 93.

[111] *Supra*, p. 66.

[112] § 8.

[113] *de Myst.*, § 112.

[114] Например, поэтическое ὑψηλὸν ἦρε. Andoc., § 7; Aesch., § 174. Ср. Еврипид, *Supp.*, 555, и *Her.* 323.

[115] *de Pace*, §§ 24-26.

[116] Frag. 5 (Blass).

[117] Две утраченные речи Ификрата, 371 и 354 гг. до н. э., были объявлены Дионисием поддельными; но, поскольку он принял дату рождения Лисия как 459 г. до н. э., он должен был заключить, что эти речи были написаны не им.

[118] *Против Эратосфена*, §§ 5-17.

[119] Dion., *de Lysia*, ch. 2: τῆς Ἀττικῆς γλώττης ἄριστος κανὼν.

[120] καταστρατηγεῖ.

[121] Например, δεινὸν δέ μοι δοκεῖ εἶναι εἰ νῦν μὲν ... τότε δέ и т. д., и ἄξιον δ' ἐνθυμηθῆναι ὅτι ...

[122] Примеры многочисленны: например, речь Полиэна ("*За солдата*", §§ 4-5) демонстрирует простоту изложения, которую Геродот не мог превзойти.

[123] Гл. ii. стр. 26-7.

[124] *Для калеки*, § 7.

[125] *К Мантитею*, §§ 18-21.

[126] *Для Калеки*, §§ 1-3.

[127] *Для Калеки*, части §§ 10-12.

[128] *Там же*, §§ 19-20.

[129] *de Caede Eratosthenis*, §§ 11-14.

[130] *Supra*, p. 76.

[131] *Supra*, p. 62.

[132] *Agoratus*, §§ 39-40.

[133] См. далее, p. 92, о вопросе подлинности.

[134] *Supra*, pp. 83 sqq.

[135] *Lysias, Nicomachus*, § 27; *Andocides, de Myst.*, § 93, цитируется *infra*, p. 96.

[136] Ps.-Plut., *Lives of the Ten Orators*; Dion., *de Lys.*, ch. 17, διακοσίων οὐκ ἐλάσσους δίκανικούς γράψας λόγους.

[137] Однако Сократ в платоновском "Менексене", 236 В, предполагает, что знаменитую похоронную речь Перикла сочинила для него Аспазия.

[138] *Epit.*, §§ 79-81.

[139] Ссылка на амазонок и общая неясность исторической обстановки тесно связаны с похоронной речью в "Менексене" Платона, которая обычно рассматривается как пародия.

[140] *Rhet.*, III. 10. 7.

[141] *de Lys.*, гл. 32.

[142] Cf. *supra*, p. 90.

[143] *Vide supra*, p. 85.

[144] *Vide supra*, pp. 85-6.

[145] *Supra*, pp. 76-7.

[146] *Andoc.*, *de Myst.*, § 90.

[147] *Vide supra*, p. 87.

[148] § 3.

[149] *Vide infra*, p. 150.

[150] *Vide supra*, p. 72.

[151] Вторая речь с тем же названием является лишь эпитомой первой.

[152] Ср. *выше*, p. 90.

[153] *Dion.*, *de Isaeo*, ch. 1.

[154] *Jebb*, vol. ii. p. 265.

[155] *de Isaeo*, ch. 1.

[156] Он, безусловно, является самым важным; в некоторых случаях мы можем дополнить его Демосфеном, но другие авторитеты незначительны.

[157] §§ 1-11.

[158] § 12. Я перевел этот раздел, хотя он и не относится к обсуждаемому вопросу, потому что он дает хорошее представление о настроениях афинян по поводу пыток рабов.

[159] *Jebb*, *Attic Orators*, vol. ii. p. 277³.

[160] Клисфен (*Herod.*, vi. 129), в момент крайнего возбуждения, заметил Гиппоклиду ἀπωρχήσαο τὸν γάμον - "Ты танцами лишил себя шансов на брак".

[161] Ср. также использование ὑπωπτιάζω в Новом Завете.

[162] Например, γρῦξαι.

[163] Уже отмечалось, что речеписцы, как правило, смехотворно безуспешны в своих попытках заставить своих клиентов говорить так, как это естественно для них (см. выше, с. 37).

[164] Например, Or. v. 23, ἡγούμενοι οὐκ ἂν αὐτὸν βεβαιώσῃ, κ.т.λ. Or. v. 31. ὡμολογήσαμεν ἔμμενέϊν οἷς ἂν γνοῖεν. Or. v. 43, δαπανηθεῖς (в среднем смысле).

[165] Например, καθιστάνειν, ψηφίσεσθε, ἄξαντες.

[166] *The Estate of Apollodorus* (Or. vii.), § 5.

[167] *Цирон* (Or. viii.), § 28.

[168] *Никострат* (Or. iv.), §§ 7-10.

[169] *de Isaeo*, ch. 3.

[170] *de Isaeo*, гл. 4.

[171] *Ibid.*, ch. 5.

[172] *Lysias*, fr. 46.

[173] *Isaeus*, fr. 15.

[174] Cf. *de Isaeo*, ch. 14.

[175] *de Isaeo*, ch. 16.

[176] *Ibid.*, ch. 3.

[177] Cf. *supra*, p. 38.

[178] Например, Opp. 2, 3, 7, 8, 9.

[179] Op. 8 (*Цирон*), § 46.

[180] *de Isaeo*, ch. 16.

[181] *Antid.*, § 161.

[182] *Phaedr.*, pp. 278-9.

[183] καὶ ἀρχὰς δὲ [καὶ] (τὰς?) περὶ τὴν Χίον κατέστησε καὶ τὴν αὐτὴν τῇ πατρίδι πολιτείαν. Ps.-Plut., 837 B.

[184] Однако, если отталкиваться от этого отрывка, мы должны считать путешествие с Тимофеем неисторическим. Все доказательства можно найти в Blass, *Att. Ber.*, vol. ii. pp. 16-17.

[185] *Antid.*, §§ 159 sqq.

[186] *de Comp. Verb.*, ch. xxiii.

[187] *de Comp. Verb.*, ch. xxiii. Он цитирует *Ареопа*, §§ 1-5.

[188] Исократ допускает элизию некоторых кратких гласных, но он более скуп, чем большинство поэтов, в ее использовании. В эпидейктических речах чаще всего элиминируются энклитики или полуэнклитики (τε, δέ и т. д.) и личные местоимения. Красис, за исключением καὶ ἄν, встречается редко. В судебных речах (его ранних работах) элизия гораздо менее ограничена.

[189] Maxim. Planud. *ad Hermog.*, v. 469.

[190] Vol. ii. p. 144.

[191] *Rhet.*, Book III. 8. 4.

[192] *Ibid.*

[193] θαυμάζειν καὶ ζηλοῦν, ἐπαινεῖν καὶ τιμᾶν и т. д.

[194] Например, *Paneg.* § 5, ὅταν ἢ τὰ πράγματα λάβῃ τέλος ... ἢ τὸν λόγον ἴδῃ τις ἔχοντα πέρας, где τέλος и πέρας, два слова, обозначающие конец или завершение, в действительности не различаются, или, во всяком случае, различие очень незначительно. Так, в *Евагоре*, § 11, εὐλογεῖν и ἐγκωμιάζειν употребляются антитетически (хвалить - восхвалять).

[195] Например, *Евагор*, § 10, αὐταῖς ταῖς εὐρυθμίαις καὶ ταῖς συμμετρίαις ψυχαγωγοῦσι τοὺς ἀκούοντας. В других местах мы находим μετριότητες, λαμπρότητες, αὐθάδεια, ἀργίαι и т. д.

[196] Aristoph., *Clouds*, *passim*.

[197] Ср. ссылку Исократа на этот отрывок в *Антид.*, § 193.

[198] *Hel.* (Or. x.), § 1, οἱ δὲ διεξιόντες ὡς ἀνδρία καὶ σοφία καὶ δικαιοσύνη ταῦτόν ἐστι.

[199] §§ 9 *sqq.*

[200] *Antid.*, §§ 187-189.

[201] §§ 19 *sqq.*

[202] *Rhet.*, i. 1. 10.

[203] τὸ τολμᾶν, § 192.

[204] *Vide supra*, p. 137.

[205] Или астрология?

[206] *Антид.*, краткое изложение §§ 181-303.

[207] *Антид.*, § 11, ἰδέαι.

[208] *Ep.* 1, § 87. Это письмо упоминается в *Philippus*, § 81; текст письма, дошедший до нас, неполный.

[209] *Philippus*, 346 г. до н. э.

[210] *Ibid.* (Or. v.), §§ 14-17.

[211] Исократ, как говорят, потратил десять лет на сочинение "*Панегирика*"; он был опубликован, вероятно, в 380 г. до н. э.

[212] Т.е. победа 10 000 человек при Кунаксе.

[213] Истинность этой максимы иллюстрируют наши записи об импровизированных выступлениях Демосфена, см. далее, с. 190.

[214] *de Isaeo*, ch. xix., παχύτερον ὄντα τὴν λέξιν καὶ κοινότερον.

[215] *Rhet.*, iii. 3. 3.

[216] *Arist.*, *Rhet.*, iii. 3. 4.

[217] *Busiris*, §§ 5-6. Он пытался сделать Сократа ответственным за проступки Алкивиада.

[218] *de Isaeo*, ch. xx.

[219] *Dion.*, *de Isocrate*, ch. xviii.: τὴν ἀπολογίαν τὴν πάνυ θαυμαστὴν ἐν ταῖς πρὸς Ἀριστοτέλη ἀντιγραφαῖς ἐποίησατο.

[220] См. *Тумарх*, § 49, где Эсхин в 346 г. до н. э. утверждает, что ему скорее больше сорока пяти лет.

[221] *Aesch.*, *de Leg.*, § 147. Дем. (*de Cor.*, 129 sqq.) утверждает, что первоначально он был рабом по имени Тромес (*Трус*), но изменил свое имя на Атромет (*Неустрашимый*).

[222] *Dem.*, *de Cor.*, §§ 258-259. См. далее *infra*, p. 249.

[223] Однако его старший брат, Филократ, трижды подряд избирался полководцем, а младший, Афобет, был отправлен послом к великому царю - *Aesch.*, *de Leg.*, § 149.

[224] *de Cor.*, § 262, *vide infra*, p. 249.

[225] *de Leg.*, § 79; *vide infra*, p. 168.

[226] См. *de Pace (passim)*, произнесенное в том же году.

[227] *Aesch.*, *Ctes.*, §§ 222-225.

[228] *Dem.*, ch. 24, περὶ Ῥόδον καὶ Ἰωνίαν σοφιστεύων κατεβίωσεν.

[229] *de Leg.*, § 16, τοῖς γὰρ καιροῖς ἀνάγκη συμπεριφέρεσθαι πρὸς τὸ κράτιστον καὶ τὸν ἄνδρα καὶ τὴν πόλιν.

[230] *Ibid.*, § 157, ὁ τῆς μεγίστης σύμβουλος πόλεως.

[231] *Hyper.*, *adv. Dem.*, xxiv.

[232] *de Leg.*, § 79.

[233] *Dem.*, *de Falsa Leg.*, §§ 145, 166-177; *de Cor.*, § 41.

[234] *Timarchus*, § 174; *Ctes.*, § 58.

[235] *Supra*, p. 148.

[236] *de Leg.*, § 163.

[237] *Vide supra*, p. 166.

[238] ἐπὶ λθέ μοι, Aesch., Ctes., § 118, где А. благодушно рассказывает обо всем происшествии.

[239] *de Cor.*, §§ 129, 262 и т. д. Далее, *de Falsa Leg.*, § 246. Тритагонист, как правило, должен играть роли царей и тиранов, которые, как правило, должны быть величественными персонажами (ср. ὁ Κρέων Αἰσχίνης, *de Falsa Leg.*, § 247).

[240] *Timarch.*, § 25.

[241] *Dem.*, *de Falsa Leg.*, § 252.

[242] *Dem.*, *de Falsa Leg.*, § 255, σεμνολογεῖ ... φωνασκήσας, etc.; *de Cor.*, § 133, σεμνολόγου; и многочисленные ссылки на τριταγωνίστης.

[243] Aesch., *de Leg.*, § 41, τὴν φύσιν μου μακαρίζων, etc. (о поведении Демосфена во время первого посольства).

[244] Ctes., §§ 228-229, ἐξ ὀνομάτων συγκείμενος и т. д.

[245] *Supra*, pp. 167-170.

[246] *Dem.*, *de Cor.*, § 128.

[247] Ссылки на себя как на πεπαιδευμένος, на своих противников как на ἀπαίδευτοι, на их ἀπαίδευσία, τό ἄμαθές и т. д. очень распространены в речах против Тимарха и о посольстве.

[248] *Infra*, pp. 184, 187.

[249] *Timarch.*, § 26. Эсхин добавляет характерный греческий штрих: "Его тело было в таком ужасном состоянии из-за его пьянства и других излишеств, что порядочные люди закрывали глаза". Именно неухоженность тела, а не обнажение рук и ног, которое преувеличено до "наготы", действительно шокировало зрителей, в дополнение к "грубым и неуклюжим" жестам оратора".

[250] *Timarch.*, §§ 37-38.

[251] *Тимарх*, § 39. Ἀκυρος употреблен в двойном смысле; ранние действия Тимарха не ратифицированы в смысле не доказаны; действия Тридцати не ратифицированы последующими правительствами. Это вольное выражение, которое не портит общего смысла, и, возможно, здесь подразумевается *амнистия*, объявленная после изгнания Тридцати. Аналогичным образом Эсхин объявляет *амнистию* за все преступления Тимарха до определенной даты.

[252] Там же, § 55. В § 70 содержится дальнейшее извинение. Ср. также § 76.

[253] *Тимарх*, § 53.

[254] Ср. далее, p. 191.

[255] *Timarch.*, § 48.

[256] *Dem.*, *de Falsa Leg.*, §§ 2, 257.

[257] ξενία, выражающая взаимные отношения хозяина и гостя, не может быть адекватно переведена на английский язык.

[258] *de Cor.*, § 51.

[259] *Ibid.*, § 284.

[260] Aesch., *de Leg.*, §§ 25-33.

[261] *Ibid.*, §§ 75-78.

[262] *Ibid.*, § 79.

[263] Ctes., §§ 119-121.

[264] Aesch., *de Leg.*, § 153.

[265] Например, *de Leg.*, § 147. Его почтение к матери выражается, там же, § 148.

[266] *de Leg.*, § 152.

[267] p. 178.

[268] Ctes., § 218.

[269] Ср. частое употребление δεινός и δεινῶς-δεινὴ ἀπαιδευσία, ἀναισχυντία; δεινῶς σχετλιάζειν, ἀσχημονεῖν, ἀγνοεῖν, etc., и соединений, таких как ὑπεραγανακτῶ, ὑπεραισχύνομαι.

[270] Например, прекрасный отрывок о Фивах, *infra*, p. 186.

[271] Речь Лисия против Эратосфена, например, содержит много сложных предложений, которые излишне неясны.

[272] ὁρώντων φρονούντων βλεπόντων ὑμῶν. Ctes., § 94.

[273] Ср. его частые ссылки на свои речи, *выше*, с. 177.

[274] Например, *de Leg.*, § 183, τοὺς εἰς τὸν μέλλοντ' αὐτῷ χρόνον ἀντεροῦντας. Blass, vol. iii. pt. 2, p. 232, отмечает, что в *de Legatione* наблюдается более последовательная осторожность в этом вопросе, чем в двух других речах.

[275] Ctes., § 99.

[276] *Ibid.*, § 78.

[277] *de Leg.*, § 81.

[278] Cf. Ctes., § 198, ὅστις μὲν οὖν ἐν τῇ τιμῇσιν τὴν ψῆφον αἰτεῖ, τὴν ὀργὴν τὴν ὑμετέραν παραιτεῖται, ὅστις δ' ἐν τῷ πρώτῳ λόγῳ τὴν ψῆφον αἰτεῖ ὅρκον αἰτεῖ, νόμον αἰτεῖ, δημοκρατίαν αἰτεῖ, ὧν οὔτε αἰτῆσαι οὐδὲν ὅσιον οὔτ' αἰτηθέντα ἐτέρῳ δοῦναι.

[279] Например, ямбика, Ctes., § 239, ἃ σωφρονῶν ὁ δῆμος οὐκ ἐδέξατο; и *de Leg.*, § 66, μίαν δὲ νύκτα διαλιπὼν συνηγόρου, etc.; анапестический эффе́кт, *ibid.*, 223, ἀεὶ τὸ παρὸν λυμαινόμενος, τὸ δὲ μέλλον κατεπαγγελόμενος; и любопытное сочетание, *ibid.*, 91, ἀπάντων μετασχὼν τῶν πόνων τῇ πόλει, [?]--| [?]--| -[?]--| -[?]--.

[280] Ctes., § 135.

[281] *de Leg.*, §§ 110, 21.

[282] Ctes., §§ 192-193.

[283] Ctes., §§ 133-136.

[284] Ctes., §§ 99-100.

[285] Dem., de Cor., §§ 129, 259.

[286] Ctes., §§ 172-173.

[287] de Leg., §§ 106-107.

[288] de Leg., §§ 34-35.

[289] Ctes., § 212, οὐ κεφαλὴν ἀλλὰ πρόσοδον κέκτηται. Игру слов воспроизвести нелегко: κεφαλή, конечно, предполагает κεφάλαιον, 'основной' или 'капитал', а πρόσοδος - 'доход' или 'выручка'.

[290] de Falsa Leg., § 339.

[291] Aesch., de Leg., § 1.

[292] La Litt. Grecque, iv. 643, со ссылкой, в частности, на Ctes., § 133 (цитировано выше, с. 186) и §§ 152 sqq.

[293] Например, о Демосфене, цитируется выше, с. 187-188.

[294] de Sublim., ch. xxiv., οὐ γέλωτα κινεῖ μᾶλλον ἢ καταγελάται.

[295] Моммзен (Книга v., гл. xii. стр. 609-610, англ. изд. 1887 г.) мог написать о Цицероне: "У Цицерона не было ни убеждения, ни страсти; он был только адвокатом, и не очень хорошим"... "Если в этом деле есть что-то замечательное, то это, по правде говоря, не орации, а восхищение, которое они вызывали".

[296] Например, в частности, §§ 171-176, частично цитируется выше, с. 188.

[297] Quoted supra, p. 185.

[298] Frogs, 892, αἰθήρ, ἐμὸν βόσκημα, καὶ γλώττης στροφίγξ, καὶ ξύνεσι, etc.

[299] Aesch. (Ctes., § 171) говорит только ἀφικνεῖται εἰς Βόσπορον, что двусмысленно, так как Βόσποροι было несколько. Тот факт, что он называет женщину Σκυθίς, кажется, доказывает, что он имел в виду Крым.

[300] Пифей, цитируемый Дионисием.

[301] Последние частные речи, подлинность которых не вызывает сомнений, датируются 346 и 345 гг. до н. э., но другие, например, "Против Формиона", подлинность которых не подвергалась сомнению в древности, относятся к 326 г. до н. э. или даже позже. Подлинность *Phormio* по крайней мере вероятна.

[302] Aesch. (в 345 г. до н. э.) в "Тимархе", §§ 117, 170-175, называет его учителем. В Посольстве (343 г. до н. э.) нет никаких упоминаний об этой профессии.

[303] Против Калликла.

[304] Против Конона.

[305] Речи против Зенотемиса, Лакрита, Дионисодора и Формиона.

[306] Например, против Беота.

[307] § 61. "Πιδνα и Потидея, которые подвластны Филиппу и враждебны тебе". Также § 63.

[308] ἐπιστολιμαίους δυνάμεις, § 19.

[309] § 19, δύνανται ... ἢ συνεχῶς πολεμήσει....

[310] § 21, χρόνον τακτὸν στρατευομένων, μὴ μακρὸν τοῦτον, ἀλλ' ὅσον ἂν δοκῇ καλῶς ἔχειν, ἐκ διαδοχῆς ἀλλήλοις.

[311] § 23, οὐ τοίνυν ὑπέρογκον αὐτήν (οὐ γὰρ ἔστι μισθὸς οὐδὲ τροφή), οὐδὲ παντελῶς ταπεινὴν εἶναι δεῖ.

[312] Я принял традиционный порядок олинфских речей за правильный. Этот вопрос вызывает много споров, и его доходчиво обсуждает М. Вейль в своем вступлении к речам (*Les Harangues de Démosthène*).

[313] Isocr., *Philippus*, § 73-74.

[314] *Chers.*, §§ 24-26.

[315] § 77.

[316] § 19.

[317] § 20.

[318] §§ 26-27.

[319] Этот вопрос прекрасно рассмотрен М. Вейлем (*Les Harangues de Démosthène* (2me éd.), pp. 312-316). Его аргументы должны быть внимательно прочитаны теми, кто интересуется этой темой. Я цитирую только его выводы: "Мы убедились, что многие отрывки, которые встречаются в S и L, не могли возникнуть иначе, чем у самого Демостена" (p. 314). 'Le résultat de cet examen, c'est que nous nous trouvons en présence de deux textes également autorisés, et que les additions et les modifications qui distinguent l'un de l'autre doivent être attribuées à l'orateur lui-même...' (p. 315). Эти выводы принимают Бласс (*Att. Bered.*, 1893) и Сэндис (1900), который, однако, считает, что более короткая версия была первым черновиком оратора. Бутчер (*Demosthenes*, 3rd ed., 1911) считает, что более короткий текст представляет собой "зрелое исправление оратора".

[320] *de Cor.*, §§ 169-170.

[321] Филипп, по-видимому, искренне восхищался Афинами и всегда относился к ним с необычайным вниманием. Полную оценку этого отношения см. в Hogarth, *Philip and Alexander*.

[322] Plut., *Dem.*, ch. xxiii.

[323] См. также *infra*, p. 253, прим. 1, и p. 254.

[324] Hyp., *Against Dem.*, fr. 3, col. xiii.

[325] Dinarchus, *Against Dem.*, § 1.

[326] Butcher, *Dem.*, pp. 124-127.

[327] Этот рассказ взят из Плутарха (*Dem.*, ch. xxix.).

[328] Лукиан, *Дем. Enc.*, § 50.

[329] *de Sublimi*, ch. xxxiv.

[330] § 36, οἷον ἐκ μανδραγόρου καθεύδοντας.

[331] Aesch., *Ctes.*, §§ 72, 166; *de Leg.*, § 21; *Ctes.*, §§ 84, 209.

[332] Plut., *Dem.*, ch. ix., παράβακχον.

[333] ἐνθουῶντα. Ср. Аристофан, *Облака*, 194:

μὰ γῆν, μὰ παγίδα, μὰ νεφέλας, μὰ δίκτυα.

[334] В частности, карикатуры на личную жизнь и семейную историю Эсхина в *de Corona*, §§ 129-130, 260. Г-н Пикард-Кембридж ясно дает понять, что обычные члены судебных органов в социальном отношении были ниже среднего уровня, чем члены еkkлeсии. Плата в обоих случаях была недостаточной, чтобы привлечь кого-либо, кроме безработных, но в то время как у представителей обеспеченных классов было бы достаточно мотивов для посещения еkkлeсии, а состоятельные бизнесмены могли бы бескорыстно жертвовать ценным временем на благо государства, у таких людей было бы мало побуждений переносить утомительную рутину судебных заседаний (см. *Демосфен*, гл. iii).

[335] Например, *Конон*, § 4.

[336] *de Cor.*, § 263.

[337] *de Falsa Leg.*, § 148.

[338] *Мидий*, § 91.

[339] Там же, § 105.

[340] С другой стороны, он часто извиняет метафоры ὥσπερ или οἷον-ἥν τοῦθ' ὥσπερ ἐμπόδιμά τι τῷ Φιλίππῳ - хотя ἐμπόδιμα, вероятно, такая же естественная форма выражения, как наше "препятствие".

[341] *de Falsa Leg.*, § 275.

[342] I *Фил.*, § 45; ср. τεθνάναι τῷ φόβῳ Θηβαίους, *de Falsa Leg.*, § 81.

[343] *de Cor.*, § 296.

[344] *de Cor.*, § 169.

[345] *de Cor.*, § 208.

[346] *de Thucyd.*, ch. 53.

[347] *Против Конона*, §§ 3-5.

[348] *Против Конона*, §§ 8-9.

[349] *de Demos.*, ch. xv.

[350] *Demos.*, ch. xxii.

[351] *Demos.*, chs. liii., liv. Так, Эсхин, прочитав вслух несколько отрывков из Демосфена и заметив их воздействие на слушателей, воскликнул: "А что, если бы вы услышали самого грубияна?"

[352] *de Chersoneso*, §§ 69-71, приводит пример предложения из примерно двадцати семи строк в издании Teubner.

[353] *Тимократ*, § 217, οὐδ' ὅτιοῦν ἄν ὄφελος εἴη является примером (???)--); в данном случае никакое другое расположение слов было невозможно; οὐδ' ὅτιοῦν ἄν εἴη ὄφελος дало бы резкую заминку. Ср. также *Первый Олинф*, § 27, ἡλίκα γ' ἐστὶ τὰ διάφορ' ἐνθάδ' ἢ 'κεῖ πολεμεῖν, где пять шор появляются последовательно.

[354] *Например, de Falsa Leg.*, § 11, διεξιὼν ἡλίκα τὴν Ἑλλάδα πᾶσαν, οὐχὶ τὰς ἰδίας ἀδικοῦσι μόνον πατρίδας οἱ δωροδοκοῦντες. Положение ἀδικοῦσι своеобразно, но предложение уже содержит преобладание коротких слогов, и любое другое расположение дало бы большее их количество вместе: *напр.* более естественные порядки τὰς ἰδίας μόνον πατρίδας ἀδικοῦσι (??-?-?) или ἰδίας μόνον ἀδικοῦσι πατρίδας (??-?-?).

[355] *Arist., Rhet.*, iii. 8. 4.

[356] *Super alta vectus Attis celeri rate maria*, etc. Окончание с пятью короткими слогами создает впечатление стремительной скорости.

[357] Ср. "спондейский" гимн, Ζεῦ πάντων ἀρχά, πάντων ἄγῃτορ, Ζεῦ σοὶ σπένδω ταύταν ὕμνων ἀρχάν.

[358] *Croiset, Hist. de la Litt. Gr.*, tome iv., pp. 552-553.

[359] См. *ad hoc*, *Croiset*, iv. 553. 1.

[360] *de Symmor.*, §§ 24-26.

[361] *Третий Олинфский*, §§ 10-11.

[362] Цитируется выше, с. 230.

[363] *Supra*, p. 245.

[364] *Первый Олинфский*, §§ 25-26.

[365] *Херсонес*, §§ 61-67. Рассказ о нынешнем состоянии Фокиса - простой, но впечатляющий аргумент описания: "Это было ужасное и печальное зрелище, господа; когда мы недавно ехали в Дельфы, мы были вынуждены видеть все это: дома в руинах, стены разрушены, страна пуста от мужчин военного возраста; только несколько бедных женщин, маленьких детей и стариков в жалком состоянии - слова не могут описать глубину несчастья, в котором они теперь погружены" (*de Falsa Leg.*, § 65).

[366] Ср. *Третий Олинфский*, §§ 24-26.

[367] То есть, на каждом собрании экклесии, на котором можно было принимать законы.

[368] *Тимократ*, §§ 139 *sqq.*

[369] В частности, *de Corona*, §§ 129-130, 258-262. Ср. *выше*, с. 164.

[370] *de Corona*, §§ 261-262.

[371] *Vide supra*, pp. 170, 177.

[372] οὐ γάρ πως ἅμα πάντα θεοὶ δόσαν ἀνθρώποισι.

[373] *de Sublimi*, ch. xxxiv.

[374] *de Falsa Leg.*, §§ 112-113, с примечанием Вейля.

[375] § 90.

[376] §§ 9, 196. Вейль справедливо замечает: "Ораторы не жалеют быть точными: они широко используют гиперболу".

[377] Мистер Пикард-Кембридж (*Demos.*, p. 80) замечает: "Люди, собравшиеся в толпу, не думают..... Оратору часто приходится использовать аргументы, которые не может защитить никакая логика, и применять к толпе методы убеждения, которые он постеснялся бы использовать, если бы имел дело с личным другом". Это отчасти верно, но должно быть принято с оговорками. Аргументы в речах Демосфена, как правило, выдерживают проверку, а публичные выступления выдающихся государственных деятелей этой страны о причинах Великой войны часто апеллируют к *высшей* природе своих слушателей.

[378] Есть псевдоэпilog, §§ 126-159, посвященный главным образом рождению и жизни Эсхина. На этом можно было бы закончить речь, но в § 160 оратор возвращается к рассмотрению и защите своей собственной политической жизни. Настоящий эпilog содержится в §§ 252-324. Беспорядок, несомненно, частично объясняется особыми обстоятельствами дела, а именно тем, что вопросы судебного разбирательства были гораздо шире, чем могло показаться. Демосфен стремится не столько доказать законность ктесифонского указа, сколько предложить *апологию* своего собственного политического поведения на протяжении многих лет.

[379] Цитируется *выше*, стр. 216.

[380] Правдоподобный ответ. В Греции в настоящее время водотоки используются в качестве дорог, то же самое можно сказать и о юге Испании. В Малаге, несколько лет назад, трамвайная линия фактически пересекла русло реки.

[381] *Vide supra*, p. 237.

[382] § 136.

[383] § 167.

[384] §§ 210 *sqq.* "Характер государства отражается в его законах" (νόμους ... ὑπείληφαςι ... τρόπους τῆς πόλεως.).

[385] *Vide supra*, p. 190.

[386] *Ctes.*, § 52.

[387] *Vide supra*, pp. 168, 194, 223.

[388] Ср. *выше*, стр. 223.

[389] Из Динарха, *Аристогитон*, § 13, мы знаем, что этот суд незадолго до дела Гарпала.

[390] *de Cor.*, § 313, τραγικὸς Θεοκρίνης.

[391] *Vide supra*, pp. 244-245.

[392] Этот Гегезипп, оратор второстепенного значения, был горячим сторонником патриотической партии. В 357 г. до н. э. он выдвинул обвинение против некоего Каллиппа в связи с делами Кардии (*de Halon.*, § 43, и гипотеза к речи). В 343 году до н. э. он был одним из членов посольства, отправленного к Филиппу (*Demos.*, *de Falsa Leg.*, § 331). В 325 году до н. э. он был еще жив (*Croiset*, vol. iv. p. 621). Сохранившаяся речь состоит из ясного и прямолинейного обсуждения различных пунктов предложения Филиппа; стиль прост, но без различий, и Дионисий, который не сомневался, что это работа Демосфена, замечает, что оратор вернулся к стилю Лисия (*de Demos.*, ch. ix.). Часто встречаются перерывы, есть несколько монотонных повторений. Критиков несколько шокировала заключительная фраза § 45 - "Если вы носите свои мозги в голове, а не в пятках, чтобы ходить на них". Эсхин называет оратора κρώβυλος, из-за его манеры носить волосы в "пучке" на макушке.

[393] *Dinarchus*, *Demos.*, § 104, ὁμολογῶν λαμβάνειν καὶ λήψεσθαι.

[394] *Plut.*, *Moralia*, 820 F, κατεχώνευσαν εἰς ἀμίδας.

[395] *Demetrius*, *de Elocutione*, §§ 282, 284.

[396] *Ibid.*, § 286.

[397] Об этом и других суждениях см. *Plut.*, *Demos.*, chs. viii.-x.

[398] *Ibid.*, ch. viii.

[399] *Dionysius*, *Isaeus*, ch. iv.

[400] Гипотеза к Демосу, *Против Аристогитона*.

[401] В некоторых списках Демосфена (*Phil.*, iii., § 72) его имя встречается как члена посольства, которое совершило поездку по Пелопоннесу в 343 г. до н.э., чтобы вызвать оппозицию против Филиппа.

[402] См. (Аристотель) Ἀθηναίων πολιτεία, гл. 43, с примечаниями Сэндиса. Он должен был быть либо ταμίης τῶν στρατιωτικῶν, либо президентом οἱ ἐπὶ τὸ θεωρικόν, или, возможно, он занимал оба эти поста, как предполагает сфера его деятельности. Плутарх говорит: πίστευσάμενος τὴν διοίκησιν τῶν χρημάτων.

[403] Птолемей Филадельф одолжил ее, чтобы переписать. Он внес большую сумму в качестве залога, но в конце концов пожертвовал залогом, сохранил оригинал и подарил Афинам свою новую копию.

[404] Он носил одну и ту же одежду летом и зимой, а обувь - только в очень суровую погоду (*Пс.-Плут.*).

[405] См. его осуждение сторонников Леократа, § 135.

[406] οὐ μέλανι ἀλλὰ θανάτῳ χρίοντα τὸν κάλαμον κατὰ τῶν πονηρῶν (*Ps.-Plut.*).

[407] *Suidas*.

[408] Предполагая (вместе с Блассом) подлинность третьего письма Демосфена, которая сомнительна.

[409] Этот список взят из Суидаса. Список, составленный Блассом на основе различных источников, отличается в некоторых деталях.

[410] §§ 149-150.

[411] E.g. cf. § 3, ἐβουλόμην δ' ἄν, ὥσπερ οὐφελιμὸν ἐστὶ и т. д., с Isocr. viii. (*de Pace*), § 36, ἡβουλόμην δ' ἄν, ὥσπερ προσήκόν ἐστιν, etc. также § 7 с Isocr. vii. (*Areopagiticus*), § 43, и т. д.

[412] Ср. *выше*, с. 134.

[413] Это иносказание, возможно, первоначально использовалось для избежания хиатуса, как в приведенном примере и в § 111, τὰ καλὰ τῶν ἔργων; оно, однако, используется и в тех случаях, когда это соображение не принимается во внимание, *например*, в § 48, τοὺς ποιητοὺς τῶν πατέρων.

[414] *Например*, § 7, οὐ μικρόν τι μέρος συνέχει τῶν τῆς πόλεως, οὐδ' ἐπ' ὀλιγὸν χρόνον, где *сυνέχει* | *οὐδ'* намеренно избегается.

[415] *Например*, §§ 71-73.

[416] *Например*, § 143, καὶ αὐτίκα μάλ' ὑμᾶς ἀξιώσει ἀκούειν αὐτοῦ ἀπολογουμένου. § 20, πολλοὶ ἐπείσθησαν τῶν μαρτύρων ἢ ἀμνημονεῖν ἢ μὴ ἐλθεῖν ἢ ἑτέραν πρόφασιν εὐρεῖν.

[417] См. перевод на с. 278.

[418] φυγόντα, καὶ ... ἀκούσαντα ..., ἀφικόμενον καὶ ... καταφυγόντα, καὶ οὐδὲν ἥττον ... ἀποθανόντα.

[419] §§ 49-50.

[420] § 51.

[421] § 104.

[422] § 95.

[423] §§ 3, 10; ср. также § 79.

[424] § 150, ср. также § 43. "Он ничего не сделал для безопасности нации в то время, когда страна жертвовала свои деревья, мертвые - свои могилы, а храмы - свое оружие". И § 17, οὔτε τοὺς λιμένας τῆς πόλεως ἐλεῶν; § 61, πόλεώς ἐστι θάνατος ἀνάστατον γενέσθαι. У Гиперида есть столь же смелое выражение: "Обрекая город на смерть".

[425] § 11.

[426] § 149.

[427] § 5.

[428] Леократ был оправдан только одним голосом.

[429] § 12. "Он настолько превосходит другие суды, что даже те, кто осужден в нем, не сомневаются в его справедливости. Вы должны взять его за образец".

[430] §§ 11-12.

[431] §§ 1-2.

[432] §§ 92-94.

[433] *Против Лисикла*, fr. 75.

[434] Он не мог позволить себе быть конкретным в отношении дел, которые он рассматривал; дело Афиногена далеко не респектабельно с обеих сторон, и несколько его речей были связаны с *гетайрами* менее респектабельного рода. Его защита знаменитого Фрина была его шедевром.

[435] Он упоминает эти три случая среди самых известных дел, в которых он принимал участие ("*К Евксениппу*", § 28).

[436] *Demos., de Cor.*, §§ 134-135.

[437] Fr. 28.

[438] *Vide infra*, p. 295.

[439] Согласие Бласса и Кеньона по этому вопросу можно считать окончательным. Небольшие фрагменты другой речи *Ликофрона* были недавно опубликованы (*Par. Oxyrh.*, vol. xiii.).

[440] ἀρχαίων κρίσις, v. 6.

[441] ὀβολοστατεῖν использовал и Лисий (fr. 41).

[442] *Demetrius*, περὶ ἑρμηνείας, § 302.

[443] *Leoc.*, § 40.

[444] Fr. 80.

[445] *Epitaphios*, § 5.

[446] Cf. *de Demos.*, col. xi, ἐν τῷ δήμῳ ἑπτακόσια φήσας εἶναι τάλαντα, νῦν τὰ ἡμίση ἀναφέρεις, καὶ οὐδ' ἐλογίσω ὅτι τοῦ πάντα ἀνενεχθῆναι ὀρθῶς, к.т.λ. *Ibid.*, col. xiii., καὶ οἱ ἄλλοι φίλοι αὐτοῦ ἔλεγον ὅτι ἀναγκάσουσι, к.т.λ. *Евксенипп*, § 19 и др.

[447] §§ 1-3, хотя во второй строке § 3 стоит точка, на самом деле являются одним предложением, но, несмотря на свою длину, они совершенно ясны.

[448] Хороший пример истории, рассказанной последовательностью коротких предложений, соединенных καὶ, можно найти в "*Афиногене*", § 5.

[449] Frr. 27-28.

[450] *Евксенипп*, §§ 5, 6.

[451] Fr. 173.

[452] *Евксенипп*, §§ 1-3.

[453] *Против Демоса*, fr. v., col. xv. 15. Прилив и отлив в Эврипе, который то усиливался, то ослабевал девять раз в день, был, конечно, поговоркой.

[454] *Euxenippus*, col. xxxiv., § 22.

[455] *Against Demos.*, col. xii.

[456] Fr. 76.

[457] *Athenogenes*, col. 2, ἄνθρωπον λογόγραφόν τε καὶ ἀγοραῖον.

[458] *Lycurgus, Leocr.*, § 11; ср. § 149.

[459] Col. xxxix., последние два фрагмента речи в издании Бласса.

[460] *Demos.*, v., §§ 20-21.

[461] *de Dinarcho*, ch. 6.

[462] περὶ ὕψους, гл. 34.

[463] *Ps.-Plut.*, § 15.

[464] *Supra*, pp. 18, 294-296.

[465] *Supra*, p. 225-227.

[466] *Supra*, p. 296.

[467] Дата 336-5 гг. до н.э.

[468] 322 Г. ДО Н.Э.

[469] *Epitaphios*, § 10.

[470] *Epitaphios*, §§ 41-43.

[471] Дата между 328 и 323 гг. до н.э.

[472] *Dion. (de Dinarcho, ch. iv., ad fin.)* считает, что в это время он не писал речей, так как никто не брал на себя труд ехать в Халкис для произнесения речи ни на частном, ни на общественном мероприятии-οὐ γὰρ τέλεον ἡπόρουν οὕτω λόγων. Дионисий, следовательно, отверг как подделку все речи, приписываемые Динарху, которые были датированы между 307 и 292 гг. до н.э.

[473] Суидас говорит, что он был назначен Антипатром комиссаром Пелопоннеса (ἐπιμελητὴς Πελοποννήσου), но это был другой Динарх. Деметрий Магнес, которого цитирует Дионисий (*Din.*, ch. 1), упоминает четырех человек с таким именем.

[474] В Дионисии, *de Din.*, гл. 1.

[475] Любопытные могут собрать титулы у Дионисия (*de Din. chs. x.-xiii.*).

[476] *Dion., Din.*, ch. 2.

[477] *Demos.*, § 58.

[478] *Ibid.*, § 35.

[479] Там же, § 83.

[480] *Демос.*, §§ 48-63.

[481] *Фил.*, § 19.

[482] В таких экстравагантностях, как ἡ τῶν ἐκ προνοίας φόνων ἀξιόπιστος οὕσα βουλὴ τὸ δίκαιον καὶ τ'ἀληθὲς εὐρεῖν (*Demos.*, § 6). Ср. также §§ 12, 23, 59, 110 и др.

[483] *Демос.*, § 28; ср. §§ 10, 27, 46, 76 и др.

[484] *Демос.*, §§ 18-21 (тридцать шесть строк без настоящей остановки); *Филокл.*, §§ 1-3 (двадцать три строки).

[485] *θηρίον*, μιарός, μιαρὸν θήριον, κάθαρμα, γόης, κατάρατος, κλέπτης, προδότης, ἐπιωρκηκώς, δωρόδοκος, μισθωτός, καταπτυστός взяты без особого усердия из его изящного репертуара.

[486] *Aristog.*, §§ 1, 2, 9-10.

[487] *Demos.*, § 24, описание Фив, от Эсхина. См. Weil, *les Harangues de Démosthène*, p. 338, примечание к *Philippic*, iii., § 41, и *Din.*, *Aristog.*, § 24, который заимствован из него: "Il est à son modèle ce que la bière est au vin." (Это ячменное пиво было варварским напитком).

[488] *Например*, отрывок о сыне Конона, *Demos.*, § 14, снова использованный в *Phil.*, § 17.

[489] *Dion.*, *de Din.*, ch. viii.; *Hermogenes*, περὶ ἰδεῶν, В, р. 384, iv.

[490] Общий упадок вкуса отразился на литературном стиле, см. *далее* с. 309-10.

[491] *Arist.*, *Eth. Nic.*, х. 5. 4, οἱ τραγῆματίζοντες. *Demos.*, *de Cor.*, cf. *supra*, р. 249.

[492] *Например*, многие из частных речей Демосфена касаются морских спекуляций; при Македоне многие из этих дел решались бы в местных судах, а не в Афинах, и сокращение афинской торговли еще больше уменьшило бы их число.

[493] *Arist.*, *Rhet.*, 1. i., *ad init.*

[494] *Diog. Laert.*, v. 75.

[495] *Ibid.*, v. 80-81.

[496] *Cicero*, *Brutus*, § 37; *Orator*, § 92; *de Oratore*, ii. § 95; *Quint.*, х. 1, 80; *Diog. L.*, v. 82.

[497] *Cicero*, *Brutus*, § 286.

[498] Он очень любил *дипрохею* (-~~2~~-~~2~~) в конце предложения, см. *Cicero*, *Brutus*, § 286; *Orator*, §§ 226, 230; *Dion.*, *de Comp. Verb.*, ch. xviii.